

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Сысоев Матвей Сергеевич

**НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПАНПСИХИЗМ
В КОНТЕКСТЕ ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ**

Специальность – 5.7.1. Онтология и теория познания
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Иванов Дмитрий Валерьевич

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Трудная проблема сознания и современный панпсихизм	20
1.1. Понятие сознания и его феноменальный аспект	20
1.1.1. Проблемы определения понятия сознания.....	20
1.1.2. Описание состояния и перечисление характеристик	24
1.2. Трудная проблема сознания.....	48
1.2.1. Контекст возникновения трудной проблемы сознания	48
1.2.2. Формулировка трудной проблемы сознания и аргумент от мыслимости.....	56
1.2.3. Последствия аргумента от мыслимости	69
1.3. Современный панпсихизм.....	74
1.3.1. Общее понятие современного панпсихизма	74
1.3.2. Панпсихизм как решение трудной проблемы сознания	87
1.3.3. Разновидности панпсихизма и их основные особенности.....	92
1.4. Выводы первой главы	98
Глава 2. Комбинаторная проблема и стратегии её решения.....	103
2.1. Проблема комбинации субъектов.....	103
2.1.1. Формулировка проблемы комбинации субъектов.....	103
2.1.2. Сопоставление трудной проблемы сознания и проблемы комбинации субъектов.....	111
2.2. Стратегии решения комбинаторной проблемы в панпсихизме	118
2.2.1. Мистерианские решения комбинаторной проблемы	118
2.2.2. Эмерджентизм как решение трудной и комбинаторной проблем	122
2.2.3. Элиминативизм и ослабление требований к субъективности как решения комбинаторной проблемы	130
2.2.4. Проблемы информационного панпротопсихизма	138

2.3. Выводы второй главы	152
--------------------------------	-----

Глава 3. Перспективы панпсихизма в решении трудной и комбинаторной проблем..... 156

3.1. Панпсихизм в контексте научных теорий сознания.....	156
--	-----

3.1.1. Перспективы поиска протопсихического свойства в науке	156
--	-----

3.1.2. Панпсихизм и мереологическая проблематика в контексте когнитивных теорий сознания.....	161
---	-----

3.2. Космопсихизм и его перспективы.....	173
--	-----

3.2.1. Метафизические основания космопсихизма.....	173
--	-----

3.2.2. Проблема декомбинации в космопсихизме.....	179
---	-----

3.3. Рестриктивный подход и его перспективы.....	186
--	-----

3.3.1. Основания и общая формулировка рестриктивного подхода	186
--	-----

3.3.2. Рестриктивный подход и принцип экономии постулирования.....	193
--	-----

3.3.3. Перспективы рестриктивного подхода в объяснении сознания	198
---	-----

3.4. Выводы третьей главы.....	201
--------------------------------	-----

Заключение	207
------------------	-----

Список литературы	210
-------------------------	-----

Введение

Актуальность темы исследования

Последняя четверть XX в. – начало XXI в. – это период расцвета аналитической философии сознания. Возможность привнести новизну в многовековую философскую дискуссию обусловлена, в первую очередь, специфическим контекстом, в котором рассматриваются современные проблемы в данной области. Одной из центральных тем в современной аналитической философии сознания является *трудная проблема сознания*, которую кратко можно сформулировать в форме вопроса: почему когнитивные процессы в нашем мозге сопровождают субъективный опыт? Почему данный физический процесс в мозге порождает данный, специфический именно для него, опыт¹? Почему субъективный опыт *вообще* существует? Трудная проблема сознания будет являться основным контекстом для данного исследования. Она определит то направление, в котором будет рассматриваться вопрос о сознании и натуралистический панпсихизм. Можно выделить три ключевых черты современной парадигмы аналитической философии сознания: натурализм, внимание к результатам эмпирических исследований и нацеленность на адекватное объяснение субъективного опыта².

Под натуралистическими подходами в данной работе понимаются такие, которые, во-первых, учитывают научные, в том числе эмпирические, методы и данные в качестве значимого контекста и основания для философских рассуждений, во-вторых, предполагают существование только естественных явлений, которые в том или ином смысле могут быть предметом научного познания и, в-третьих, исходят из общих натуралистических предпосылок, в том числе, принципа каузальной замкнутости естественных явлений, т.е. предполагают, что причиной естественного явления может быть только другое

¹ Чалмерс Д. Сознание и ум: в поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильев. М.: URSS: Либроком, 2015. С. 45.

² Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания: вызовы и решения // Эпистемология и философия науки. 2015. № 2. С. 5.

естественное явление³. Этой общей характеристики будет достаточно, чтобы ограничить релевантные подходы, которые должны выступать в качестве эксплананса⁴ в рамках любого решения трудной проблемы сознания.

Субъективный опыт – это то, что составляет экспланандум проблемы сознания. В своей статье «Каково это быть летучей мышью?»⁵. Т. Нагель проводит различие между субъективными и объективными фактами. Субъективные факты всегда связаны с определенной точкой зрения, а объективные факты описывают реальность независимо от точки зрения. Такое «объективное» описание можно еще назвать «перспективой от третьего лица». Субъективные факты можно назвать «перспективой от первого лица», поскольку они характеризуют то, *каково это быть* тем или иным существом. Для указания на субъективный опыт используют термины «феноменальный опыт» или «феноменальное сознание». Последний вариант будет основным в данной работе.

Дать понятию феноменального сознания простое определение без дополнительных пояснений невозможно. Уточнению этого определения будет посвящен отдельный параграф. На данном этапе важно указать, что под самим термином «сознание» в данном случае имеется в виду довольно специфический аспект ментальной жизни. Термин «сознание» в обсуждаемом здесь значении, соответствует англоязычному термину «consciousness», а не «mind». Ситуация усложняется тем, что даже в контексте аналитической философии «mind» обычно переводится на русский язык как «сознание», хотя более точным был бы перевод «ум»⁶. Наиболее ярким примером является сам термин «философия сознания» (в

³ Хотя обычно принято говорить о принципе каузальной замкнутости физического, в контексте натурализма уместнее расширять этот принцип до всех естественных явлений.

⁴ В обсуждаемой дискуссии принято использование дедуктивно-номологической модели научного знания, в рамках которой предполагается, что научное объяснение состоит из двух частей – экспланандума и эксплананса. *Экспланандум* – это совокупность предложений, которые описывают то явление, которое должно быть объяснено, а *эксплананс* – это совокупность предложений, которые используются для объяснения явления.

⁵ Nagel T. What is it like to be a bat? // Philosophical Review. 1974. Vol. 83. P. 435–450.

⁶ В контексте когнитивной психологии и философии когнитивных наук для перевода «mind» иногда также используется термин «разум». Следует признать, что в контексте философии, а особенно – истории философии, этот перевод вызывает слишком много нерелевантных ассоциаций.

оригинале – «philosophy of mind»). Мы устраним эту проблему, установив, что в данной работе термин «сознание» будет пониматься только в узком значении, которое, во-первых, соответствует англоязычному термину «consciousness», и, во-вторых, особым случаям употребления англоязычного термина «mind», когда под ним понимается сознание в узком смысле. Если с понятием «сознание» еще существует какая-то неопределённость, то под понятием «феноменального сознания» всегда понимается именно субъективный опыт, а не все психологические состояния, когнитивные функции или ментальное в целом. Как мы покажем уже в начале данной работы, в самом понятии феноменального сознания нет ничего, что указывало бы на его необходимую связь с функциональным описанием нашего когнитивного аппарата. Далее мы рассмотрим аргументы в пользу этого утверждения. Один из ключевых участников данной дискуссии, Нед Блок, различает два аспекта сознания: феноменальное сознание (P-consciousness) и сознание доступа (A-consciousness)⁷. С точки зрения Блока, феноменальное сознание, или Р-сознание, невозможно определить не циклическим способом, можно лишь указать на определённый тип состояния, характеризуемый тем *каково это быть*. В таком случае сознание доступа, как и все другие аспекты психики не имеют прямой концептуальной связи с понятием феноменального сознания. Это объясняет то, почему предполагаемое решение трудной проблемы сознания по существу зависит от конкретного контекста: любые теории, рассматривающие понятие сознания принципиально иным образом, или определяющие термин «сознание» принципиально иначе, либо окажутся не релевантны для данной дискуссии, либо будут нуждаться в доскональном переводе с одного словаря на другой. Поэтому в дальнейшем мы будем обсуждать только те концепции и подходы, которые работают с данным узким понятием сознания⁸. Любые обобщения, которые принимаются в рамках данной работы, будут ограничены этой оговоркой.

⁷ Block N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. P. 230.

⁸ К теориям, которые не могут быть без существенных изменений или интерпретаций применены к данной дискуссии относятся, например, такие, которые входят в традицию

Трудная проблема сознания, натурализм и специфическое понятие феноменального сознания (*то, каково это быть*) являются для данной работы контекстом, в котором будет рассматриваться *современный натуралистический панпсихизм*. Современный панпсихизм – это совокупность концепций и теорий, в рамках которых сознание или отдельные свойства психики признаются фундаментальным свойством самой реальности, т.е. таким свойством, которое служит для объяснения других свойств, но само при этом может быть объяснено лишь в ограниченной степени или вообще не подлежит объяснению. Натуралистический панпсихизм отличается от панпсихизма вообще тем, что учитывает упомянутый ранее натуралистический контекст. Специфика натуралистического панпсихизма, как решения трудной проблемы сознания, заключается в том, что фундаментальными признаются только свойства, связанные с феноменальным аспектом сознания. Это подводит нас к еще одной терминологической проблеме, которую необходимо прояснить в самом начале исследования. Одно из ключевых отличий современного панпсихизма от классического заключается в гораздо более узком понимании понятия психического, что может стать причиной некоторых трудностей при оценке современного состояния этого подхода. Хотя современные авторы именуют фундаментальные свойства психическими, ментальными или опытными, эти свойства имеют достаточно мало отношения к психике, ментальности и опыту в широком смысле. Данные термины закрепились исключительно ввиду преемственности в отношении классических подходов. Можно с уверенностью утверждать, что наиболее сильным тезисом в современном панпсихизме является тезис о фундаментальности феноменального аспекта сознания, но не психики или ментального в целом. Признавая, что данный термин не является удачным с точки зрения значения его морфологических составляющих, мы всё же продолжим его

использование, поскольку он уже закрепился в литературе и данная оговорка позволит избежать двусмысленности⁹.

Каково место обсуждаемого подхода в общем пространстве решений трудной проблемы сознания? Панпсихизм является одной из двух крайних позиций в перечне возможных решений трудной проблемы сознания. Как справедливо отмечает Н.С. Юлина, у современного исследователя, который «отвергает жесткий редуктивный физикализм с его детерминизмом, идеей “закрытой Вселенной” и претензией быть “теорией обо всем на свете” и пытается интегрировать сознание в рисуемую современной наукой картину мира» есть только два варианта. Во-первых, это «признать, что ментальность является фундаментальной характеристикой Вселенной, т.е. согласиться с идеей панпсихизма». И, во-вторых, «...посчитать, что сознание возникает на физической основе, однако по отношению к ней является нередуцируемой новизной со специфическими свойствами и закономерностями, т.е. принять позицию эмерджентизма»¹⁰. Как будет показано в данной работе, эта намеренно упрощенная характеристика действительно отражает основную структуру вариантов решения трудной проблемы сознания по существу.

За последние три десятилетия натуралистический панпсихизм приобрел значительную популярность. В результате разработки этого подхода были выработаны новые дискуссионное поле и специфический терминологический аппарат, которыми теперь пользуются другие исследователи для решения более конкретных философских проблем. Можно с уверенностью утверждать, что современный панпсихизм – это не только новый взгляд на старые концепции, а новая самостоятельная тема в современной философии сознания. Это

⁹ В этом смысле термин «панэкспериентализм» или «панэкспериенциализм» (от англ. «experience» – опыт), также используемый в данной дискуссии, лучше отражает суть обсуждаемого подхода. Однако, как станет ясно далее, разновидностей натуралистического панпсихизма гораздо больше, поэтому сейчас нам требуется более общий термин, чтобы охватить всё их многообразие.

¹⁰ Юлина Н.С. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 127. С тем, что эмерджентизм и панпсихизм являются двумя альтернативами в вопросе о сознании, соглашается и Д.В. Винник. Винник Д.В. Эмерджентизм versus панпсихизм в материалистической теории сознания // Философия науки. 2009. № 3. С. 131.

подтверждается тем, что натуралистический панпсихизм предстаёт во множестве разновидностей (Параграф 1.3), сталкивается со специфическими проблемами (Глава 2) и соприкасается с целым рядом значимых тем в философии и науке (Глава 3). На актуальность этой темы указывают и внешние признаки: панпсихизм широко обсуждается в сборниках статей¹¹, на специализированных научных мероприятиях¹². Нельзя не отметить, что по большей части новизна современного панпсихизма заключается именно в его адаптации для решения специфических современных проблем в философии сознания. И, в первую очередь, это касается именно трудной проблемы сознания, в контексте которой натуралистический панпсихизм будет рассмотрен в настоящей работе. Для натуралистического подхода решить трудную проблему сознания – это значит предложить натуралистическое объяснение сознания¹³, если точнее – объяснение существования его феноменального аспекта.

С учетом большого интереса к данной теме и относительной новизне этого направления, следует признать, что современный натуралистический панпсихизм в контексте трудной проблемы сознания является актуальной темой для отдельного философского исследования.

Степень разработанности темы исследования

В наиболее широком смысле панпсихизм появляется уже в эпоху Возрождения и Нового времени, классическим представителем панпсихизма можно считать Г.В. Лейбница¹⁴. Многие идеи, близкие современному панпсихизму обнаруживаются уже в XIX и XX веках в работах таких зарубежных

¹¹ В списке литературы приведены некоторые статьи из сборников, специально посвященных панпсихизму. Два наиболее значимых из них – это «Панпсихизм, современные перспективы» и

¹² Некоторые из прошедших мероприятий отображены на персональных страницах Д. Чалмерса (<https://consc.net/>), Ю. Нагасавы (<https://www.philosophy.prof/>), Ф. Гоффа (<https://philipgoffphilosophy.com/>) и других философов, занимающихся исследованиями панпсихизма.

¹³ Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. С. 93.

¹⁴ Лейбниц Г.В. Монадология / Пер. с франц. Е.Н. Боброва // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.

авторов как Г. Фехнер, Р.Г. Лотце, Э. Мах, Д. Уорд¹⁵, У. Клиффорд¹⁶, У. Джеймс¹⁷, А. Бергсон¹⁸, А.Н. Уайтхед и Т. де Шарден. Среди отечественных философов этого периода, разделявших, в той или иной степени отдельные идеи панпсихизма, можно назвать Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.А. Козлова¹⁹, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского²⁰.

Однако нас будет интересовать современный натуралистический панпсихизм, специфику которого мы выявили ранее. Среди современных зарубежных авторов можно выделить три большие группы исследователей. Во-первых, те, кто непосредственно придерживается панпсихистских стратегий решения проблемы сознания или выступает в их защиту. Среди таких авторов У. Сигер²¹, Г. Стросон²², Д. Скрбина²³, Д. Чалмерс²⁴, Г. Брюнtrup²⁵, Г. Розенберг²⁶, Ф. Гофф²⁷, С. Коулман²⁸, Ю. Нагасава, К. Вагер²⁹, Х.Х. Мерк³⁰, Л. Ролофс³¹,

¹⁵ Ward J. Naturalism and Agnosticism. The Gifford Lectures Delivered Before the University of Aberdeen in the Years 1896–1898. Cambridge: Cambridge University Press, 1899. 623 p.

¹⁶ Clifford W.K. On the Nature of Things in Themselves // *Mind*. 1878. Vol. 3. No. 9. P. 57–67.

¹⁷ James W. The Principles of Psychology. New York: Henry Holt and Company, 1890. 689 p.

¹⁸ Бергсон А. Материя и память / Пер. с франц. А. Баулер, В. Базаров // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–300.

¹⁹ Несмотря на то, что содержательно дискуссия в отечественной традиции того периода существенно отличается от темы данного исследования, некоторые пересечения всё же можно обнаружить. О попытке обнаружить параллели между современной дискуссией и панпсихизмом А.А. Козлова см. Сысоев М.С. Панпсихизм Алексея Козлова в контексте современной аналитической философии сознания // *Отечественная философия*. 2024. Т. 2. No 4. С. 62–83.

²⁰ Подробнее об истории панпсихизма см.: Skrbina D. Panpsychism in the West. Cambridge: MIT Press, 2007. 326 p. Об истории неoleyбницианства в отечественной философии, к которому относится и панпсихизм, см.: Бердникова А.Ю. Неoleyбницианство в России. М.: ИФ РАН, 2021. 248 с.

²¹ Seager W. Panpsychist infusion // *Panpsychism: contemporary perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 229–248.

²² Strawson G. Mind and Being: The Primacy of Panpsychism // *Panpsychism: contemporary perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 75–112.

²³ Skrbina D. Op. cit.

²⁴ Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 19–56.

²⁵ Bruntrup G. Emergent panpsychism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 48–73.

²⁶ Rosenberg G. A Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World. New York, US: Oxford: Oxford University Press, 2004. 344 p.

²⁷ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. New York, USA: Oup Usa, 2017. 304 p.

А. Менделовичи³², И. Шани³³, Д. Лейденхаг³⁴ и др. Во-вторых, те, кто напрямую не аргументирует в пользу панпсихизма, но чьи концепции могут быть охарактеризованы как близкие к тем или иным формам панпсихизма в широком смысле. Это Д. Тонони³⁵, К. Кох³⁶, Д. Перебум³⁷, Т. Нагель³⁸, Л. Штубенберг и др. Эти подходы зачастую служат в качестве дополнительного материала для развития панпсихистских подходов. И, в-третьих, авторы, которые не разделяют панпсихистские или близкие к ним подходы, но своей работой оказали существенное влияние на развитие тех или иных его разновидностей. Это Д. Шаффер³⁹, Н. Блок⁴⁰, М. Локвуд⁴¹, Д. Столяр⁴² и др.

В отечественных исследованиях по аналитической философии сознания многократно обсуждались аргументы, связанные с проблематикой объяснения сознания в широком смысле и с трудной проблемой сознания – в частности. Этой

²⁸ Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 249–282.

²⁹ Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism // *Panpsychism: Contemporary* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 113–129.

³⁰ Mørch H. Is the Integrated Information Theory of Consciousness Compatible with Russellian Panpsychism? // *Erkenntnis*. 2019. Vol. 84. P. 1065–1085

³¹ Roelofs L. The unity of consciousness, within subjects and between subjects // *Philosophical Studies*. 2016. Vol. 173. No. 12. P. 3199–3221.

³² Mendelovici A. Panpsychism's Combination Problem Is a Problem for Everyone // *The Routledge Handbook of Panpsychism* / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 303–316.

³³ Shani I. Cosmopsychism: A Holistic Approach to the Metaphysics of Experience // *Philosophical Papers*. 2015. Vol. 44. No. 3. P. 389–437.

³⁴ Leidenhag J. Unity Between God and Mind? A Study on the Relationship Between Panpsychism and Pantheism // *Sophia*. 2019. Vol. 58. No. 4. P. 543–561.

³⁵ Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto // *The Biological Bulletin*. 2008. Vol. 215. No. 3. P. 216–242.

³⁶ Koch C. *The feeling of life itself: why consciousness is widespread but can't be computed*. Cambridge: MIT press, 2019. 280 p.

³⁷ Pereboom D. The material constitution of phenomenal consciousness // *The Constitution of Phenomenal Consciousness* / Ed. by S.M. Miller. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 418–432.

³⁸ Nagel T. *The View from Nowhere*. New York: Oxford University Press, 1986. 256 p.

³⁹ Schaffer J. Monism: The priority of the whole // *The Philosophical Review*. 2010. Vol. 119. No. 1. P. 31–76.

⁴⁰ Block N. *The border between seeing and thinking*. New York: Oxford University Press, 2023. 542 p.

⁴¹ Lockwood M. The grain problem // *Objections to Physicalism* / Ed. by H.M. Robinson. New York: Oxford University Press, 1993. P. 271–291.

⁴² Stoljar D. Panpsychism and non-standard materialism: Some comparative remarks // *The Routledge handbook of panpsychism*. London: Routledge, 2019. P. 218–229.

теме посвящены монографии В.В. Васильева⁴³, Д.В. Иванова⁴⁴, С.Ф. Нагумановой⁴⁵, Д.И. Дубровского⁴⁶ и др. Несмотря на достаточно широкую разработанность трудной проблемы сознания, тема современного панпсихизма в отечественной философии представлена в недостаточной степени. Нередко отмечается сама проблематика различий между панпсихизмом и эмерджентизмом. Среди работ, посвященных непосредственно панпсихизму, можно назвать работы Д.В. Винника⁴⁷, И.Г. Гаспарова⁴⁸, А.В. Кузнецова⁴⁹, А.А. Гусева⁵⁰, А.А. Танюшиной⁵¹, К.Е. Морозова⁵². Эти статьи посвящены самому общему анализу и общей критике данных концепций. Упоминания самого различия между панпсихизмом и эмерджентизмом можно найти в работах К.Г. Фролова⁵³, Н.С. Юлиной⁵⁴, однако данные авторы акцентируют своё внимание на эмерджентизме, предполагая, что он обладает неоспоримым преимуществом. Детального сопоставления этих подходов в отечественной литературе мы не обнаруживаем. Совершенно очевиден недостаток аналитики и последовательного

⁴³ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.

⁴⁴ Иванов Д.В. Указ. соч.

⁴⁵ Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казан. ун-т, 2011. 222 с.

⁴⁶ Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 208 с. URL: https://dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/problema_sozn_mozg.htm (дата обращения: 20.02.2024).

⁴⁷ Винник Д.В. Указ. соч.

⁴⁸ Гаспаров И.Г. Панпсихизм в поисках самоопределения // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 212–219.

⁴⁹ Кузнецов А.В. Аргумент против конститутивного панпсихизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 60–68; Кузнецов А.В. Конститутивный панпсихизм и проблема ментальной каузальности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 106–117.

⁵⁰ Гусев А.А. Панпсихизм и протопанпсихизм в философии сознания: по следам интерпретаций Д. Чалмерса // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 8. С. 52–56; Гусев А. Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 85–103. URL: <https://pa.iphras.ru/article/view/6948/3516>.

⁵¹ Танюшина А.А. Панпсихизм и концепция каузальной значимости в теории либерального натурализма Грегга Розенберга // Философия истории философии». 2023. Т. 3. С. 292–306.

⁵² Морозов К.Е. Зачем быть панпсихистом? // Insolarance Cult. 28.01.2024. URL: <https://insolarance.com/why-panpsychism/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵³ Фролов К.Г. Аналитика эмерджентности в контексте проблемы сознания // Философия науки. 2012. № 3. С. 105–116.

⁵⁴ Юлина Н.С. Указ. соч.

изучения феномена современного натуралистического панпсихизма и возникающих перед ним проблем. В настоящее время недостаточно информации даже для того, чтобы оценить потребность отечественной философии в исследовании этой темы, поскольку большая часть перечисленных работ не учитывает даже самые основные разработки в современном панпсихизме. Исходя из изложенного, существует крайне мало работ русскоязычных авторов, содержание которых напрямую бы относилось к актуальным вопросам современной дискуссии о панпсихизме. Несмотря на наличие некоторых апологетических высказываний в пользу обсуждаемой позиции, например в статье Д.В. Винника, в целом он отмечает, что «в настоящее время открыто называть себя панпсихистом – достаточно вызывающий поступок для философа» и что «в настоящее время защитников панпсихизма очень мало»⁵⁵. Исключение составляет статья К.Е. Морозова, который рассматривает аргументы в пользу панпсихизма и явно считает его перспективным. Исследование заявленной темы необходимо для того, чтобы сделать об этом подходе обоснованный вывод. В этой связи исследование панпсихизма становится еще более актуальным.

Цель исследования – определить перспективы современного натуралистического панпсихизма в объяснении феноменального сознания.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть трудную проблему сознания и установить, каковы основания для обращения к панпсихизму при решении трудной проблемы сознания.
2. Изложить ключевые особенности и разновидности натуралистического панпсихизма.
3. Определить место панпсихизма в системе других теорий и его роль в современной философии сознания.
4. Проанализировать комбинаторную проблему панпсихизма и основные стратегии ее решения.

⁵⁵ Винник Д.В. Указ. соч. С. 131.

6. Сопоставить трудную проблему сознания и комбинаторную проблему панпсихизма.

7. Оценить перспективы панпсихизма в решении комбинаторной проблемы панпсихизма и трудной проблемы сознания.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются современные подходы к решению трудной проблемы сознания, понимаемой как проблема объяснения феноменального сознания. **Предметом исследования** являются современные формы натуралистического панпсихизма, как подходы к решению трудной проблемы сознания.

Научная новизна исследования

Данная работа является первым отечественным диссертационным исследованием, специально посвященным анализу современного натуралистического панпсихизма. Научная новизна данной работы состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной философии проведено систематическое исследование современных панпсихистских решений трудной проблемы сознания, сделан вывод об общей перспективности этого направления исследований.

2. Панпсихизм детально рассмотрен в контексте философской проблемы целого и его частей. Предложен способ сопоставления трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма, который позволил выявить общие мереологические основания двух проблем.

3. Проанализирована связь панпсихизма с научными теориями сознания. Панпсихизм впервые рассмотрен в качестве неявного компонента научных теорий сознания, что позволяет улучшить понимание их философских оснований.

4. Установлено, что в контексте трудной проблемы сознания и собственных проблем панпсихизма наименее проблематичной разновидностью панпсихизма

является космопротопсихизм (монистический панпротопсихизм), поскольку содержит наименьшее число допущений среди всех рассмотренных подходов.

5. В ходе исследования выработан рестриктивный подход, который предполагает новую модель конституирования сознания, понимаемого не как комбинация или декомбинация фундаментальных свойств, а как их ограничение. Этот подход сыграл ключевую роль в обосновании перспектив космопротопсихизма.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что исследование помещает в один контекст современное понятие феноменального сознания, натуралистический панпсихизм и поиски философского и научного объяснения сознания. Анализ конститутивного панпсихизма и панпротопсихизма в контексте трудной проблемы сознания, который был предложен в данной работе, позволил выработать новый аргумент против комбинаторных подходов. Использование мереологической и пространственных метафор позволило лучше раскрыть содержание характеристик сознания, а также те проблемы, с которыми сталкиваются современные подходы. Результаты данной работы могут быть использованы для исследований типологии и классификации современных решений проблемы сознания.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что результаты исследования позволяют включить натуралистический панпсихизм в контекст современных исследований феноменального сознания, как на уровне метафизических, так и на уровне когнитивных теорий сознания. Выводы и обобщения, сделанные по итогам исследования, могут быть использованы при разработке новых научных теорий и гипотез, при постановке общетеоретических задач в научных исследованиях сознания. Результаты исследования могут использоваться при преподавании курсов по философии сознания и философии когнитивных наук.

Методология и методы исследования

Данное исследование опирается на методологию современной аналитической философии, которая характеризуется специфическим набором методов исследования и приёмов построения рассуждений. Выбор методологической основы исследования обусловлен предметом исследования: и современный натуралистический панпсихизм и проблематика трудной проблемы сознания рассматриваются, в основном, именно в контексте аналитической философии. С учетом выбранной темы, в ходе исследования преимущественно применяются методы аналитической философии сознания и аналитической метафизики.

В первую очередь, в исследовании применяется концептуальный и логический анализ теоретических построений. Частными случаями этих методов являются анализ оснований для принятия посылок в сопоставлении с приемлемостью их следствий, а также анализ системы высказываний на предмет внутренних противоречий. Особое место в данном исследовании занимает метод *мысленного эксперимента*, применяемый как средство концептуального, логического и контрфактического анализа. На нём основаны основные аргументы в пользу трудной проблемы сознания. Важную функцию в анализе современных теорий сознания выполняет метод абдуктивных умозаключений, который, в случае с панпсихизмом опирается на принятый в рамках данного исследования методологический *принцип экономии постулирования*. Кроме того, применяются общепhilosophические методы, такие как сравнительный анализ, а также в отдельных случаях – историко-philosophические методы.

Положения, выносимые на защиту

1. Микropsихизм и панпротопсихизм (атомистические версии панпсихизма) сталкиваются с комбинаторной проблемой, поэтому они не являются удачным решением трудной проблемы сознания. Космопсихизм (монистический панпсихизм) позволяет обойти комбинаторную проблему за счет использования стратегии приоритетного монизма.

2. Сопоставление трудной и комбинаторной проблем с проблемой единства сознания позволяет сделать вывод, что не только панпсихизм, но и другие натуралистические подходы, которые основаны на мереологическом атомизме (комбинаторные подходы), сталкиваются с комбинаторной проблемой в той или иной форме.

3. Микропсихизм и космопсихизм произвольно постулируют существование сознаний, не подлежащих натуралистическому объяснению (сознание микросубъектов и космическое сознание). Панпротопсихизм не решает эту проблему, поскольку не предлагает подходящих кандидатов на роль панпротопсихических свойств.

4. Космопротопсихизм (монистический панпротопсихизм) в сочетании с предложенным в работе рестриктивным подходом является наилучшей стратегией решения трудной проблемы сознания среди всех современных форм панпсихизма, поскольку обладает всеми преимуществами космопсихизма, но не использует избыточные постулаты.

5. Учитывая все возникающие перед ним проблемы, панпсихизм не может служить готовым решением трудной проблемы сознания, однако интересен и полезен для поисков её решения по двум причинам: во-первых, как методология для построения гипотез, во-вторых, как способ продемонстрировать комбинаторную проблематику, возникающую в рамках трудной проблемы сознания.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность полученных результатов обеспечивается используемыми методами, соответствующими целям и задачам исследования, и подтверждается разветвлённой системой аргументов, подкрепляющих основные положения, выносимые на защиту. Промежуточные и итоговые результаты исследования были представлены в научных статьях и обсуждались на тематических научных мероприятиях. По теме диссертации автором были опубликованы 8 научных

статей, из них – 4 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по указанной научной специальности:

1. Сысоев М.С. Насколько трудна *трудная проблема* сознания: к вопросу о проблеме сознания в трактовке Дэвида Чалмерса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4 (30). С. 134–142.

2. Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219.

3. Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. Т. 23. № 2. С. 91–102.

4. Сысоев М.С. Проблема определения информации и современные теории сознания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 4. С. 52–57.

Результаты работы прошли апробацию на научных мероприятиях:

1. Международная конференция «Philosophia Perennis: Аристотелевские и схоластические идеи в современной аналитической философии». Воронеж, ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, 20–21 сентября 2019 г. (доклад «Панпсихизм и пантеизм Сэма Коулмана»);

2. Межрегиональная конференция «Богословие. Философия. История». Воронеж, Воронежская Духовная Семинария, 5 декабря 2019 г. (доклад «Панпсихизм, пантеизм и религиозный опыт»);

3. Международный онлайн-семинар «Религиозный опыт и его роль в обосновании религиозных убеждений». Москва, Институт философии РАН, 1–2 октября 2020 г. (доклад «Религиозный опыт: к пантеизму через панпсихизм»);

4. Онлайн-конференция «Глобальная философия религии 2021». Бирмингем, Университет Бирмингема, 22–24 июня 2021 г. (доклад «Натуралистический приоритетный монизм и теизм»);

5. Круглый стол «Актуальные проблемы философии и социально-гуманитарных дисциплин». Воронеж, ВГПУ, 11 апреля 2023 г. (доклад «Проблема феноменального сознания в современной философии»);

6. Десятая встреча цикла «Лаборатория» в рамках проекта «Философская мастерская». Москва, Институт философии РАН, 27 апреля 2023 г. (доклад «Общая комбинаторная проблема метафизических и когнитивных теорий сознания»);

7. Заседание регулярного семинара «Философия сознания: метафизика и когнитивные науки». Москва, Институт философии РАН, 7 ноября 2023 г. (доклад «Рестриктивный подход к вопросу о конституировании сознания: истоки и перспективы»).

8. Секция «Проблема феноменального сознания», Конгресс РОИФН 2024. Вологда, ВоГУ, 27-29 сентября 2024 г. (доклад «Основные схемы конституирования сознания»).

9. Конференция «Проблема опыта в современной философии». Москва, Институт философии РАН, 22-23 октября 2024 г. (доклад «Мереологические и пространственные метафоры феноменального опыта»).

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Объем работы составляет 223 страницы. Список литературы включает в себя 168 наименований.

Глава 1. ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ПАНПСИХИЗМ

1.1. Понятие сознания и его феноменальный аспект

1.1.1. Проблемы определения понятия сознания

В настоящее время не существует такого определения для понятия *сознание*, с которым согласились бы все участники дискуссии, даже в границах аналитической философии, в которой *трудная проблема сознания* была сформулирована. Однако, как станет ясно далее, мы всё же можем дать интересующему нас понятию описание, достаточное для предметного обсуждения. При этом необходимо учитывать несколько принципиально важных обстоятельств.

Во-первых, поскольку трудная проблема сознания была сформулирована в контексте аналитической философии, нам необходимо учитывать связанную с ней терминологическую специфику. Дело в том, что даже в рамках, близких к теме данной работы, термин *сознание* используется в различных контекстах и в различном значении. Важно, что разные употребления термина не всегда являются взаимоисключающими. В современной аналитической философии понятие сознания выступает в роли так называемого *зонтичного термина* (umbrella term). Это такой термин, который используется для наименования целой группы, в данном случае – психических, явлений⁵⁶. Данную проблему мы устраним путём перечисления релевантных для обсуждаемого определения характеристик. Кроме того, термин *сознание* в русском языке может рассматриваться значительно шире, чем в обсуждаемой нами дискуссии. Это обусловлено не только и не столько с различием философских традиций, сколько трудностями перевода терминов. Для решения этой проблемы достаточно указать на англоязычный термин, о котором идёт речь. В дальнейшем мы будем говорить

⁵⁶ Van Gulick R. Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/consciousness/> (дата обращения: 24.02.2023).

о понятии «сознание», которое соответствует англоязычному понятию *consciousness*⁵⁷.

Во-вторых, даже это понятие сознания для поставленных нами целей может оказаться излишне широким. В дискуссии о трудной проблеме сознания и панпсихизме в аналитической философии под понятием сознания понимается, в первую очередь, субъективный опыт, а не только и не столько функциональные психологические состояния, когнитивные функции, интеллект или ментальное в целом. При этом допускается, что какие-то аспекты сознания (*consciousness*) связаны именно с когнитивными функциями, но в контексте трудной проблемы сознания они обсуждаются в меньшей степени. Данная работа будет, в первую очередь, касаться узкого аспекта психической жизни, который часто обозначают специальным термином *феноменальное сознание*. Если мы говорим о натуралистическом объяснении феноменального сознания, то вряд ли кто-то будет спорить с тем, что на практике оно существует в контексте других психических явлений и связано с определенными когнитивными функциями. Однако это общее суждение необходимо отличать от утверждения, что между феноменальным сознанием и другими аспектами психики существуют какая-либо концептуальная связь. Второе утверждение гораздо менее очевидно. В самом понятии феноменального сознания нет ничего, что однозначно указывало бы на его необходимую связь с функциональным описанием работы нашего когнитивного аппарата. Поэтому при концептуальном анализе сознания необходимо отделить *феноменальное сознание как таковое* от других связанных с ним явлений и ответить на вопрос о том, являются ли какие-либо иные психические свойства и когнитивные функции необходимыми для сознания. Трудная проблема сознания основана, в значительной степени, на позиции, что

⁵⁷ Исключение составляют те случаи, когда англоязычные авторы используют термин *mind* в более узком смысле, близком к значению термина *consciousness*. В большинстве случаев это становится ясно из контекста. Примечательно, что в зарубежной философии сознания (*philosophy of mind*) не так давно стали особенно выделять область исследований под названием «*philosophy of consciousness*», для которой перевод «философия сознания» был бы более уместен. Именно эта область будет интересовать нас в первую очередь.

такой связи нет. Поскольку это утверждение не является бесспорным, далее мы рассмотрим аргументы в его пользу.

В-третьих, значительная трудность в фиксации четкого определения заключается в том, что в науке и философии отсутствует единое *дотеоретическое понятие сознания*. Дотеоретическое понятие – это такое понятие явления, содержание которого не зависит от какой-либо теории, объясняющей это явление. Иными словами, это понятие, которое схватывает и фиксирует явление так, как оно нам дано в обыденном опыте. Дотеоретическое понятие могло бы быть крайне полезно для того, чтобы представители разных теорий и направлений объяснения сознания могли говорить об одном и том же, независимо от существующих различий в анализе понятия сознания. Многие, а возможно и все, существующие определения сознания предполагают цикличность, то есть в определении задействованы другие понятия, тем или иным образом зависящие от понятия сознания и по этой причине содержащие определённую теоретическую нагрузку.

Именно на эту проблему в несколько утрированной форме указывает часто цитируемое в данном контексте определение Н.С. Сазерленда: «Сознание: наличие восприятий, мыслей и чувств; осведомленность. Нельзя определить этот термин, не прибегая к терминам, непостижимым без уяснения того, что имеется в виду под сознанием. Многие попадают в ловушку смещения сознания с самосознанием – для сознания нужно лишь осознание внешнего мира. Сознание – удивительный, но ускользающий феномен: невозможно уточнить, что оно такое, что оно делает и почему эволюционировало. Ничего стоящего о нем не написано»⁵⁸.

Ясно, что если некоторая теория всегда встраивается в определение сознания, то выработка дотеоретического понятия окажется невозможной. Данную трудность можно сделать менее существенной, если, во-первых, четко проговаривать зависимость определения от теоретических предпосылок, во-

⁵⁸ Sutherland N.S. The international dictionary of psychology. New York: Crossroad, 1996. 515 p. (Цит. по: Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 19.)

вторых, избегать по мере возможности тех теоретических предпосылок, которые предрешают суть обсуждаемой проблемы. Это позволит, по крайней мере, получить хорошее *рабочее определение*.

С учетом сказанного ранее, у нас есть два основных варианта для того, чтобы дать ограниченное определение понятию сознания. У каждого из этих вариантов есть свои преимущества и недостатки, но в совокупности они позволяют определить предмет исследования с необходимой для нас точностью.

*Во-первых, мы можем широко описать сознание через перечисление относящихся и не относящихся к нему явлений и связанных с ним условий*⁵⁹. Во многих определениях встречается указание на то, что сознание – это одно или множество субъективных состояний. Именно это можно взять за основу. Одним из примеров является определение Дж. Сёрла: «Под сознанием я просто подразумеваю те субъективные состояния осознания или чувствительности, которые начинаются, когда человек просыпается утром, и продолжаются в течение всего периода бодрствования, пока он не впадает в сон без сновидений, в кому, или умирает, или иным образом, как говорится, находится без сознания»⁶⁰.

Другой пример – более четко сформулированное определение в Новой философской энциклопедии, размещенной на сайте Института философии РАН: «Сознание – состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях»⁶¹.

Следует учесть, что данные определения касаются многих психических аспектов, которые не связаны напрямую с феноменальным сознанием: отчет, интроспекция, бодрствование. Чтобы выработать собственное определение, нам необходимо выделить наиболее принципиальные характеристики феноменального сознания, о которых мы поговорим далее.

⁵⁹ Van Gulick R. Op. cit.; Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 46.

⁶⁰ Searle J. Consciousness // Searle J.R. Consciousness and language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 38.

⁶¹ Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108> (дата обращения: 24.02.2023).

Во-вторых, мы можем определить сознание через описание, прямо указывающее на определённый тип состояния, которое каждый из нас переживает непосредственно. Таким же способом определения в обыденной жизни является высказывание «вот», иногда сопровождающееся невербальным указанием на явление. Однако мы не можем невербально и прямо указать на внутреннее состояние другого человека. Для этого так же недостаточно просто перечислить характеристики, надо дать гораздо более очевидную формулировку, которая могла бы заменить невербальное указание. Эта задача не является безнадёжной. У большинства людей отсутствует общее теоретическое представление о биологических механизмах работы сна, и никто из нас не может быть абсолютно уверен, что другие люди действительно видят сны, но, тем не менее, даже ребёнок понимает, о чем идёт речь и с лёгкостью представляет это состояние, если мы говорим слово «сон». Сам термин «сознание», очевидно, не выполняет эту функцию, поскольку используется во многих значениях, однако это не значит, что мы не можем дать такую формулировку, которая однозначно укажет на пример сознательного состояния. Хотя этот способ определения может вообще не содержать каких-либо конкретных характеристик сознания, он также не свободен от теоретических предпосылок⁶². В следующем параграфе мы сформулируем оба варианта определения.

1.1.2. Описание состояния и перечисление характеристик

Два подхода к определению сознания, сформулированные ранее, это, во-первых, описание, прямо указывающее на характерный для сознания тип состояния, и во-вторых, перечень характеристик, наличие которых является необходимым и достаточным для вывода о наличии сознания.

Наилучшим примером первого варианта определения является высказывание, которое стало общепринятой характеристикой субъективного

⁶² В частности, такое определение будет несвободно от теорий т.н. «народной психологии» (folk psychology).

опыта. В своей статье «Каково это быть летучей мышью?»⁶³ Т. Нагель проводит различие между субъективными и объективными фактами. Субъективные факты всегда связаны с определенной точкой зрения, а объективные факты описывают реальность независимо от точки зрения. Такое «объективное» описание можно еще назвать описанием с перспективы от третьего лица. Он предлагает рассмотреть в качестве частного примера опыт летучей мыши. Принимая наличие у летучей мыши сознательного опыта, мы должны признать, что есть *то, каково это быть* летучей мышью. При этом Нагель отмечает, что сонар летучей мыши «по своему действию не похож ни на одно из чувств, которыми мы обладаем, и нет никаких оснований полагать, что он субъективно похож на то, что мы можем испытать или вообразить»⁶⁴. По мнению Нагеля, чтобы считать, что у нас есть исчерпывающее описание сознания летучей мыши, как части объективной физической реальности, мы должны найти метод, который позволит нам описать опыт мыши, т.е. *то, каково это быть* летучей мышью, исходя из нашего собственного опыта. Таким образом, Нагель предлагает указывать на опыт в перспективе от первого лица с помощью оборота «каково это быть». Для современной науки сведение фактов о субъективной реальности к фактам об объективной реальности является проблематичным.

Данная статья оказала большое влияние на развитие дискуссии о сознании, хотя некоторые авторы развивали схожие идеи в своих работах⁶⁵. И рассуждение Нагеля, и развитие его идей в статьях других авторов вызвали активное обсуждение, в том числе, критического характера, однако Нагель не предлагает строгой аргументации и не приходит к окончательным выводам⁶⁶. Данная статья

⁶³ Nagel T. What is it like to be a bat?. P. 435.

⁶⁴ Ibid. P. 438.

⁶⁵ Jackson F. Epiphenomenal Qualia // The Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. No. 127. P. 127–136.

⁶⁶ Большая часть критики данной работы для наших целей не релевантна, что можно наглядно показать на примере. К рассуждению Нагеля применима, по большей части, любая критика, направленная на отрицание существования качеств опыта, как особых свойств. Например, см.: Dennett D. Consciousness Explained, Boston: Little, Brown and Company, 1991. С. 369. Однако, если мы используем оборот «каково это быть» для указания на само сознательное состояние, то эту критику можно обойти. Сам факт переживания опыта *каково это быть* может быть истинным даже при иллюзорности опыта, то есть при недостоверности его содержания.

редко упоминается как часть аргументации и чаще, как описание способа для рассуждений о сознании⁶⁷. Нагель в этой статье пытается активировать у читателя особую интуицию и найти неоспоримый способ указания на сознание. Именно в этой роли рассуждение Нагеля будет нас интересовать в первую очередь. Оборот «каково это быть», широко используемый Нагелем в этой статье, стал атрибутом языка современной философии сознания и повлиял на то, как формулируются определения сознания⁶⁸. Для нас особенно важно, что он также встречается среди критериев сознательных состояний и сознаваемых переживаний. Так, например, П. Хакер выводит из рассуждения Нагеля два критерия в следующей форме, по аналогии с которыми мы в дальнейшем выстроим собственное определение:

(1) Существо является сознательным или имеет сознательный опыт если и только если, существует то, каково это для этого существа быть тем существом, которым оно является.

(2) Опыт является сознательным опытом если и только если, существует то, каково это для субъекта опыта обладать им⁶⁹.

Чтобы лучше прояснить акцент на характеристике *каково это быть*, следует еще раз напомнить, что под сознанием в современной дискуссии подразумевается, в первую очередь, именно феноменальный аспект, а не только и не столько психологические характеристики или когнитивная обработка. Некоторые авторы прямо указывают, что под термином «сознание» они имеют ввиду феноменальное сознание⁷⁰. Однако общее понятие сознания нельзя отождествить с феноменальным аспектом, поскольку это искажает изначальный смысл выделения двух аспектов сознания. Можно лишь говорить, что в том или

Подробнее о критике и дискуссии, связанной с идеей Нагеля см.: Сысоев М.С. «Летучая мышь» (мысленный эксперимент) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/letuchaia-mysh-myslennyi-eksperiment-ff3166/?v=4422651> (дата обращения: 24.02.2023).

⁶⁷ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 137.

⁶⁸ Davies M., Humphrey G.W. Consciousness, Oxford: Blackwell, 1993. P. 9; Lomand E. Consciousness // Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge, 1998. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/consciousness/v-1> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶⁹ Hacker P.M.S. Is there anything it is like to be a bat? // Philosophy. 2002. No. 77. P. 160.

⁷⁰ Dainton B. Stream of consciousness: Unity and continuity in conscious experience. New York: Routledge, 2002. P. 2.

ином контексте феноменальный аспект сознания является ключевым. Именно таким образом обстоит дело в контексте трудной проблемы.

Разграничение между двумя аспектами сознания возникло примерно в тот же период, когда была сформулирована трудная проблема сознания. Н. Блок именует аспекты сознания следующим образом: феноменальное сознание (P-consciousness) и сознание доступа (A-consciousness)⁷¹. А-сознательное состояние может быть понято двумя различными способами: (1) диспозиционально, как вопрос возможной доступности для когнитивных процессов, или (2) как ментальное явление, в терминах репрезентаций, кодируемых механизмами мышления и рассуждения⁷². Для понимания сознания доступа важны оба критерия. С точки зрения Блока, феноменальное сознание, или Р-сознание, невозможно определить не циклическим способом, на что мы ранее уже указывали. Блок выделяет три главных отличия между аспектами сознания⁷³.

Во-первых, Р-сознательный контент феноменален, тогда как А-сознательный контент репрезентативен. Суть А-сознательного содержания заключается в том, чтобы играть роль в рассуждении, и только репрезентативное содержание может фигурировать в рассуждении. Именно в силу своего феноменального содержания или феноменального аспекта своего содержания состояние является Р-сознательным, тогда как именно в силу своего репрезентативного содержания или репрезентативного аспекта своего содержания состояние является А-сознательным⁷⁴. А-сознательные состояния обязательно являются сознанием о чем-то. Состояния Р-сознания, напротив, может быть, а может и не быть состоянием о чем-то. Как мы увидим далее, с Блоком

⁷¹ Block N. On a confusion about a function of consciousness. P. 230.

⁷² Block N. The border between seeing and thinking. P. 419.

⁷³ Block N. On a confusion about a function of consciousness. P. 232.

⁷⁴ Здесь заключается одно из главных отличий позиции Блока от позиции современных репрезентационалистов, которые полагают, что феноменальное содержание — это и есть репрезентативное содержание, а специфической функцией феноменального сознания является репрезентация.

соглашаются многие современные философы и ученые⁷⁵, поэтому сама возможность проведения такого различия должна быть учтена.

Во-вторых, А-сознание – это функциональное понятие. Поэтому мы можем называть состояние некоторой системы А-сознательным, если оно связано с выполнением функции представления содержания в этой системе (диспозиционально или фактически). Р-сознание – это не функциональное понятие, однако Блок признает, что природа Р-сознания как-то связана с обработкой информации и что с феноменальным сознанием может быть связан свой особый тип обработки, отличный от того, который обычно описывается в функционализме. Так или иначе, функция Р-сознания, если она и есть, кардинально отличается от таковой у А-сознания.

В-третьих, Блок указывает на то, что хотя у Р-сознания есть особое состояние, в котором находится сознающий организм, оно не всегда связано с определенным когнитивным содержанием. Конкретная мысль, которая осознается в данный момент в связи с болевым ощущением, может оказаться недоступной в какой-то другой момент. Он уточняет, что Р-сознательные состояния – это ощущения, тогда как А-сознательные состояния – это пропозициональные отношения, такие как мысли, убеждения и желания, или иначе – состояния с репрезентативным содержанием. Это не означает, что одно всегда существует без другого, однако, по мнению Блока, они могут существовать отдельно и на концептуальном, и на эмпирическом уровне⁷⁶.

Блок не отрицает важность аспектов интенциональности и репрезентации, но рассматривает Р-сознание как совокупность свойств, отличных от того, что обычно подразумевается под когнитивными, интенциональными или функциональными свойствами⁷⁷. Хотя Р-сознательное содержание не может быть

⁷⁵ Мы вновь вернёмся к критическому рассмотрению этого разделения в первом параграфе третьей главы.

⁷⁶ Некоторые аргументы в пользу этой возможности будут приведены в третьей главе.

⁷⁷ Блок определяет эти свойства так: Когнитивный, т.е. включающий мышление; интенциональные свойства – свойства, в силу которых представление или состояние относится к чему-либо; функциональные свойства – например, свойства, определяемые в терминах компьютерной программы.

сведено к интенциональному содержанию, Р-сознательное содержание часто имеет также и интенциональный аспект. Однако Р-сознательное содержание может представляться и некоторым иным, примитивным и неинтенциональным, способом.

Схожий в общих чертах подход к выделению двух аспектов предлагает и Д. Чалмерс, на чьем анализе проблемы сознания базируется современный панпсихизм. Он разделяет сознание на психологическое и феноменальное⁷⁸. Феноменальное сознание, согласно Чалмерсу, – это аспекты сознания, связанные с перспективой от первого лица, а психологическое сознание – это аспекты сознания, связанные с перспективой от третьего лица. Он уточняет то, что он понимает под психологическим сознанием, следующим образом: *бодрствование, интроспекция, способность давать отчет, самосознание, внимание, произвольный контроль, знание*. Особый аспект психологического сознания – это осведомленность⁷⁹. Сам Чалмерс отмечает, что его понятие осведомленности почти в точности соответствует тому, что Блок понимает под сознанием доступа. Поэтому далее мы будем использовать термины осведомленность и сознание доступа как взаимозаменяемые, подразумевая в равной степени подходы как Чалмерса, так и Блока⁸⁰. Схожее, но не идентичное, разделение можно встретить, например, у Ф. Дретске⁸¹, разделяющего «сознание объекта» (схожее с феноменальным сознанием) и «сознание факта» (схожее с сознанием доступа).

Выделение двух аспектов у Н. Блока и разграничение психологического и феноменального сознания у Д. Чалмерса крайне важно для понимания специфики

⁷⁸ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 34.

⁷⁹ Там же. С. 49.

⁸⁰ Необходимо уточнить, что хотя обсуждаемые термины используются Чалмерсом и Блоком схожим образом, но позиции данных авторов все же задают некоторые различия в их применении. Чалмерс разводит физические процессы в мозге и феноменальное сознание, рассматривая их как концептуально обособленные явления. Блок в явной форме предполагает, что феноменальное сознание отлично, но оно все еще может быть объяснено исходя из полного описания физических событий, происходящих в мозге. Он, в отличие от Чалмерса, является сторонником того, что феноменальное сознание можно объяснить, не прибегая к реформе метафизики. Отделяя феноменальное сознание от сознания доступа, он не утверждает, что сознание не супервентно на свойствах мозга. О понятии супервентности будет сказано в третьем разделе.

⁸¹ Иванов Д.В. Указ. соч. С. 82.

трудной проблемы и формулировки интересующего нас определения. Психологические аспекты сознания, перечисленные выше, выходят за пределы предмета данного исследования, хотя иногда нам придётся возвращаться к этим аспектам, чтобы яснее обозначить границы рассуждений. Без преувеличения можно сказать, что выделение двух аспектов сознания находится в самом центре рассматриваемой дискуссии. Отсюда неизбежно возникает вопрос: насколько обосновано такое разделение сознания? С.Ф. Нагуманова отмечает, что в таком рассуждении содержится определенный изъян, поскольку феноменальное сознание по самому определению не может быть объяснено в функциональных терминах. Поэтому в такой линии аргументации, опирающейся на определение феноменального сознания, содержится ошибка предвосхищения основания⁸². Выделение отдельного аспекта сознания – серьезный шаг, требующий самостоятельного обоснования, и серьёзная теоретическая предпосылка. При этом мы не можем игнорировать это значимое разделение только на основании его теоретической нагруженности. В первых двух главах мы примем данное разделение на аспекты в качестве предпосылки, а в третьей главе вернемся к этой теме и покажем, что отрицание этой предпосылки не приводит к разрешению проблематики, связанной с панпсихизмом. Допущение, которое мы сделаем, не будет выбором в пользу одного из двух аспектов сознания. Первоочерёдность феноменального аспекта в определении сознания будет означать для нас лишь то, что именно оно является предметом нашего рассмотрения и что понятие сознания *с необходимостью* должно содержать феноменальный аспект. Поэтому в последующих параграфах под термином «сознание» мы будем иметь ввиду именно феноменальный аспект, в явной форме предполагая, что понятие сознания этим не исчерпывается. Это будет сделано для того, чтобы избежать постоянного повторения формулировки «феноменальное сознание». Мы будем говорить о характеристиках сознания, имея ввиду именно характеристики феноменального сознания. Однако, ни здесь, ни где-либо в данной работе мы не будем отвечать на

⁸² Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание ... С. 140.

вопрос: является ли феноменальный аспект и связанные с ним необходимые характеристики *достаточными* для наличия сознания.

Теперь нам необходимо определить, какие конкретные характеристики⁸³ являются необходимыми для феноменального аспекта сознания и, следовательно, входят в перечень необходимых характеристик сознания. Эти характеристики будут составлять ядро предмета нашего исследования. Ими являются *качественность, субъективность и единство*⁸⁴. Характеристики феноменального сознания следует отличать от феноменальных свойств. Феноменальными свойствами мы будем называть любые конкретные свойства феноменального сознания. Например, если мы признаём, что качественное свойство, отражающее субъективное переживание красного цвета (*каково это, видеть красный цвет*), существует, то оно является примером феноменального свойства. Хотя в других ситуациях различие между характеристикой и свойством весьма условно, в данной работе мы обозначим термином *характеристика* свойство с двумя специфическими чертами.

Во-первых, характеристика является описанием того, каким нам предстаёт один из аспектов сознания. Мы не можем утверждать, что каждой характеристике соответствует одно свойство и что это свойство можно однозначно выделить, не затрагивая другие характеристики. Иными словами, *за каждой фиксируемой нами характеристикой сознания могут стоять одно или несколько свойств*.

Во-вторых, в отношении каждой характеристики можно выделить два аспекта. Первый отображает само её наличие, а второй – её конкретное состояние.

⁸³ Рассмотрение характеристик сознания, представленное здесь, ограничено теми свойствами сознания, которые мы приписываем человеческим существам и абсолютно не учитывает другие возможные формы существования сознаний. Возможно, что у более простых животных, скажем, у насекомых, присутствуют качественные свойства, но отсутствуют или значительно подавлены субъективные свойства. В этом отношении любой такой анализ является антропоцентричным. Однако методология известных нам характеристик сознания в качестве парадигмального примера – единственный работающий метод исследования субъективного опыта в окружающем мире, не предпрещающий вопрос о том, что такое сознание. Нам необходима какая-то отправная точка для того, чтобы двинуться дальше. Однако, существование других форм сознания мы не исключаем. Как станет ясно в ходе третьей главы, панпсихизм в наибольшей степени учитывает вероятность того, что в природе встречаются различные формы существования сознания.

⁸⁴ Searle J. Consciousness. P. 39; Van Gulick R. Op. cit.

Этому различию соответствует противопоставление двух формулировок: (1) в мире есть то, каково это быть каким-то существом и (2) то, каково это быть данным конкретным существом. В первом случае мы утверждаем само наличие субъективного опыта в мире, а во втором – характеризуем субъективный опыт данного существа. Как мы увидим далее, по меньшей мере в отношении двух отдельно взятых характеристик сознания можно провести такое же различие. Теперь перейдем непосредственно к их рассмотрению.

Качественный (квалитативный) характер сознания. Качественная характеристика принципиально необходима для того, чтобы мы могли ответить на вопрос: *каково это быть каким-либо существом*⁸⁵? С нашей точки зрения, необходимо отличать сознание от квалитативности, а квалитативность от конкретных квалиа. Квалиа – это феноменальные качества (далее – качества) субъективного опыта, во множественном числе. Квалиа являются разновидностью феноменальных свойств, они достаточно конкретны, многие из них могут быть обособлены по своему описанию и разделены на группы: ощущение красного, ощущение писка, ощущение боли и т.д. Вся совокупность квалиа (термина, обозначающего квале во множественном числе) конкретного живого существа в данный момент времени образует квалитативное содержание сознания в данный момент времени. В данном исследовании мы не будем уделять большое внимание вопросу различий между конкретными содержаниями сознания, для нас будет достаточно того, что у сознания в принципе есть какая-то качественная, то есть квалитативная, характеристика. Однако мы можем провести различие между квалитативностью как характеристикой сознания вообще и конкретным квалитативным содержанием чьего-либо сознания. Квалитативность как общая характеристика не предполагает указания на то, какие типы качеств наличествуют и каким образом они организованы. Если есть квалитативность, то есть *какой-то набор квалиа*, но конкретный набор квалиа или даже множество различных наборов квалиа не необходимы для квалитативности.

⁸⁵ Searle J. Consciousness. P. 40.

За этим тонким различием скрывается очень важная для целей данного исследования деталь. Если мы определяем квалитативность как наличие *какого-то* набора квалиа, то любой набор квалиа достаточен для квалитативности. Однако далеко не очевидно, что любой набор квалиа будет достаточен для того, чтобы зафиксировать то, *каково это* обладать данным конкретным набором квалиа. Исходя из тех примеров, что у нас есть, для нас может быть очевидно лишь то, что конкретное квалитативное содержание, которое мы связываем с наличием индивидуального сознания связано с конкретной организацией качеств и наличием характеристики *каково это быть* данным конкретным существом. Понять в чем именно заключается неочевидность можно с помощью следующего рассуждения. Предположим, что мы взяли произвольный набор качеств опыта, который образует противоречивое содержание. Например, человеку кажется, что кружка на его столе является полностью зелёной, и в тот же самый момент, в том же самом отношении ему кажется, что она является полностью красной. Если мы не будем пытаться устранить это противоречие, утверждая, что кружка постоянно меняет цвет, или что иллюзия смены цвета является результатом когнитивных нарушений, то сама конкретизация того, *каково это видеть* данную кружку, окажется под вопросом. Эта ситуация не является идеальным примером противоречивого содержания, но она указывает на то, каким он мог бы быть. Если можно составить список квалиа, которыми обладают здоровые люди в обычных ситуациях, то можно себе представить и то, как эти списки могут оказаться перемешаны, порождая противоречивое содержание. Если бы существовал такой организм, опыту которого можно было бы приписать противоречивый список квалиа, то сложно было бы ответить на вопрос: *есть ли то, каково это быть* данным организмом? Даже если противоречивых наборов квалиа не существует, этот пример показывает, что из наличия квалитативности концептуально не следует наличие характеристики «то, каково это быть каким-то существом». Именно по этой причине квалитативность еще не достаточна для того, чтобы утверждать о наличии сознания.

Разговор о квалитативности и квалиа возможен независимо от того, считаем мы их отдельными сущностями (entity) или же предполагаем, что это просто данности нашего опыта. Как будет показано во второй главе, некоторые панпсихистские подходы предполагают существование неосознаваемых квалиа в качестве отдельных сущностей, в том числе, таких, которые существуют до сознательных переживаний. Единичные квалиа в этом случае могут быть не представлены никакому субъекту и связываются с субъективностью лишь в ходе конституирования единого сознания⁸⁶. Подходы такого типа предполагают достаточно нагруженное понятие квалиа, далекое от обыденного опыта, однако ничто из сказанного ранее не предполагает именно такой способ понимания квалитативности.

Субъективность. Наиболее популярной точкой зрения на связь субъективности и сознания в аналитической философии сознания является следующая: сознание всегда субъективно и всегда связано с перспективой от первого лица⁸⁷. Это справедливо и для феноменального аспекта сознания. Термин «субъект» может использоваться во многих различных контекстах (субъект отношений, действующий субъект). Однако специфический термин «феноменальная субъективность», то есть субъективность феноменального опыта, связан именно с наличием феноменального сознания. Этот термин указывает не на какое-то живое существо, обладающее субъективным опытом, не на агента, не на субъект познания или восприятия, а только на характеристику самого феноменального опыта. Если есть феноменальное сознание – значит с необходимостью должно быть свойство субъективности.

Важно заметить, что свойство субъективности вовсе не означает, что мы перешли от разговора о *состояниях* и *свойствах* к разговору об *агентах*, *сущностях* или *субстанциях*. Субъективность – это более специфичная, но и более эпистемически нейтральная характеристика, чем просто утверждение о наличии субъекта (ввиду многозначности термина, о которой сказано выше).

⁸⁶ Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism. P. 249.

⁸⁷ Searle J. Consciousness. P. 40; Van Gulick R. Op. Cit.; Иванов Д.В. Указ. соч. С. 65.

Субъективность характеризует феноменальное сознание, в первую очередь, с точки зрения структуры его содержания. *Феноменальное сознание всегда организовано так, как будто бы у него есть субъект.* Понять отличие этого утверждения от утверждения о наличии определённого субъекта проще всего с помощью рассмотрения более конкретных свойств, которые тесно связаны со свойством субъективности и, в некотором смысле, составляют его отдельные аспекты. Это, в первую очередь, наличие перспективы и приватность. Определённая организация содержания сознания позволяет субъекту быть размещённым в определённой *точке обзора*, а восприятию – иметь определённую *перспективу*. Приватность выражается в том, что для феноменального содержания конкретного сознательного восприятия нет возможности оказаться вне феноменального поля данного субъекта переживания, выйти за его пределы и стать феноменально доступным для другого субъекта. Все доступные субъекту субъективные переживания *непосредственно* доступны⁸⁸ только ему. Судя по всему, именно способ этой организации может иметь метафорическое описание в терминах пространственных отношений: *направленности и асимметричности*. Несмотря на условность этого метафорического описания оно очень полезно для исследования сознания, поскольку позволяет зафиксировать характеристики более конкретно. Метафоры организации показывают, что субъективным может быть только такой набор квалиа, который определённым образом составлен и организован. Вероятно, для такой организации квалиа необходим субъект, т.е. живой или синтетический организм с определённой биологией и когнитивной структурой. Но характеристикой самого сознания является именно организация квалиа, а не устройство такого субъекта. Сложно сказать, какие именно требования к такой организации должны быть выполнены, но для нашей целей будет достаточно утверждать, что без субъективности сознание, в привычном для нас смысле, существовать не может. Поэтому субъективность является второй необходимой характеристикой сознания, наряду с квалитативностью.

⁸⁸ Как мы увидим далее, можно сомневаться в том, что квалиа доступны даже самому субъекту. Однако идея приватности от этого не страдает, можно выразить мысль иначе: если квалиа субъекта кому-то и могут быть доступны, то только ему.

Пара терминов «субъективный» и «объективный» может быть понята двояко и поэтому требует прояснения. Сёрл верно замечает, что термин *субъективность* «...указывает на онтологическую категорию, а не на эпистемическую форму»⁸⁹. Первый смысл термина «объективный» характеризует факты и состояния, которые доступны независимо от перспективы наблюдения, т.е. с позиции от третьего лица (например, какова температура воды, громкость звука и т.д.). Субъективные факты и состояния, напротив, доступны только с позиции от первого лица (например, *каково это быть* автором данных строк в данный момент времени). Это две разных онтологических категории. Второй смысл касается вопроса о реальности самого явления, о том, что это явление действительно имеет место. В этом смысле термин «субъективный» описывает нечто, основанное на мнениях, предрассудках и кажимости, а термин «объективный» – нечто, основанное на реальности, подлинности. Так сознание, согласно Дж. Сёрлу, является субъективным в смысле перспективы от первого лица, но объективным в смысле реальности и подлинности, как естественного явления⁹⁰. Для реалиста в отношении феноменального сознания, субъективные факты, то есть высказывания о внутреннем содержании сознания – это факты о внутренней субъективной реальности. Для него утверждения о существовании каких-либо феноменальных свойств – это не только утверждения о том, как нечто представляется субъекту, а онтологические утверждения о реально существующих субъективных свойствах.

Единство. Еще одним важнейшим свойством феноменального сознания является то, что оно представляет из себя нечто единое или цельное⁹¹. Данная характеристика составляет отдельную *проблему единства сознания*. Содержание

⁸⁹ Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 102.

⁹⁰ Там же. С. 39.

⁹¹ Brook A., Raymont P. The Unity of Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/consciousness-unity/> (дата обращения: 24.02.2023); Searle J.R. Consciousness. P. 40; Нагуманова С.Ф. Единство сознания: различные подходы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 94; Bayne T. The unity of consciousness. New York: Oxford University Press, 2010. 341 p.

проблемы строится на применении мереологической⁹² метафоры к описанию и объяснению сознания. В истории философии тезис о единстве сознания рассматривался в различных контекстах. Но учитывая интересующие нас аспекты сознания, нас будет интересовать именно *феноменальное единство*. Важно заметить, что среди немногих значимых монографий, специально посвященных проблеме единства сознания, по меньшей мере три посвящены именно феноменальному единству, на что авторы прямо указывают в начале своих работ⁹³. Хотя многие авторы соглашались с самим фактом наличия феноменального единства, существует два принципиально разных способа его понимания. Дж. Сёрл называет их *подход единого поля* и *подход строительных блоков*⁹⁴.

Во-первых, тезис о единстве сознания может означать, что сознание изначально представляет из себя одно цельное явление, а то, что мы называем отдельными состояниями или переживаниями – это лишь аспекты изначального единства. Если это так, то изолированное рассмотрение отдельных состояний является следствием операции абстракции части из целого, т.е. исключительно мысленной процедуры, которая не указывает на фактическую возможность отдельного существования частей. Этот подход предполагает наличие некоторого непрерывного *феноменального поля*, частями или аспектами которого являются качественные характеристики опыта. Само по себе поле не зависит от наличия конкретных аспектов-состояний, и эта независимость обеспечивает постоянство единства сознания. Как пишет Дж. Сёрл, «...[в]се сознательные переживания в любой момент жизни агента являются частью одного единого сознательного поля. <...> Короче говоря, сознательное состояние по определению едино, и единство вытекает из субъективности и квалитативности, потому что не может быть субъективности и квалитативности, кроме как в этой конкретной форме

⁹² Мереология – это дисциплина, занимающаяся построением теорий части и целого. Однако в контексте философской проблематики и, в том числе, проблематики философии сознания, речь идёт не о формальном описании таких отношений, а о выяснении их метафизической природы.

⁹³ Bayne T. Op. cit.; Dainton B. Stream of consciousness ... P. 2; Tye M. Consciousness and Persons: Unity and Identity, Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 11.

⁹⁴ Searle J.R. Consciousness. P. 42.

единства»⁹⁵. Некоторые авторы, такие как М. Тай, вообще отрицают возможность применения мереологической метафоры к переживаниям и предлагают «концепцию одного опыта»⁹⁶. Сёрл указывает, что тезис о единстве сознания не означает ни того, что к нему буквально применимы категории «целого» и «части», ни того, что феноменальное поле представляет из себя некоторую сцену, на которой разворачивается представление. Это лишь удобные метафоры для описания сознания.

Во-вторых, можно рассматривать единство как результат объединения, в том или ином смысле, отдельных состояний. Этот подход именуется подходом строительных блоков. Категории «целого» и «части» применяются здесь в более прямом смысле, чем в подходе единого поля, поскольку в данном случае части сознания предшествуют целому и рассматриваются как отдельные состояния, своего рода «строительные блоки» единого сознания. В рамках этой точки зрения существует несколько альтернатив.

Первый вариант – это *включение* (subsumption). Т. Бэйн и Д. Чалмерс также используют понятие «аспекты» в отношении частей единого сознания. Однако единство, с их точки зрения, заключается, во-первых, в том отношении, в котором находятся эти аспекты по отношению к единому состоянию, а во-вторых, в том, что они находятся в этом отношении с одним и тем же единым состоянием. Таким образом, они являются «включенно едиными» (subsumptively unified) в том случае, если они «оба подчинены одному состоянию сознания»⁹⁷. Такое единство можно выразить через нагелевский оборот «каково это быть» следующим образом: для субъекта, чьи сознательные состояния едины, есть то, каково это находиться в этих состояниях одновременно⁹⁸.

Второй вариант – это *со-сознание* (Co-Consciousness), которое также используется в дискуссии о единстве⁹⁹. Далеко не очевидно, что этот тип единства

⁹⁵ Ibid. P. 40.

⁹⁶ Tye M. Consciousness and Persons ... P. 23.

⁹⁷ Bayne T. Op. cit. P. 27.

⁹⁸ Ibid. P. 32.

⁹⁹ Этой формулировкой, например, пользуется Дэйнтон. См.: Dainton B. Stream of consciousness ... P. 2.

представляет из себя нечто принципиально иное, чем включение, однако некоторые авторы настаивают на важности этого разграничения¹⁰⁰. Ключевое отличие заключается в том, что единство через со-сознание – это отношение между двумя частями (или аспектами) единого сознания, в то время как единство через включенность обеспечивается тем, что части находятся в определённом отношении к целому.

На данном этапе различия между двумя подходами могут показаться не слишком существенными, а сам тезис о единстве – не особенно значимым для дискуссии о трудной проблеме сознания. Однако метафоры, связанные с характеристикой единства, очень важны для проблемы объяснения сознания, в особенности, в связи с панпсихизмом. Разница между подходами не только в том, что первично – целое или часть, она заключается в самом способе понимания сознания. Ясно, что обычные для мереологической проблематики вопросы гораздо ближе к подходу строительных блоков. К подходу единого поля понятие «части» применимо с еще более высокой степенью условности. «Существует только единое сознательное поле, и ничего больше, и оно принимает различные формы», – отмечает Сёрл¹⁰¹. Различия между этими подходами проявляются яснее, если мы рассмотрим критерии единства между состояниями. Для этих целей мы можем выделить два подвида мереологической метафоры. Подход строительных блоков использует строго *мереологическую метафору*, поскольку для этого подхода может быть сформулирован такой критерий: *состояние А и состояние В едины, если они включены в одно и то же состояние (или объединены отношением со-сознания)*. Подход единого поля предполагает, что состояние сознания существует в единственном числе и меняет лишь форму, поэтому может быть гораздо более удачно сформулирован в терминах *топологической метафоры*: *состояние А и состояние В едины, если они являются разными формами (асpekтами) одного и того же состояния*¹⁰². Несмотря на

¹⁰⁰ Brook A., Raymont P. Op. cit.

¹⁰¹ Searle J. Consciousness. P. 55.

¹⁰² В топологии существует понятие топологической эквивалентности, или гомеоморфности. Например, куб и шар топологически эквивалентны. Мы сознательно избегаем применения этих

проведённое нами различие на мереологическую и топологическую метафоры, они обе являются мереологическими в широком смысле. Как верно замечает М. Либарди, в рамках мереологии можно выделить две группы теорий: теории частей (parts) и теории целых (wholes), в зависимости от того, что признаётся приоритетным – часть или целое¹⁰³. Такое различие принципиально важно, поскольку, как мы уже увидели на примере сознательных состояний, тезис о приоритете целого влияет на смысл термина «часть». Далее мы еще вернёмся к этому различию, рассматривая схожие проблемы в контексте панпсихизма.

Следует заметить, что представленные нами описания трёх характеристик сознания не обязательны для того, чтобы принимать важность их существования. Однако для дальнейшей работы такое описание необходимо, поскольку, несмотря на распространённость этих терминов, их детальному прояснению в дискуссии о феноменальном сознании уделяется недостаточно много внимания.

Во многих современных исследованиях, особенно в репрезентационалистском анализе проблем сознания, феноменальный аспект и квалитативный аспект сближаются настолько, что практически отождествляются. Например, автор монографии «Трудная проблема сознания» В.В. Васильев, анализирующий работы таких философов как Д. Чалмерс, Д. Деннет, Дж. Сёрл и других, упоминает именно квалитативность как основную характеристику феноменального аспекта, используя обороты «квалитативный аспект» и «квалитативные состояния»¹⁰⁴ и практически не упоминая в своём тексте такие характеристики как *субъективность* и *единство*. Если говорить о терминологии, то словарь В.В. Васильева прекрасно отображает набор используемых терминов в актуальной дискуссии о трудной проблеме сознания. Однако мы, вслед за Дж. Сёрлом, полагаем, что характеристики квалитативности, субъективности и единства не только важны в равной степени, но и, в принципе, не могут

терминов в данном случае, чтобы не выходить за пределы исключительно метафорического описания.

¹⁰³ Libardi M. Applications and limits of mereology. From the theory of parts to the theory of wholes // Axiomathes. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 20.

¹⁰⁴ Васильев В.В. Указ. соч. С. 33.

рассматриваться отдельно друг от друга без потери какой-то значимой части смысла, с которым связан термин «сознание». Как возможно такое различие, если речь идёт об одном и том же?

На примере Д. Чалмерса становится ясно, что субъективность может подразумеваться под квалитативностью имплицитно, в смысле того, что качественный характер опыта в сочетании с физическим устройством организма формирует субъективную перспективу. Именно поэтому феноменальный аспект связывается с субъективным опытом. Единство при этом может рассматриваться как незначимая характеристика, либо вовсе сводиться к функциональной организации¹⁰⁵.

Вернёмся к вопросу о том, почему субъективность является важным дополнением к квалитативности. Мы указали на то, что квалитативность не предполагает еще необходимую упорядоченность опыта. Набор качеств может формировать противоречивое содержание, которое не позволит говорить о наличии одной единственной субъективности и характеристики «каково это быть» данным существом. Поэтому мы можем рассмотреть две отдельных ситуации в отношении того, как квалитативность соотносится с характеристикой «каково это быть». Если понятие квалитативности не предполагает какую-то организацию качеств, то чтобы перейти к характеристике «каково это быть», нам требуется дополнительное понятие субъективности для указания на организацию качеств. Если понятие квалитативности уже включает в себя организацию качеств, то говоря о квалиа, как общем феноменальном состоянии, мы подразумеваем также и аспект субъективности в неявном виде. В этом последнем случае квалитативность может отождествляться с характеристикой «каково это быть», поскольку включает в себя и квалитативный аспект в узком смысле и субъективность.

Вопрос о том насколько необходим третий аспект единства является более дискуссионным. Можно утверждать, что набор качеств должен быть как-то ограничен и взаимно интегрирован, ведь состояния сознания разных существ не

¹⁰⁵ Там же. С. 175.

сливаются друг с другом, но при этом в пределах одного состояния качества слиты в единый опыт. Наличие этой характеристики указывает на связь между качествами, относящимися к состоянию одного организма, и разделённость качеств, относящихся к состояниям разных организмов. Нельзя сказать, что характеристика единства признаётся необходимой в одном и том же смысле для всех рассмотренных подходов. Возможно, что такие подходы, которые рассматриваются Бэйном, Чалмерсом и Дэйнтоном, не требуют особой характеристики единства. В этих подходах единство тоже имеет место, но оно может выражаться в отношениях между отдельными качествами. С другой стороны, указание на наличие феноменального поля в подходе Сёрла с необходимостью предполагает, что единство является чем-то дополнительным по отношению к простому набору качеств (квалитативность), организованных определённым образом (субъективность). В связи с этим, все три рассмотренные ранее характеристики сознания мы будем рассматривать как необходимые, но мы будем допускать.

Необходимо обозначить причины, по которым мы не включаем в определение ещё одну характеристику сознания – **интенциональность**. С помощью этого уточнения мы сможем показать, как соотносятся три указанные ранее необходимые характеристики сознания с различием между феноменальным сознанием и сознанием-доступа. Интенциональность – это понятие схоластической философской психологии, возвращение которого в современную философию сознания связывают с именем Ф. Brentano. В своей работе «Психология с эмпирической точки зрения» Ф. Brentano пишет: «Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета и что мы назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность) или имманентной предметностью. Любой психический феномен

содержит в себе нечто в качестве объекта»¹⁰⁶. В исследовании феноменального сознания понятие интенциональности не будет выделяться нами в качестве необходимой характеристики сознания ввиду нескольких причин.

Во-первых, следует напомнить, что мы формулируем такое определение сознания, которое выделит необходимые характеристики, связанные с феноменальным аспектом, и не будет заранее исключать характеристики, связанные с аспектом доступа. Поэтому перечисление интенциональности, которую и Н. Блок и Д. Чалмерс относят к сознанию-доступа, в качестве одной из характеристик означало бы отказ от разделения на два аспекта, который рассматривался нами ранее.

Во-вторых, существует тесная связь современных подходов, использующих понятие интенциональности, с репрезентационалистскими теориями. Если мы рассматриваем вопрос о роли сознания в жизни биологических организмов, понятие интенциональности играет важнейшую роль, а репрезентационалистская теория является, вне всяких сомнений, основным способом решения этого вопроса. Однако мы не будем рассматривать то, какова связь (функциональная или какая-либо еще) ментального состояния с предметами реального мира и, если сознание выполняет функцию репрезентации, насколько хорошо оно выполняет эту функцию. Приписывание сознанию репрезентирующей функции – это лишь небольшая часть решения трудной проблемы сознания. В частности, это ответ на вопрос «какую роль играет сознание?», однако это ничего не говорит нам о том «возникло ли сознание?» и «как возникло сознание?». Если мы не утверждаем, что сознание используется для выполнения некой функции, то мы должны предполагать, что оно или предпосылки для его возникновения уже существовали до того момента, когда сознание начало играть свою эволюционную роль. Существуют две основные точки зрения по поводу связи репрезентации и феноменальности и для полноценного объяснения сознания, в обсуждаемом нами смысле, необходимо отказаться от полного сведения сознания к его

¹⁰⁶ Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Brentano Ф. Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 33.

репрезентирующей функции. В свою очередь, полное отождествление сознания с интенциональностью не только предрешает вопрос о наличии у сознания функции репрезентации, но и переносит обсуждаемую проблему на другое, гораздо менее ясное, понятие.

В-третьих, мало кто будет спорить с тем, что феноменальный аспект сознания в принципе возможен и без интенционального аспекта¹⁰⁷. Даже такой автор как Дж. Сёрл, который начинал исследование сознания с анализа интенциональных состояний¹⁰⁸, в конечном итоге стал выделять три рассмотренные ранее характеристики сознания в качестве основных. Как мы видим, даже с точки зрения автора, делающего большой акцент на интенциональности, данная характеристика не является необходимой, а для нас важно зафиксировать именно необходимые характеристики.

В-четвертых, существует содержательное обоснование для того, чтобы не включать интенциональность в набор необходимых характеристик сознания. Предположим, что интенциональность всегда сопровождает сознательные состояния, а сознание-доступа всегда сопровождает феноменальное сознание. Тогда аспекты просто не существуют друг без друга. Однако мы всё еще можем различать их концептуально и видеть между ними различие. Опишем конкретный пример субъективного квалитативного и единого состояния. Допустим, человек испытывает целостное ощущение нахождения в полной темноте с ярким светом вдалеке (для этого примера мы ограничимся только цветами и их оттенками). В этом сознательном состоянии будет вполне конкретный квалитативный аспект (квалиа белого, черного и некоторых промежуточных оттенков цветов), субъективный аспект (то, в каких областях эти цвета локализованы, как эти цветовые пятна организованы, как они формируют перспективу) и аспект единства (то, что все эти качества принадлежат к одному феноменальному полю). Чтобы у этого сознательного состояния появился аспект, связанный с интенциональностью и репрезентацией, квалитативное содержание должно быть

¹⁰⁷ Searle J. Consciousness. P. 44.

¹⁰⁸ Васильев В.В. Указ. соч. С. 62.

определённым образом проинтерпретировано. Белый цвет окажется привязан к пятну света, а его черное окружение – к тому месту, где находится наблюдатель, допустим, к какому-то тёмному помещению. Качественное содержание само по себе не предполагает именно такой интерпретации, оно привязано к ней исходя из существующего опыта, понятий и другого когнитивного содержания. Можно утверждать, что понятие интенциональности фактически пересекается и с понятием феноменального и с понятием доступа. Но тогда, следуя ходу мысли Блока и Чалмерса, мы всё равно сможем выделить в понятии интенциональности феноменальный и когнитивный аспекты и феноменальный аспект интенциональности будет исчерпывающим образом описываться тремя ранее рассмотренными характеристиками. Поэтому все три характеристики сознания можно отличать от интенциональности (или от её аспекта, связанного с сознанием доступа), даже если в реальности они никогда не встречаются отдельно.

На данном этапе мы можем сформулировать следующее определение сознательного состояния:

Состояние является сознательным, если обладает свойствами субъективности, цельности и качественности.

Для того, чтобы завершить подготовку к формулировке определения сознания, необходимо отметить, что термин *сознание* может быть использован в трех различных взаимосвязанных контекстах, каждый из которых будет, в той или иной степени, интересовать нас в данной работе:

1) Сознание, как характеристика (живого) существа¹⁰⁹. Термин может характеризовать как само существо, например, как в словосочетании «сознающее существо». Эта характеристика существа может быть понята как: быть разумным, бодрствовать («быть в сознании»), обладать самосознанием, осознавать, т.е. знать, что-то. В нашем случае под термином «сознающее существо» будет пониматься существо, обладающее феноменальным сознанием, и переживающее *то, каково это быть* данным существом.

¹⁰⁹ Carruthers P. Phenomenal consciousness: A naturalistic theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 9.

2) Сознание, как описание ментального состояния¹¹⁰. Словосочетание «сознательное состояние»¹¹¹ указывает на такое специфическое состояние, в котором находится сознающее существо. В ранее приведённых примерах сознание описывалось как состояние или как совокупность состояний, и мы будем использовать аналогичное определение. Учитывая разделение на два аспекта сознания, состояние является сознательным в двух различных смыслах. Во-первых, когда оно предполагает осведомленность субъекта о чем-то, например о каком-то объекте или образе. Иногда вместо термина осведомленность (awareness) используют термин доступ (access). В этом случае говорят, что ментальное состояние сознательно, поскольку его содержание доступно для субъекта. Осведомленность и доступ не следует путать с вниманием (attention), поскольку содержание может быть доступно для сознательной обработки, но не востребовано для внимания. Во-вторых, состояние является сознательным, если обладание этим состоянием сопряжено с наличием соответствующего феноменального опыта. Именно такое состояние является состоянием феноменального сознания.

3) Сознание, как самостоятельная онтологическая единица, сущность или субстанция: например, как в высказывании «мое сознание доступно для моего собственного исследования» или «перенос сознания в другое тело». Здесь возможно несколько трактовок, не все из которых релевантны для обсуждения в

¹¹⁰ Ibid. P. 13.

¹¹¹ Важно заметить, что выделение особых сознательных ментальных состояний является относительно новой идеей и начинает проявляться только в философии и психологии XIX в. Согласно Ф. Brentano, каждый ментальный феномен (что примерно соответствует понятию феноменального состояния у современных авторов) направлен не только на внешний объект, но и сам на себя, как на вторичный объект. При этом работает внутреннее восприятие, особый механизм, посредством которого мы оказываемся осведомлены о наших ментальных феноменах (Бrentано Ф. Указ. соч.). Таким образом, в модели Brentano сознательные феномены обладают механизмом саморепрезентации. Хотя для Brentano все ментальные феномены в той или иной степени связаны с сознательной осведомленностью, в своей работе «Психология с эмпирической точки зрения» он фактически признает, что идея бессознательного феноменального ментального состояния не является противоречивой, а поэтому открывает дорогу и противоположной позиции (Бrentано Ф. Указ. соч. С. 46). Исходя из самой этой возможности возникает проблема различения бессознательного ментального состояния и сознательного, появляется вопрос о критериях этого различения. Это важное изменение в осмыслении ментальных состояний коренным образом повлияло на проблему сознания в ее современном понимании.

настоящей работе. Например, высказывание «это существо обладает сознанием» может быть понято как высказывание о наличии у данного существа души, личности, самости (self). Все эти трактовки предполагают слишком широкое использование понятия сознание, которое включает в себя психику, разум и другие дополнительные характеристики. О сознании также можно говорить как об исключительно феноменальной сущности, как о самом феноменальном субъекте, которому доступны опытные переживания. Для современной дискуссии о проблеме сознания, в том ее аспекте, который будет рассматриваться далее, достаточно понимания как особого состояния физического объекта или даже набора свойств, принадлежащих этому объекту. Такие коннотации как душа, личность и самость не будут подразумеваться в понятии сознания в настоящей работе.

Ранее мы выделили группу связанных с сознанием понятий. Мы также рассмотрели структуру тех понятий, которые необходимо сформулировать. Формулировка «каково это быть» позволяет использовать указание в определении сознания. Теперь мы можем сформулировать с помощью выработанных ранее критериев два варианта определения сознания. В соответствии со сказанным ранее, мы будем исходить из того, что сознание – это особое состояние физического объекта, в привычных для нас условиях – живого существа.

Указание на состояние «каково это быть»:

(U1)¹¹² Существо является сознательным или имеет сознательный опыт если и только если существует то, каково это для этого существа быть тем существом, которым оно является.

(U2) Состояние является сознательным если и только если существует то, каково это находиться в данном состоянии.

Перечисление характеристик:

¹¹² Здесь и далее по тексту будут использованы три варианта обозначения тезисов в аргументах: 1. Если тезисы будут использованы всего один раз, тогда все посылки будут обозначаться заглавной буквой «Р» с номером, а заключения – заглавной «С» с номером. 2. Для рассуждения с большим числом тезисов будет применяться сквозная числовая нумерация без добавления буквы. 3. Для особенно важных тезисов будет применяться собственное обозначение, где буква будет отображать группу, к которой относится тезис, а число – порядковый номер тезиса.

(O1) Существо является сознательным или имеет сознательный опыт если и только если оно находится в состоянии, обладающем свойствами субъективности, цельности и квалитативности.

(O2) Состояние является сознательным если и только если оно является субъективным, целостным и квалитативным.

Оба вида определений обладают своими преимуществами и недостатками. Указание на состояние с помощью описания позволяет зафиксировать предмет обсуждения. Однако оно не предоставляет нам более конкретных характеристик. Второе определение даёт конкретные необходимые характеристики. Далее при использовании термина «сознание» мы будем подразумевать и указание на состояние и перечисление характеристик, представленные в данном разделе, полагая, что они определяют одно и то же явление разным способом. При этом во всех случаях мы будем иметь в виду, в первую очередь, именно феноменальный аспект, а не какие-либо иные психические аспекты.

1.2. Трудная проблема сознания

1.2.1. Контекст возникновения трудной проблемы сознания

Проблема сознания (problem of consciousness), широко обсуждаемая в современной аналитической философии, исторически восходит к Новому времени. Она является частью или аспектом более общей психофизической проблемы (mind-body problem). Далее мы будем называть психофизической проблемой всю совокупность проблем, связанных с объяснением отношений между ментальным и телесным, психическими и физическими явлениями, включая в этот общий перечень и проблему объяснения отношений между сознанием и телом. Проблемой сознания мы будем называть только те вопросы, которые напрямую связаны с современным понятием сознания, в том числе, так называемую трудную проблему сознания.

Р. Декарт, Г. Галилей и другие ученые Нового времени, во многом определили современную дискуссию о сознании, задав философский контекст для

возникновения современного понимания проблемы ментального и телесного¹¹³. Основное влияние науки в этом отношении можно приписать Г. Галилею, предложившему новую физику на смену физике Аристотеля, а также Р. Декарту, который новый взгляд на науку применил к философскому осмыслению ментальной жизни. Опираясь на воззрения Галилея и другие натуралистические положения, философия Декарта повлияла на эту проблему не только как самостоятельная дуалистическая концепция, но и как определенная парадигма исследования ментального. В отличие от предшествовавших ему схоластов, Декарт отождествляет физическое с протяженной субстанцией, то есть материей, а ментальное – с непротяженной субстанцией¹¹⁴. Декарт прибегает к сугубо количественному описанию материи и не приписывает ей никаких качественных (квалитативных) свойств. Качественные свойства характеризуют только ментальную субстанцию¹¹⁵. С точки зрения Декарта, ментальностью обладает только человек, иные живые существа являются скорее материальными механизмами, лишенными души и ментальной жизни. Аргументация Декарта в пользу дуализма лежит в основе современной психофизической проблемы.

Однако теперь классические подходы и аргументы занимают совершенно иное место. Ключевое отличие заключается в том, что Декарт смотрел на эту ситуацию с позиции очевидности существования души, в то время как современный натуралистический взгляд побуждает рассматривать описание мира в терминах физической науки как позицию «по умолчанию». Это отличие станет хорошо заметно, когда мы перейдем к рассмотрению классического и современного аргументов от мыслимости. Как отмечает Д. Столяр, в современной философии проблема сознания почти всегда понимается как совмещения

¹¹³ Проблематика соотношения ментального и телесного, вероятно, существовала в какой-то иной форме и до Нового времени, однако исследование этого вопроса выходит за рамки данной работы. Подробнее о соотношении аристотелевской и картезианской позиции см.: Иванов Д.В. Указ. соч. С. 28.

¹¹⁴ Bennett J. *Learning from Six Philosophers*. Vol. 1: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume. Clarendon Press, 2001. P. 24; Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. С. 62.

¹¹⁵ Bennett J. *Op. cit.* P. 24.

физикализма, с одной стороны, и существования различных ментальных феноменов, с другой¹¹⁶. Таким образом, в современной философии сознания проблема сознания сближается с *проблемой размещения* в физикализме. Так называются проблемы, касающиеся того, как явные факты (например, факты, касающиеся обычных макроскопических объектов) могут быть включены в, условно рассматриваемый, полный перечень фактов о мире. В таких случаях заранее предполагается, что фундаментальная реальность, т.е. совокупность простейших элементов, из которых все существующее состоит, имеет физическую природу, по крайней мере отчасти. Основными ориентирами для современной дискуссии являются натурализм и данные естественных наук, значительная часть теорий склоняется к той или иной модификации метафизического физикализма¹¹⁷. Даже в тех случаях, когда классические метафизические теории сохраняют свою актуальность, что происходит нередко, физикализм и для них становится своеобразной точкой отсчета. При этом в философии сознания явно существует установка не расширять перечень фундаментальных сущностей без необходимости¹¹⁸ и мы будем всецело следовать этому критерию. Отход от физикалистского подхода и принятие других стратегий должны быть обоснованы. Как будет показано далее, в этом же направлении развивается и современный натуралистический панпсихизм. Основная задача панпсихизма заключается в сохранении натуралистического описания сознания¹¹⁹. Далее в этом параграфе мы обозначим контекст возникновения трудной проблемы сознания. Один из основных элементов этого контекста, а именно – понятие сознания, уже был рассмотрен ранее. Теперь перейдем к остальным, не менее важным элементам.

Онтологический фундаментализм и онтологическое уровни. Основной характеристикой большинства современных натуралистических подходов

¹¹⁶ Stoljar D. Physicalism. London: Routledge, 2010. P.16.

¹¹⁷ Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания: вызовы и решения. С. 5.

¹¹⁸ Chalmers D.J. Constructing the world. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 20.

¹¹⁹ Несмотря на то, что существуют также идеалистические версии панпсихизма (в широком смысле), подавляющее число актуальных панпсихистских стратегий являются натуралистическими фактически или по заявлениям авторов. Ввиду тематики данной работы, мы не будем останавливаться на идеалистических разновидностях панпсихизма.

является онтологический фундаментализм. Д. Шаффер разъясняет фундаменталистскую позицию следующим образом: «Фундаменталист начинает с (а) иерархической картины природы как расслоенной на уровни, добавляет (b) предположение, что существует нижний уровень, который является фундаментальным, и заканчивает, достаточно часто, с (с) онтологической установкой, согласно которой сущности фундаментального уровня являются реальными первично, а все остальные контингентные объекты (сущности) в лучшем случае являются производными, если вообще реальны»¹²⁰.

Представление о наличии множества уровней следует, в первую очередь, за разделением основных наук исходя из их специализации. До некоторой степени это связано с обыденным представлением о реальности. Кажется вполне естественным оценивать вещи, с одной стороны, как нечто цельное, а с другой – как агрегат из множества более простых элементов. Можно не принимать это разделение в онтологическом смысле, но невозможно отрицать его полезность в методологическом смысле. С другой стороны, предположение о существовании минимального и наиболее простого уровня, который является фундаментальным – это гораздо более спорная идея, которую сложно оценивать вне теоретического контекста. Фундаментальный уровень в таком понимании – это уровень сущностей, не имеющих собственных частей, мереологических атомов. Эта идея тесным образом связана с классическим механистическим атомизмом – представлением о том, что существуют неделимые частицы материи. Однако обоснованность этой идеи для современной науки можно считать весьма сомнительной. Д. Ким отмечает, что идея о существовании нижнего уровня – это всего лишь предположение в рамках представления о наличии множества уровней реальности, и Д. Шаффер соглашается с этой оценкой¹²¹. В этой и последующей главах мы будем исходить, в первую очередь, из фундаменталистских подходов, поскольку они представляют подавляющее большинство среди теорий сознания,

¹²⁰ Schaffer J. Is There a Fundamental Level? // *Noûs*. 2003. Vol. 37. No. 3. P. 498.

¹²¹ Ibid. P. 499.

по крайней мере в методологическом смысле. Затем, в конце второй главы мы подвергнем эту идею критическому анализу.

Метафора онтологических «уровней» будет иметь для нас большое самостоятельное значение. Как уже сказано ранее, онтологические уровни – это мереологическая структура, упорядоченная отношением «часть-целое». Когда речь заходит об объяснении природы какого-либо явления в контексте онтологических уровней, то необходимо, во-первых, определить к какому онтологическому уровню относится явление и, во-вторых, определить каким образом данный уровень и данное явление относятся к другим уровням. Поэтому в контексте объяснения вопрос об отношениях между уровнями – это ключевой вопрос и его необходимо рассмотреть детально.

Метафизические отношения. Метафизические отношения возникают между объектами, свойствами и являются одной из основных категорий современной дискуссии о сознании. Среди метафизических отношений, которые будут играть для нас существенную роль, следует выделить, во-первых, такие онтологические отношения как тождество, конституция, реализация, а во-вторых, объяснительные отношения, такие как редукция, супервентность и онтологическое основание. Кратко рассмотрим каждое из них.

Тождество – это отношение, которое каждая вещь имеет к самой себе и ни к чему другому. Данный тип отношения дал наименование целой совокупности теорий под названием теории тождества. Согласно данному подходу, ментальные состояния тождественны состояниям мозга. Эта теория была популярна в середине XX в.¹²², затем подверглась резкой критике, а в недавнее время вновь обрела сторонников¹²³. Для теории тождества имеет принципиальное различие между двумя возможными типами тождества: типовое тождество (type identity) и тождество токена (token identity). В случае тождества типов, психические

¹²² Place U.T. Is consciousness a brain process? // British Journal of Psychology. 1956. Vol. 47. P. 44–50.

¹²³ Jackson F. In defence of the identity theory mark I // New perspectives on type identity: The mental and the physical / Ed. by S. Gozzano and C. S. Hill. Cambridge University Press, Cambridge, 2012. P. 150–166.

свойства – это и есть физические свойства. В случае тождества токенов, психическое событие тождественно физическому событию, то есть каждое событие, которое имеет психическое свойство, имеет также и физическое свойство. В контексте панпсихизма тождество также является одним из способов установления отношений между микро- и макросвойствами.

Конституция¹²⁴ – это отношения между, например, куском глины и кувшином. Глина конституирует кувшин. Обычно конституция считается отношением между объектами, хотя можно говорить о конституировании одного события другим и одного свойства другим. Когда речь идет об объектах, основной исследовательской проблемой для метафизиков, работающих над отношением конституирования, является следующая: когда один объект конституирует другой объект, являются ли эти два объекта одним и тем же или нет? Например, когда из куска глины получается статуя, является ли статуя тем же самым, что и кусок глины? Если нет, то кусок и статуя – это «совпадающие объекты». Это два разных объекта, которые занимают одно и то же физическое пространство в одно и то же время¹²⁵. Если же ответ – «да», то об отношении конституции можно говорить как о тождестве¹²⁶. В этом случае на отношение конституции распространяется то, что ранее было сказано о тождестве.

Реализация – это отношение между двумя свойствами одной и той же системы или объекта. В настоящее время большинство философов, рассматривающих реализацию, говорят, что реализатор и реализуемые состояния – это не совсем одно и то же, обеспечивая тем самым «нередуктивный» подход к ментальным состояниям¹²⁷. Нередуктивный функционализм является наиболее распространенной версией такого подхода, хотя некоторые разновидности

¹²⁴ Иногда термин «конституция» используется в широком смысле, включающем тождество или другие варианты метафизических отношений. Таков, например, случай конститутивного панпсихизма, о котором будет сказано далее. Если не сказано иное, мы будем использовать этот термин в узком смысле, как он определяется далее.

¹²⁵ Baker L.R. Why constitution is not identity // *The Journal of Philosophy*. 1997. Vol. 94. No. 12. P. 599.

¹²⁶ Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism. P. 30.

¹²⁷ Antony L.M., Levine J. Reduction with autonomy // *Philosophical perspectives*. 1997. No. 11. P. 83–105.

нередуктивного функционализма задействуют описание функциональных свойств как свойств высшего порядка. Согласно наиболее распространенному определению реализации, *свойство A некоторой системы «реализует» свойство B этой системы, если свойство A «играет каузальную роль», которая является определяющей для экземплификации свойства B.*

Редукция – это сведение одних свойств к другим, которое может происходить различными способами: методами философии языка или с помощью установления связующих законов, которые объясняют как одни свойства полностью определяются другими свойствами. Наибольшее распространение получил редукционизм в отношении теорий, которые обусловлены желанием подвести все науки и явления под единое основание и показать, что существует единый способ описания всех явлений в мире. Более сильным утверждением является точка зрения, что одни феномены по своей сути могут быть сведены к другим феноменам. Такой подход может приводить к элиминации явлений, подлежащих редукции, их самостоятельное существование в данном случае следует признать иллюзией. В контексте рассмотрения панпсихизма и трудной проблемы редуктивные подходы в этом смысле практически не рассматриваются и не обсуждаются. Принятие редукционизма означает отрицание аргументов в пользу трудной проблемы сознания.

Супервентность – это наиболее популярное понятие в данной категории. Оно описывает специальный тип отношений корреляции, зависимости или детерминации между объектами или свойствами¹²⁸. Можно выделить четыре основных способа понимать утверждение «свойства B супервентны на свойствах A»¹²⁹:

1. Если два объекта не различаются в отношении свойств A, значит они не различаются в отношении свойств B.

2. Невозможны две ситуации, тождественные в плане A-свойств, но различные в их B-свойствах.

¹²⁸ Kim J. Philosophy of mind. Boulder: Westview Press, 2011. P. 12.

¹²⁹ Kim J. Supervenience and mind: Selected philosophical essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 109; Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. P. 55.

3. Невозможны изменения В свойств без изменения свойств А.

4. Наличие свойств А достаточно для наличия свойств В.

В общем смысле супервентность следует понимать, как зависимость одних свойств от других, но более слабую, чем отношение редукции¹³⁰. В отличие от последней, супервентность вполне может быть связана с каузальным отношением. В частности, если ментальное супервентно на физическом, то физическое, в некотором смысле, влечет ментальное. Однако утверждения о наличии супервентности недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод о наличии такой каузальной связи. Супервентность может быть реализована и через другие метафизические отношения, например, через отношение конституирования. Для нас важно лишь зафиксировать общее понимание супервентности для того, чтобы использовать его в определениях.

Основание – это еще один тип объяснительной связи. От редуктивного отношения отличается тем, что смещает акцент с вопроса о том, что существует к вопросу о том, что от чего зависит. Если редуктивные подходы сводят одни свойства к другим, то подходы, использующие отношение основания, устанавливают онтологическую зависимость и метафизический приоритет между свойствами. Между двумя уровнями существует отношение основания, если *истины в отношении уровня А являются таковыми в силу истин в отношении уровня В*. Отношение онтологической зависимости В от А предполагает, что В не может существовать без А. Это отношение отличается и от общего определения супервентности. Утверждение о том, что свойства В супервентны на свойствах А в общем случае не означает, что свойства А являются основанием для свойств В или что свойства В онтологически зависят от свойств А. В частности, рассмотренное ранее отношение супервентности не предполагает, что свойства В не могли бы существовать при полном отсутствии свойств А. Таким образом,

¹³⁰ Kim J. Philosophy of mind. P. 12.

редукция и основание являются более сильными объяснительными отношениями, а супервентность, в её общей формулировке – более слабым отношением¹³¹.

Еще одним специфическим способом связи между свойствами является **эмерджентия**. Эмерджентными называют новые высокоуровневые свойства, не сводимые к низкоуровневым свойствам. В современной дискуссии общепринятым является различие между *онтологической* и *эпистемологической эмерджентностью*. Если новизна характеризуется появлением самостоятельной каузальной силы, новых законов и связана с новым онтологическим уровнем, то такую эмерджентность именуют онтологической. Если новизна обусловлена отсутствием возможности установления надежной связи между явлениями ввиду познавательных ограничений, то такую эмерджентность принято именовать эпистемологической. Поскольку эмерджентизм будет подробно обсуждаться во второй главе, здесь мы не будем останавливаться на рассмотрении этого понятия.

1.2.2. Формулировка трудной проблемы сознания и аргумент от мыслимости

Трудная проблема сознания является одним из аспектов общей психофизической проблемы и может быть охарактеризована рядом специфических вопросов¹³². Почему когнитивные процессы в нашем мозге сопровождают сознание? Почему тот или иной физический процесс в мозге порождает данный, специфический именно для него, сознательный опыт¹³³?

Трудная проблема противопоставляется множеству лёгких: сколь бы сложны не были препятствия на пути к их устранению, сколь бы сложным не было само решение, они не выглядят *принципиально* неразрешимыми. Особенность трудной проблемы именно в том, что она представляет из себя тупик для тех натуралистических подходов, которые были нацелены на установление

¹³¹ Как видно из приведенных формулировок, отношение основания рассматривается не только как строго объяснительное отношение, но и как онтологическое отношение. Для наших целей будет достаточно уточнить, что это более сильное отношение, чем супервентность.

¹³² Сысоев М.С. Насколько трудна трудная проблема сознания: к вопросу о проблеме сознания в трактовке Дэвида Чалмерса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4 (30). С. 134–142.

¹³³ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 45.

связи между физическими свойствами и феноменальным аспектом сознания. Отличие от легких проблем обеспечивается тем фокусом, который характерен для трудной проблемы: сосредоточенностью на феноменальном аспекте. Рассмотренное ранее противопоставление феноменального сознания и сознания-доступа тут играет важную роль: трудная проблема сознания, в отличие от проблемы «сознание–тело» существует не только и не столько между ментальным и телесным, сколько между ментальным и ментальным, т.е. между теми аспектами ментального, которые принципиально объяснимы с помощью физических свойств и теми аспектами ментального, которые принципиально не объяснимы таким способом.

Несмотря на свое название, трудная проблема в общем смысле не связана с какой-то конкретной задачей, которую можно было бы попытаться решить каким-то единым способом. Однако в частных случаях мы можем говорить о решениях этой проблемы, поскольку любая конкретно взятая формулировка всегда обусловлена, во-первых, обстоятельствами ее возникновения, то есть контекстом, который был рассмотрен ранее, и, во-вторых, аргументами, которые предлагаются для ее обоснования.

Анализируя причины её возникновения, трудную проблему сознания следует отличать от более мягких форм постановки проблемы сознания. Например, Д. Левин утверждает, что существует «объяснительный разрыв» между сознанием и физическими свойствами¹³⁴. Для него невозможность объяснить сознание через физические свойства объясняется тем, что существуют пока неизвестные факторы, которые в случае их установления могут повлиять на объяснение. По мнению Левина, это означает только «признание того, что у нас нет адекватного объяснения»¹³⁵. Перехода к принципиальной невозможности решить проблему сознания в физикализме он не делает. Далее мы покажем, что

¹³⁴ Levine J. Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 64. P. 361.

¹³⁵ Levine J. Purple Haze: The Puzzle of Conscious Experience. New York: Oxford University Press, 2001. P. 76.

мягкие формы проблемы сознания играют очень важную роль в рассмотрении трудной проблемы.

Хотя трудная проблема сознания тесно связана с проблемой ментальной каузальности, в их основании находятся разные вопросы. В данном исследовании мы будем рассматривать вопрос о том, почему вообще существует сознание, вне контекста его каузальной роли, насколько это возможно. Это необходимо для того, чтобы акцентировать внимание на вопросе онтологического отношения между ментальным и физическим в рамках онтологии и метафизики, а не на вопросе о том, какую каузальную роль играет сознание. Поэтому предлагаемые решения трудной проблемы сознания и ответы на вопрос «почему вообще существует сознание?» в рамках данного конкретного исследования не будут содержать указания на роль сознания, но будут содержать указание на его онтологический статус. Это, однако, не означает, что вопрос о каузальной роли не должен рассматриваться в дальнейшем: итоговые выводы могут быть положены в основание отдельного исследования, посвященного каузальной роли.

По указанным выше причинам мы будем использовать *аргументы от мыслимости* в качестве основных аргументов в пользу трудной проблемы, и, в первую очередь, так называемый *аргумент мыслимости философского зомби*. В роли вспомогательных этапов рассуждения могут служить связанные с данной дискуссией формулировки проблем: проблемы субъективности, проблемы эпистемической асимметрии¹³⁶ и проблемы единства сознания, которые мы упоминали при рассмотрении соответствующих характеристик сознания. Аргумент от субъективности связан с фундаментальным различием между объективными и субъективными фактами о мире, который обсуждался ранее. Аргумент от эпистемической асимметрии указывает на то, что в сознательном восприятии мира всегда есть определенная перспектива, которая делает возможным непосредственное познание одних фактов и невозможным непосредственное познание других фактов (например, субъективных фактов о чужих ментальных состояниях).

¹³⁶ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 136.

Аргумент от мыслимости в современной философии восходит к Р. Декарту. В его работах можно встретить, по меньшей мере, три фрагмента, которые позволяют построить три самостоятельных аргумента в пользу различия души и тела. Один из них основан на том, что сомневаться в существовании тела проще, чем в существовании души¹³⁷, второй – на различии в делимости для тела и души¹³⁸. Третий построен на мыслимости раздельного существования, на котором мы остановимся подробнее. Данный аргумент¹³⁹ Декарта может быть тезисно изложен следующим образом¹⁴⁰:

(P1) У меня есть ясная и отчетливая идея себя самого, как вещи только мыслящей и не протяженной.

(P2) У меня есть ясная и отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей.

(C1) Я могу ясно и отчетливо помыслить одну вещь без другой (из P1 и P2).

(P3) Все мыслимое мной ясно и отчетливо может быть создано Богом, таким, как я это мыслю.

(C2) Следовательно, Бог может создать раздельно: душу как нечто, что мыслит и не протяженно, и тело как нечто, что протяженно и не мыслит (из C1 и P3).

¹³⁷ Barbone S., Bruce M. Just the Arguments: 100 of the Most Important Arguments in Western Philosophy. New York: Wiley, 2011. P. 294.

¹³⁸ Ibid. P. 296.

¹³⁹ Оригинальный фрагмент из «Размышлений о первой философии» выглядит следующим образом: «Прежде всего, поскольку я знаю, что все, мыслимое мной ясно и отчетливо, может быть создано Богом таким, как я это мыслю, мне достаточно иметь возможность ясно и отчетливо помыслить одну вещь без другой, чтобы убедиться в их отличии друг от друга: ведь, по крайней мере, они могли быть разделены меж собой Богом; при этом не имеет значения, с помощью какой способности мы можем установить их различие. Таким образом, из одного того, что я уверен в своем существовании и в то же время не замечаю ничего иного, относящегося к моей природе, или сущности, помимо того, что я – вещь мыслящая, я справедливо заключаю, что сущность моя состоит лишь в том, что я – мыслящая вещь. И хотя, быть может (а как я скажу позднее, наверняка), я обладаю телом, теснейшим образом со мной сопряженным, все же, поскольку, с одной стороны, у меня есть ясная и отчетливая идея себя самого как вещи только мыслящей и не протяженной, а с другой – отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей, я убежден, что я поистине отличен от моего тела и могу существовать без него» (Декарт Р. Указ. соч. С. 62).

¹⁴⁰ Несколько иной вариант формализации см.: Иванов Д.В. Указ. соч. С. 19.

(P4) Вещи отличны друг от друга, если они могли быть разделены меж собой Богом.

(C3) Следовательно, душа отлична от тела и может существовать без него (из P4 и C2).

Отсюда Декарт заключает, что душа и тело – это две различные субстанции. Выражаясь в терминах современной философии, подобный аргумент от мыслимости свидетельствует о наличии *метафизического разрыва* между понятием души и понятием тела. Здесь по тексту Декарт приходит к заключению о мыслимости души без тела, однако, есть мнение, что аргумент может быть модифицирован так, чтобы опираться на мыслимость тела без души¹⁴¹. В более простой и близкой к современной версии форме этот аргумент может быть изложен следующим образом:

(P1) Мыслимо ясно и отчетливо, что душа может существовать без тела.

(P2) То, что мыслится ясно и отчетливо – возможно.

(P3) Возможно, что душа может существовать без тела.

(C) Следовательно, душа и тело – это различные субстанции.

Различные формы других аргументов от мыслимости восходят к мысленному эксперименту Г.В. Лейбница, изложенному в его работе «Монадология»¹⁴². Лейбниц для аргументации против материалистических подходов предлагает вообразить «машину, устройство которой воспроизводит мысль, чувство и восприятия». По мнению Лейбница, войдя в эту машину, как в мельницу, мы не обнаружим там «ничего такого, чем можно было бы объяснить восприятие»¹⁴³. Только единство внутренней жизни субстанции может обеспечить понимание того, как возможны дух и душа. В некоторой степени рассуждению Лейбница родственны современные аргументы, такие как аргумент *китайской нации* Н. Блока, аргумент *китайской комнаты* Дж. Сёрла и аргумент *клеточного*

¹⁴¹ Некоторые авторы именно таким образом формализуют аргумент Декарта. Формализацию аргумента Декарта, предполагающую возможность существования тела без души см.: Lacewing M. *Philosophy for A Level: Metaphysics of God and Metaphysics of Mind*. London: Routledge, 2017. 402 p.

¹⁴² Лейбниц Г.В. Монадология. С. 413.

¹⁴³ Там же. С. 415.

автомата Г. Розенберга. Данные аргументы допустимо использовать против различных версий функционализма и бихевиоризма в вопросе о природе разума и сознания, поэтому они могут подкреплять основной аргумент в пользу трудной проблемы. Н. Блок предлагает мысленный эксперимент «Китайская нация»¹⁴⁴. Он рассматривает пример функциональной структуры, состоящей из представителей китайской нации, которая, будучи функционально идентичной человеческому мозгу, тем не менее не обладает феноменальным сознанием, исходя из общих интуиций, которые следуют за описанием данной структуры. Китайская комната – это схожий в некоторых аспектах мысленный эксперимент Дж. Сёрла¹⁴⁵. В изначальной версии он направлен против концепции так называемого «сильного искусственного интеллекта» (ИИ). Мысленный эксперимент, по мнению Сёрла, показывает, что формальная программа, реализуемая на компьютере, не обладает пониманием и не объясняет понимание¹⁴⁶. Идея мысленного эксперимента Г. Розенберга под названием «клеточный автомат» заключается в том, что основанное на современной физике естественное понимание мира ничего не говорит о внутренних свойствах вещей, а описывает только внешние структурные свойства¹⁴⁷. Эти аргументы не будут рассматриваться нами детально, однако само их наличие сыграет вспомогательную роль для исследования особенностей аргументации от мыслимости, к которому мы вернемся во второй главе.

Наименование «Философский зомби» обычно применяют к мысленным экспериментам, призванным продемонстрировать наличие метафизического

¹⁴⁴ Block N. Troubles with Fuctionalism // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1978. Vol. 9. P. 261–325.

¹⁴⁵ Searle J. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. No. 3. P. 417–424.

¹⁴⁶ Анализируя эту ситуацию, Сёрл делает два вывода, соответствующих двум вышеуказанным утверждениям, которые он оспаривает. Во-первых, несмотря на то, что он может обладать какой угодно формальной программой, детально имитирующей понимание китайского языка, у него самого отсутствует понимание китайского языка. Также и компьютеры, претендующие на реализацию сильного ИИ, не обладают реальным пониманием того содержания, с которым они работают. Во-вторых, без фактического понимания в данном случае отсутствует и объяснение понимания. Воспроизведение алгоритма, то есть последовательности действий, не помогает понять как возможно понимание. Мысленный эксперимент, по мнению Сёрла, показывает, что реализация формальной программы в случае с китайским языком отличается от действительного понимания английского языка. Следовательно, формальная программа, реализуемая на компьютере, не объясняет понимание.

¹⁴⁷ Rosenberg G. Op. cit. P. 14.

разрыва между физикалистским описанием реальности и нашими естественными представлениями о сознании. Также философским зомби называют сам представляемый в таких экспериментах организм, который будучи тождественным человеческому организму, описываемому с функционалистской или физикалистской точки зрения, не обладает феноменальным сознанием. В широкой перспективе, истоки этого аргумента восходят к уже упомянутым ранее мысленным экспериментам¹⁴⁸. Р. Кирк в двух статьях 1974 г. предложил два мысленных эксперимента, и соответственно – два варианта осмысления «философских зомби», он же ввел понятие «зомби» в философский оборот¹⁴⁹. В его аргументации можно выделить два основных типа рассуждения. Во-первых, Кирк предлагает представить себе человека по имени Дэн, который ведет себя так, как будто испытывает ощущения, как обычный человек, но сообщает, что не чувствует боли, запаха и т.д. В конце концов данные симптомы проходят, однако дальнейшее рассуждение показывает, что мы не можем быть уверены в том, что после излечения Дэн не является зомби, мыслимо, что он мог бы им оказаться, а следовательно – зомби логически возможны. В данном случае под зомби подразумевается существо, которое ведет себя как человек, но не обладает феноменальным сознанием. Во-вторых, Кирк предлагает мысленный эксперимент, обладающий общими чертами с экспериментами «Китайская нация» и «Китайская комната». Согласно данному рассуждению, Гулливер попал в страну лилипутов, которые пробрались в его голову и подключили к нервным окончаниям мониторы, показывающие входящие данные в виде изображения. В ответ на входящие данные они посылают сигналы по нервной системе, вызывающие поведение, точно соответствующее поведению Гулливера. Гулливер становится Зулливером – зомби-Гулливером. Несмотря на наличие прежнего поведения, Зулливер, по мнению Кирка, не обладает феноменальным сознанием. Данные мысленные эксперименты задумывались не только как критика

¹⁴⁸ Chalmers D.J. Consciousness and its place in nature // *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 269.

¹⁴⁹ Kirk R. Sentience and Behaviour // *Mind*. 1974. Vol. 83. P. 43–60; Kirk R., Squires R. Zombies v. Materialists // *Aristotelian Society Supplementary*. 1974. Vol. 48. P. 135–163.

бихевиоризма, но и как критика функционализма, однако в дальнейшем автор признал, что в предложенном виде они являются не вполне состоятельными и недостаточно проработаны и даже приступил к критике идеи философского зомби¹⁵⁰. Со временем аргумент «философского зомби» приобрел иную специфику. Современная его версия может рассматриваться как самостоятельный и независимый аргумент. Основу для современных версий заложил С. Крипке в ходе своей критики теории тождества¹⁵¹. Суть подобных мысленных экспериментов заключается в отрицании концептуальной связи между понятием сознания и понятием соответствующих сознанию физических процессов в организме, например – активации определенной группы нейронов, отвечающих за боль. Первоочередная задача эксперимента – показать мыслимость разрыва между этими понятиями. Отсюда делается вывод о наличии метафизического разрыва и, в контексте трудной проблемы сознания, делается вывод о невозможности объяснения сознания в контексте физикализма и функционализма.

Современную версию аргумента от мыслимости зомби можно выразить в виде следующего рассуждения:

- (P1) Философские зомби мыслимы;
- (P2) Все, что мыслимо – возможно;
- (C) Философские зомби возможны.

Обе посылки подвергаются критике. Мыслимость – это способность представлять сценарии используя понятия, концепции или сенсорные образы. Многие философы соглашались с тем, что философские зомби действительно мыслимы. Однако далеко не все готовы признать, что это влечет какие-либо значимые последствия. Некоторые авторы готовы признать, что зомби мыслимы в каком-то определенном, не подходящем для поставленной задачи, смысле¹⁵² или мыслимы, но невозможны¹⁵³.

¹⁵⁰ Kirk R. *Zombies and Consciousness*, Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 26.

¹⁵¹ Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 172 p.

¹⁵² Marcus E. Why Zombies are Inconceivable // *Australasian Journal of Philosophy*. 2004. Vol. 82. No. 3. P. 477–490.

¹⁵³ Hill C.S., McLaughlin B.P. There are Fewer Things in Reality Than Are Dreamt of in Chalmers's Philosophy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. 59. P. 446–454; Loar B. David

Основная линия возражений против аргумента философского зомби заключается в том, что связь между мыслимостью и возможностью не является бесспорной. Есть два способа связать мыслимость с возможностью и два соответствующих тезиса, которые можно принимать или не принимать по отдельности: то, что мыслимо – возможно, и не все, что мыслимо – возможно¹⁵⁴. Первый вариант даёт сторонникам рассматриваемой аргументации больше способов защиты, а второй предполагает, что нам необходимо усложнить аргумент и специально обосновать, что данный случай мыслимости приводит к возможности. Необходимо остановиться подробнее на том, какая именно возможность необходима для успешности аргумента. В связи с дискуссией о связи мыслимости и возможности, выделяют три вида возможности:

- 1) номологическая возможность;
- 2) логическая возможность;
- 3) метафизическая возможность¹⁵⁵.

Для аргумента от мыслимости зомби не имеет решающего значения, могут ли зомби существовать в нашем актуальном мире, достаточно того, что они мыслимы и, если мы принимаем вторую посылку, возможны. Актуальный мир связан с определёнными законами природы, которые устанавливают номологические ограничения. Для успешности аргумента допустимо, что зомби возможны логически и метафизически, но невозможны номологически. Нечто номологически возможно для соответствующего набора законов природы только в том случае, если оно согласуется с совокупностью истинных утверждений, выраженных этими законами. Нечто логически возможно только в том случае, если оно не влечет противоречий, связанных с использованием стандартных правил дедукции¹⁵⁶. Нечто метафизически возможно в том случае, если оно *могло бы быть* на самом деле. Обычно в дискуссии о связи мыслимости и возможности

Chalmers's The Conscious Mind // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. Vol. 59. P. 465–472; Yablo S. Is conceivability a guide to possibility? // Yablo S. Thoughts. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 39–78.

¹⁵⁴ Gendler T.S., Hawthorne J. Conceivability and possibility. Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 2.

¹⁵⁵ Ibid. P. 4.

¹⁵⁶ Ibid.

имеется в виду именно метафизическая возможность. Ухватить понятие возможности, которое подразумевается в данной аргументации может быть не просто. Одной из лучших иллюстраций метафизической (а в отдельных случаях – и логической) возможности является метафора С. Крипке¹⁵⁷. Предположим, что Бог создает физический мир, такой мир, в отношении которого истинен физикализм. Нужно ли Богу создать что-то еще, чтобы в этом мире стало возможным феноменальное сознание? Если истинен ответ «да», значит не необходимо, что вместе с физическими фактами в мире существуют феноменальные факты или факты о сознании. Если истинен ответ «нет», то достаточно создать вселенную состоящую исключительно из физических свойств, чтобы в этой вселенной было феноменальное сознание. Важно отметить, что с точки зрения Д. Чалмерса, который является автором этой версии аргумента, метафизическая возможность – это «логическая возможность с апостериорным семантическим оттенком»¹⁵⁸. От принятия этого тезиса во многом зависит успешность данного аргумента, чтобы подкрепить этот тезис, Чалмерс использует семантику возможных миров.

Использование в рассуждениях семантики возможных миров значительно упрощает задачу, во-первых, позволяя увести рассуждение от слишком конкретных функциональных моделей зомби, а, во-вторых, позволяя усилить метафизические следствия аргумента¹⁵⁹. Эта стратегия наиболее успешно работает против так называемого *физикализма типа А*, который опирается на априорные суждения. Сторонники так называемого *физикализма типа В* используют разработанную С. Крипке концепцию апостериорной необходимой истины, ослабляя метафизическую составляющую аргумента мыслимости. Например, тождество между понятием *вода* и понятием H_2O – это необходимая

¹⁵⁷ Kripke S. Op. cit.

¹⁵⁸ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 61.

¹⁵⁹ Следует заметить, что для современной версии аргумента от мыслимости одной из главных задач является обоснование концепции модального рационализма, которая прочно связывает эпистемическую категорию мыслимости и модальную категорию возможности. Данная концепция признает метафизические истины необходимыми априорно. Чалмерс придерживается именно такой точки зрения.

апостериорная истина. То, что вода не является H_2O , возможно логически (или концептуально), но невозможно метафизически, поскольку мы уже установили, что *вода* и есть H_2O . Таким же образом и феноменальное сознание может быть отождествлено с определенными свойствами мозга апостериорно, а не через априорную концептуальную связь. Чтобы обойти это возражение, Чалмерс уже в первых версиях мысленного эксперимента предлагает дополнительные доводы в пользу того, что значение, устанавливаемое на основании апостериорной необходимости, не является достаточным возражением против аргумента¹⁶⁰.

Д.В. Иванов отмечает, что, в отличие от аргумента Декарта, для зомби «...мы вполне можем установить различие между существом, которое кажется нашим физическим двойником и нашим реальным двойником»¹⁶¹. Если это так, то мы не можем сделать вывод о возможности зомби. На первый взгляд, сторонник аргументации в пользу философского зомби мог бы возразить, что это рассуждение предполагает более нагруженную версию мыслимости, задействующую представление некоего образа с позиции первого лица, в то время как мыслимость предполагает лишь концептуальный анализ некоторой

¹⁶⁰ В данном случае нас не будут интересовать подробности этой дискуссии. Однако следует кратко пояснить некоторые технические детали. Чалмерс использует двумерную семантику возможных миров, которая выделяет два способа определения «значения» какого-либо понятия. Аппарат двумерной семантики предполагает первичный и вторичный интенционал феноменального сознания. В данном случае, первичный интенционал понятия – это его смысл, то есть критерий, по которому мы находим его референт в выбранном мире. Вторичный интенционал понятия – это конкретная вещь, на которую указывает в данном мире первичный интенционал. Эта идея позволяет Чалмерсу различать соответственно два вида мыслимости и два вида возможности. С точки зрения Чалмерса, говоря об апостериорной необходимости, сторонники физикализма типа В имеют дело только со вторичным интенционалом, а для аргумента мыслимости, используемого Чалмерсом, ключевую роль играет первичный интенционал. Двумерный подход допускает варьирование интенционалов и позволяет любой возможный мир рассмотреть в качестве актуального, что и является ключевой особенностью данного подхода (Горбатов В.В. За пределами «золотого треугольника»: логико-философские основания 2-дименсионализма // Полигнозис. 2014. № 1–2. С. 24–37.). Как модальный рационализм Чалмерса, так и построенные на его основе версии аргумента критикуются многими философами, в первую очередь, физикалистами типа В, однако есть и те, кто признает его преимущества и в ходе дискуссии изменил свою позицию на более близкую к позиции Чалмерса, например, Д. Левин. Подробнее см.: Chalmers D.J. The Two-Dimensional Argument Against Materialism // The Oxford Handbook of Philosophy of Mind / Ed. by W. Sven, A. Beckermann, B.P. McLaughlin. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 313–337; Горбатов В.В. «Аргумент зомби» и проблема априорной выводимости // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 4 (146). С. 82–91.

¹⁶¹ Иванов Д.В. Указ. соч. С. 38

альтернативной ситуации, не обязательно задействующий конкретные перспективы. Вот что пишет по этому поводу Чалмерс: «Позитивные понятия мыслимости требуют, чтобы можно было сформировать некую позитивную концепцию ситуации, в которой Р имеет место. Можно отнести разновидности позитивной мыслимости к воображению в широком смысле: позитивно помыслить себе ситуацию – значит вообразить себе (в некотором смысле) конкретную конфигурацию объектов и свойств. <...> В целом, мы можем сказать, что Р позитивно мыслимо, когда можно вообразить себе это Р: то есть, когда можно вообразить себе ситуацию, которая верифицирует Р»¹⁶².

Исходя из этого, аргумент мыслимости должен работать также и в том случае, если речь идёт не о нашем сознании, а о сознании постороннего человека, формулируя это еще шире, о концептуальном описании некоторой ситуации. Несмотря на это замечание, с позицией Иванова можно согласиться, если мы утверждаем, что единственное доступное нам для анализа и обсуждения сознание – это наше собственное. Принимая такую позицию, мы можем заключить, что зомби мыслимы в некотором отношении, без дальнейших выводов о возможности. При этом важная деталь, которую можно вынести из пояснений Чалмерса, заключается в том, что под мыслимостью понимается рассмотрение некоторого концептуального описания ситуации, а не работа воображения.

С точки зрения С. Ябло¹⁶³ связь между мыслимостью и возможностью не только не доказана, но и в принципе ненадежна. В пользу этого утверждения он приводит следующий аргумент от цикличности рассуждения¹⁶⁴:

¹⁶² Chalmers D.J. Does conceivability entail possibility? URL: <https://consc.net/papers/conceivability.html> (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁶³ Yablo S. Op. cit. P. 42.

¹⁶⁴ Примечательно, что сходный аргумент работает не только против аргумента Философского зомби, но и против ранее обсуждавшегося аргумента Декарта. Например, С. Шумейкер указывает следующее: «В том смысле, в каком верно, что я могу представить себя существующим в бестелесной форме, это сводится к тому факту, что то, что я могу существовать в бестелесной форме совместимо с тем, что я знаю о своей сущностной природе.... Из этого не следует, что моя сущностная природа на самом деле такова, что позволяет мне существовать в бестелесной форме» (Shoemaker S. Identity, Cause, and Mind: Philosophical Essays. New York: Cambridge University Press, 1984. P. 155).

(P1) Если все, что требуется, чтобы найти предложение ϕ мыслимым, – это не знать, что оно невозможно, и

(P2) Поскольку невозможное все время недооценивается, оно так же часто мыслимо,

(C) Тогда нам нужно было бы знать, что ϕ возможно, прежде чем делать вывод о том, что ϕ возможно, исходя из нахождения ϕ мыслимым¹⁶⁵.

Еще одно важное возражение основано на идее апостериорной необходимости, которую мы упоминали ранее:

(P1) Всякий раз, когда ϕ апостериорно ложно, я нахожу его возможным, независимо от того возможно оно или нет.

(P2) Часто апостериорная ложь невозможна.

(C) Таким образом, апостериорная ложь часто оказывается мыслимой, несмотря на ее невозможность¹⁶⁶.

С учетом указанных возражений, аргумент от мыслимости, понимаемый как некоторое окончательное априорное суждение, является глубоко проблематичным. Далее мы обсудим возможные последствия полного или частичного отрицания аргумента. Сейчас следует лишь указать, что в случае его полного принятия, указывает на то, что между феноменальными свойствами и физическими свойствами существует метафизический разрыв. С точки зрения перечисленных ранее объяснительных отношений эту проблему можно сформулировать следующим образом:

1) *В контексте редукции:* феноменальные свойства не сводятся к физическим свойствам и не могут быть выведены из физических свойств.

2) *В контексте супервентности:* феноменальные свойства не супервентны на физических свойствах.

3) *В контексте отношения основания:* истинные высказывания о феноменальных свойствах не основаны на истинных высказываниях о физических свойствах.

¹⁶⁵ Yablo S. Op. cit. P. 52–57.

¹⁶⁶ Ibid. P. 59.

В дальнейшем мы будем опираться на все три тезиса, но, в основном, на второй тезис, поскольку он является ключевым в актуальной дискуссии о трудной проблеме сознания.

Д. Чалмерс предлагает в своей работе «Сознание и его место в природе»¹⁶⁷ следующую классификацию возражений на аргумент мыслимости. Он выделяет три редуктивных материалистических подхода, обозначенные как А, В и С, и три нередуктивных подхода D, E и F. Физикалист типа А отвечает на аргументы, что зомби немыслимы и потому метафизически невозможны. Чалмерс относит к этой группе Д. Армстронга, Д. Деннета, Ф. Дретске, Г. Хармана, Д. К. Льюиса, Д. Рея, Г. Райла. Физикалист типа В признает, что зомби мыслимы, но метафизически невозможны. Данного подхода, с точки зрения Чалмерса, придерживаются Н. Блок, Р. Сталнейкер, Дж. Левин, К. Хилл, Б. Лоар, Дж. Папини, Д. Перри, М. Тай, Б. Маклоклин, К. Балог. Наконец, физикалист типа С признает, что зомби мыслимы сейчас, однако объясняет это недостатком наших знаний о физическом мире и предполагает, что при наличии таких знаний зомби перестанут быть мыслимы. К этому весьма разнородному направлению аргументации Чалмерс относит позиции П. Черчленд, Д. Столяра, Т. Нагеля и К. Макгинна. Остальные подходы являются попыткой устранения разрыва путём расширения физикализма.

1.2.3. Последствия аргумента от мыслимости

Исходя из изложенного, аргумент от мыслимости сам по себе является достаточно спорным. В контексте нашего исследования это обстоятельство является не столь значимым, поскольку мы оцениваем, в первую очередь, то, как панпсихизм будет решать трудную проблему в случае её принятия. Тем не менее, нам необходимо конкретизировать дальнейшее развитие дискуссии для каждого типа возможной реакции на трудную проблему сознания.

Во-первых, поскольку основным предметом нашего рассмотрения является не трудная проблема сознания сама по себе, а панпсихизм в контексте трудной проблемы, то сценарий признания истинности трудной проблемы сознания будет

¹⁶⁷ Chalmers D.J. Consciousness and its place in nature. P. 247–272.

для нас основным. В этом случае нас интересует не то, принимают ли все участники дискуссии трудную проблему сознания, а то, как раскрывается в этом контексте панпсихизм и как панпсихизм справляется с данной проблемой, если она признаётся обоснованной. При этом ясно, что все упомянутые в данной работе сторонники современного панпсихизма в той или иной форме соглашаются с актуальностью трудной проблемы сознания и большинство из них соглашаются с аргументом философского зомби¹⁶⁸. Любая теория должна содержать описание того, что требуется объяснить (экспланандум), а также само объяснение (эксплананс). Для оценки объяснения нам необходимо будет ответить на три ключевых вопроса. *Устраняет ли конкретный подход метафизический разрыв? Позволяет ли конкретный подход прояснить природу сознания?* И, если да, то являются ли проблемы, с которыми сталкивается данный подход, менее существенными, чем проблемы других подходов и, в том числе, трудная проблема сознания?

Во-вторых, нам следует учесть, что мыслимость может не приводить к выводу о возможности, если мы принимаем апостериорную необходимость. В этом случае трудная проблема может оказаться ложной проблемой. Однако, это не означает, что разрыв вовсе не существует. Д. Чалмерс отмечает, что до тех пор, пока речь идет об объяснении, использующем существующие концепции, мы можем использовать мыслимость вполне оправданно¹⁶⁹. Тогда аргумент можно переформулировать следующим образом:

(P1) Имеющиеся у нас физикалистские представления о реальности не позволяют вывести из них факты о сознании с необходимостью (или, по крайней мере, установить супервентность сознания на физических свойствах).

(P2) Представления о реальности полны, только если позволяют выводить все факты с необходимостью (или, по крайней мере, установить супервентность сознания на физических свойствах).

¹⁶⁸ Это подтверждается тем, что почти все современные исследования о панпсихизме включают в себя ссылку на трудную проблему сознания и рассмотрение аргумента философского зомби. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен во второй главе.

¹⁶⁹ Чалмерс Д. Сознаний ум: в поисках фундаментальной теории. С. 145.

(P3) Сознание существует (Сознание – часть реальности).

(C) Имеющиеся у нас физикалистские представления о реальности не полны.

Вывод, к которому приводит нас данный аргумент достаточно тривиален. Предлагаемая модификация существенно ослабляет разрыв между понятиями: он больше не является метафизическим разрывом, а значит не существует принципиального ограничения на его устранение. Аргумент в таком виде имеет больше общего с «объяснительным разрывом» Д. Левина, упоминавшимся ранее, чем с изначальным аргументом Философского зомби. И тем не менее, мы можем утверждать, что этот разрыв актуален для современных представлений, а значит мы имеем основания для рассмотрения альтернативных объяснений¹⁷⁰. Эту ситуацию можно рассматривать как локальный случай *трудной проблемы сознания*, ограниченный контекстом наших существующих знаний о мире¹⁷¹. Данное возражение против трудной проблемы сознания опирается на возможность установления необходимой апостериорной связи между физическими и феноменальными свойствами в будущем. Поэтому для такой ситуации наш анализ возможных решений может быть истолкован как попытка рассмотреть возможные модели объяснения сознания в их самом общем виде и оценить вероятность установления необходимой связи в будущем. В этом случае вопрос может быть поставлен так: *как проблема могла бы в принципе быть решена?*

В-третьих, аргумент философского зомби может быть отклонён на том основании, что мы не можем утверждать, что сознание не будет объяснено в будущем, поскольку нам не известны и не могут быть известны будущие научные

¹⁷⁰ Следует особенно подчеркнуть, что переход к объяснительному разрыву еще не означает, что ситуация приблизилась к разрешению или что проблема стала менее актуальной. Нагуманова С. Ф., напротив, высказывает точку зрения, что разрыв в объяснении является большим поводом для беспокойства, чем трудная проблема сознания: Нагуманова С.Ф. Почему разрыв в объяснении сознания должен нас заботить больше, чем трудная проблема сознания? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 2 (44). С. 136–145.

¹⁷¹ Напомним, что в обычной версии трудной проблемы сознания метафизический разрыв между физическими свойствами и феноменальными свойствами неустраним принципиально, ни в настоящем, ни в будущем. Основания для таких сильных выводов мы уже обсуждали ранее в этом параграфе.

открытия. Возражать против этого утверждения крайне сложно, поскольку будущие открытия действительно могут не только предложить новые решения, но и принципиально изменить сам концептуальный аппарат, которым мы пользуемся в рассуждениях. Мы не можем знать какие открытия ждут нас в будущем, но, как и в случае со вторым вариантом, мы можем анализировать возможные направления развития существующих подходов и делать выводы относительно их перспективности. Важно проводить различие между тремя утверждениями: (1) проблема еще не решена; (2) не ясно, как проблема могла бы быть решена; (3) проблема не может быть решена. Отказ от (3) еще не означает переход к ситуации (1), поскольку есть более серьёзная и проблематичная ситуация (2). Таким образом, статус ожидания может быть связан как с оптимистичным, так и с пессимистичным сценарием. С точки зрения Д. Чалмерса, на данном этапе невозможно даже представить каким образом трудная проблема могла бы быть решена. С этой оценкой можно согласиться. Поэтому аспект построения хотя бы предположительной модели очень важен для того, чтобы оценить перспективы решения трудной проблемы в будущем¹⁷². Рассмотрение таких моделей – это одна из задач для философии сознания. При общем взгляде на ситуацию, существует не так уж много действительных вариантов объяснения сознания, если мы принимаем понятие сознания, сформулированное в данной главе. С учетом характера второго и третьего вариантов, мы можем оценить перспективы панпсихизма для каждого из них в рамках общего рассуждения. Заметим, что выводы, сделанные в случае второго и третьего вариантов, не будут иметь характер априорного анализа понятий, как в первом варианте, а будут являться по сути рассуждением на тему возможных траекторий развития науки. Поэтому при оценке объяснительных возможностей того или иного подхода, прошедшего первоначальный отбор, нам дополнительно нужно будет ответить на вопрос о том, *может ли данный метафизический подход служить хорошим основанием для научных исследований сознания?* К вопросу совмещения метафизических и научных объяснений сознания мы обратимся в начале третьей главы.

¹⁷² Там же. С. 139.

В-четвёртых, мы должны учесть не слишком популярную позицию, согласно которой зомби вообще не являются мыслимыми. Какой вывод мы можем сделать из того, что зомби не мыслимы в рамках физикалистской картины мира? Происходит ли это потому, что физические свойства связаны с феноменальными, или же потому, что мир философских зомби в принципе не может быть помыслен ни в каком контексте? Ответы на эти вопросы выходят за пределы данного исследования. Мы можем с уверенностью утверждать лишь то, что данный способ критики трудной проблемы сознания отнюдь не приводит к выводу о ложности панпсихизма и не является надёжным основанием для его критики.

Ясно, что первая альтернатива является одним из оснований панпсихизма и достаточной опорой для того, чтобы можно было предлагать панпсихизм в качестве решения трудной проблемы сознания. Однако, она не является необходимой для панпсихизма. В отношении второй и третьей альтернатив мы всё еще можем считать панпсихизм успешным решением более слабой версии трудной проблемы сознания, если истинны два следующих утверждения: (1) такой ответ на трудную проблему не приводит к ложности панпсихизма того или иного типа; (2) возможность объяснения сознания, предполагаемого данным ответом, может быть обеспечена с помощью панпсихизма того или иного типа. Четвёртая альтернатива означает, что нам следует искать другое применение панпсихизму, если оно вообще существует. Таким образом, итоговая ценность дальнейшего рассмотрения панпсихизма не так уж сильно зависит от нашего отношения к трудной проблеме сознания, однако при анализе перспектив панпсихизма мы будем, в первую очередь, ориентироваться именно на то, как панпсихизм справляется с этой проблемой.

1.3. Современный панпсихизм

1.3.1. *Общее понятие современного панпсихизма*

В данном параграфе мы рассмотрим наиболее общее определение панпсихизма, а затем сделаем акцент на некоторых важных его особенностях, в том числе тех, которые не были учтены общим определением. Т. Спригге раскрывает идею панпсихизма следующим образом: «В самых ясных формах она утверждает, что физическая природа представляет собой множество сущностей, которые являются индивидуально чувствующими, даже если большинство из них обладает лишь некоторым смутным чувством, которое, как некоторые считают, было бы неправильно называть “сознанием”»¹⁷³. Далее он выделяет следующие важные критерии: чтобы панпсихизм был истинен, все вещи должны быть либо (1) агрегатами чувствующих вещей, либо (2) частями чувствующих вещей, либо (3) совокупностями единичных вещей, описываемых тезисами (1) и (2).

Вещами в этом контексте можно называть любые объекты, которые мы считаем существующими: элементарные частицы, клетки, живых существ, фрагменты химических веществ, предметы быта. Многие вещи соответствуют критерию (2), но сами не являются чувствующими. При определённом понимании терминов «вещь» и «часть» мы можем, пользуясь этими тремя критериями, даже редуктивный физикализм классифицировать как панпсихизм. Поэтому нам следует также учитывать то, что все вещи должны быть чувствующими или, по меньшей мере «смутно чувствующими». Однако, эта оговорка достаточно проблематична, поскольку термин «смутное чувство» можно понимать множеством разных способов. Чтобы дополнить вышеуказанное определение и раскрыть, насколько это возможно, понятие психического (и протопсихического) свойства, мы рассмотрим два панпсихистских тезиса, одному из которых должен соответствовать панпсихизм.

¹⁷³ Sprigge T.L.S. Panpsychism // Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge, 1998. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/panpsychism/v-1/sections/the-nature-of-panpsychism> (дата обращения: 01.08.2023). Схожее определение используется и в современных статьях, посвященных панпсихизму, например: Mørch H. Op. cit. P. 1065–1085.

(PP1) Сознание фундаментально – сознание не возникает в ходе эволюции, а постепенно развивается из фундаментальных психических или протопсихических свойств.

(PP2) Вездесущее сознание – сознанием или смутным чувствованием обладают все физические системы (объекты, субстанции), в том числе те, которым мы не приписываем сознание на основании обыденного опыта.

Несмотря на то, что панпсихизм может соответствовать обоим тезисам, их следует различать, поскольку они соответствуют ответу на два самостоятельных вопроса. (PP2) отвечает на вопрос «насколько распространено сознание?». (PP1) отвечает на вопрос «возникает ли сознание?».

Чтобы обозначить отличие этих критериев от определений, принятых в отечественной традиции, рассмотрим два определения панпсихизма. Первое из философского энциклопедического словаря 1983 г.:

«Идеалистич. представление о всеобщей одушевлённости природы. Историч. формы П. различны: от недифференцированного анимизма первобытных верований и гилозоизма др.-греч. натурфилософии до развитых идеалистич. учений о душе и психич. реальности как подлинной и единств. сущности мира (концепция монады у Лейбница, филос. идеи нем. психофизика 19 в. Г.Т. Фехнера, учение швейц. психолога 20 в. К.Г. Юнга и др.)»¹⁷⁴.

И еще одно из энциклопедического словаря 2004 г.:

«Представление о всеобщей одушевленности, согласно которому все вещи, а может быть, даже мир в целом, одушевлены, обладают жизнью и психикой; форма метафизического идеализма, утверждающего, что вся природа состоит из психических центров, подобных человеческой душе (примером может служить теория монад Г.В. Лейбница)»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М. Панпсихизм // Философский энциклопедический словарь / ред. и сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 476.

¹⁷⁵ Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

Основное отличие, которое мы можем обнаружить, заключается в том, в отечественной философии панпсихизм традиционно рассматривается как разновидность идеализма, в то время как в определении Спригге об этом ничего не сказано. Кроме того, в отечественной традиции панпсихизм определяется как тезис (PP2), в то время как Спригге детализирует своё определение так, чтобы допустить существование вещей, не обладающих сознанием. Таким образом, в аналитической философии используется гораздо более широкое понятие *панпсихизма* и значительно более узкое понятие *психического*, о чем мы подробнее скажем далее при обсуждении классификации различных подходов.

Один из классических примеров идеалистического панпсихизма – это концепция Г.В. Лейбница. В этом вопросе современная зарубежная аналитическая философия сходится с отечественной философией. Поэтому на примере данного автора удобно провести сопоставление тезисов (PP2) и (PP1), показать их глубокую связь и принципиальное различие. Панпсихизм Лейбница реализован на основе метафизической системы, именуемой «монадология» и особого статуса категории перцепции. Важнейшие рассуждения о категории перцепции в монадологии представлены в работах «Рассуждения о метафизике», «Начала природы и благодати, основанные на разуме», «Монадология»¹⁷⁶. Монада – это простая субстанция, которая не имеет частей. Из монад состоит все существующее, поскольку все существующее является разновидностью либо простой субстанции, либо сложной. Исходя из этого Лейбниц называет монады атомами природы. Сложные субстанции – это агрегаты монад. Каждая монада, хоть и не имеет частей, включает в себя «множественность состояний и отношений», т.е. монады – это изменяющиеся субстанции. При этом все естественные изменения, происходящие в монаде, «...исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Лейбниц Г.В. Монадология. С. 413–429; Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике / Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 125–163; Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме / Пер. с франц. Н.А. Иванцова // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 404–412.

¹⁷⁷ Лейбниц Г.В. Монадология. С. 414.

Монады, таким образом, не взаимодействуют друг с другом, являясь самодостаточными субстанциями, однако их последовательные изменения полностью взаимосогласованы. В этом заключается концепция предустановленной гармонии, которая является важной составляющей системы Лейбница.

Фундаментальными внутренними свойствами каждой монады являются перцепция (*perception*) и стремление (*appetition*). Перцепцию Лейбниц определяет различными способами, в «Монадологии» он дает одно из наиболее общих определений: «преходящее состояние, которое обнимает и представляет собой множество в единой или в простой субстанции»¹⁷⁸. Перцепция обеспечивает данность, представленность мира монаде, а стремление обеспечивает последовательные изменения в монаде в соответствии с ее природой. Лейбниц четко отделяет перцепцию от сознания, апперцепции (*apperception*). С одной стороны, Лейбниц противопоставляет апперцепции неосознаваемым смутным перцепциям, а значит, наиболее вероятно, подразумевает под апперцепцией, в том числе, осведомленность о перцепции. С другой стороны, он вполне определенно подразумевает под апперцепцией самосознание¹⁷⁹, что означает способность сознания быть направленным на самого сознающего субъекта, а также – разумение¹⁸⁰.

Между монадами, обладающими самосознанием, осведомленностью и развитым разумом с одной стороны, и низшими монадами – с другой, есть еще один класс монад – это монады, обладающие памятью, души, которые Лейбниц ассоциирует с животными. Память является ключевой характеристикой этого вида монад, поскольку Лейбниц пишет, что именно она «дает душам род связи по последовательности, которая походит на разум (*raison*), но которую нужно отличать от него»¹⁸¹. Память является одним из способов удержания (*retention*)

¹⁷⁸ Там же. С. 415.

¹⁷⁹ 23. Лейбниц Г.В. Размышления о жизненных началах и о пластических натурах / Пер. с франц. Н. Я. Грота // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 374.

¹⁸⁰ Лейбниц Г.В. Материя, взятая в себе / Пер. с лат. Я.М. Боровского // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 386.

¹⁸¹ Лейбниц Г.В. Монадология. С. 417.

знаний, полученных в ходе восприятия, наряду с созерцанием (*contemplation*), которое он определяет как «действительное сохранение имеющихся в наличии идей»¹⁸². Иерархия была бы не полной без упоминания того, что Бог, как высшая монада, обладает способностью осознавать вселенную целиком. Кроме того, концепция Лейбница предполагает, что апперцепция Бога максимально полна и включает в себя осознанное восприятие всей вселенной в каждой ее непространственной «точке»¹⁸³.

В системе Лейбница есть ряд специфических черт, которые несовместимы с натурализмом. Однако многие его идеи повлияли на развитие современного натуралистического панпсихизма. Назовем три, которые являются основными для данного исследования. Во-первых, представление о том, что физические свойства являются внешними, относительными свойствами, и отождествление внутренних свойств субстанций с ментальными свойствами. Эта идея в некоторой степени является предшественником современной концепции, именуемой *русселлианским монизмом*¹⁸⁴. Во-вторых, идея смутной перцепции, которая предваряет современную идею *протопсихического свойства*. В случае Лейбница, смутная перцепция – это особая форма представления, которая не является сознательной, но обладает некоторой общностью с тем представлением, которое присутствует у сознающих монад. В современной философии есть несколько кандидатов на роль протопсихического свойства, однако само понятие остаётся проблематичным, ввиду его недостаточной определённости. К этой проблеме мы вернёмся во второй главе. В-третьих, рассмотрение мира, как состоящего из множества непространственных точек или перспектив перцепции, что повлияло на развитие панпсихизма и, в особенности, на панпсихистские взгляды XIX–XX вв.

Несмотря на то, что панпсихизм для некоторых ассоциируется с идеализмом, существует несколько альтернативных способов реализации

¹⁸² Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении / Пер. с франц. П.С. Юшкевича // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 139.

¹⁸³ Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. С. 410.

¹⁸⁴ Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2023 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 24.02.2023).

панпсихизма, которые уже стали классическими. Один из таких подходов – это параллелизм, рассмотрение которого следует начать с упоминания Б. Спинозы. Основные воззрения Спинозы, значимые для наших целей, изложены в работе «Этика, доказанная в геометрическом порядке»¹⁸⁵. Мы рассмотрим его взгляд на два философских вопроса: во-первых, соотношение реальности, Бога и Природы и, во-вторых, соотношение ментальности и протяженности. Одним из центральных понятий для Спинозы является понятие субстанции. Он определяет субстанцию, как то, «что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться»¹⁸⁶. В отличие от Декарта, Спиноза полагает, что у одной субстанции может быть бесконечное число свойств, составляющих ее сущность, поэтому сама субстанция не является ни ментальной, ни физической, а скорее может быть охарактеризована как «нейтральная». Неотъемлемые свойства субстанции именуются «атрибуты»¹⁸⁷. При этом нет необходимости предполагать существование более одной субстанции, поскольку, во-первых, субстанция может обладать бесконечным числом атрибутов, а во-вторых, субстанции не могут иметь общих атрибутов¹⁸⁸. Именно Бог является единственной существующей субстанцией, которая у Спинозы также отождествляется с Природой. Тожественная Богу Природа у Спинозы имеет два аспекта: «природа порождающая» (*natura naturans*) и «природа порожденная» (*natura naturata*), однако отрицается акт творения, как отдельное событие во времени. Таким образом и вся реальность, в её единстве, в понимании Спинозы является одной субстанцией, что позволяет охарактеризовать его точку зрения как *монизм*¹⁸⁹. То обстоятельство, что субстанция не принадлежит ни к одному из

¹⁸⁵ Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Пер. с лат. Н.А. Иванцова // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 359–618.

¹⁸⁶ Там же. С. 361.

¹⁸⁷ Bennett J. Op. cit. P. 114.

¹⁸⁸ Ibid. P. 117.

¹⁸⁹ Мир, в понимании Спинозы, нельзя назвать иллюзией в каком-либо смысле, иллюзорна лишь множественность субстанций и раздельность Природы и Бога. Поэтому ученые не сходятся во мнении относительно того, к какой разновидности монизма его следует относить.

типов свойств позволяет охарактеризовать концепцию Спинозы как нейтральный монизм¹⁹⁰. О том, как нейтральный монизм соотносится с панпсихизмом в современной философии, мы поговорим далее. Ментальность и протяженность определяются Спинозой как атрибуты этой единой нейтральной субстанции. Между атрибутами не существует прямой каузальной связи, однако они связаны через единство субстанции, которой они принадлежат. Именно эта точка зрения именуется параллелизм, поскольку предполагает независимое, но согласованное существование двух отдельных атрибутов, которые развиваются и существуют «параллельно»¹⁹¹. Вопрос о том, является ли концепция Спинозы примером панпсихизма или нет не относится к предмету данного исследования¹⁹². Однако влияние этой концепции на развитие панпсихизма является бесспорным.

Чтобы привести еще несколько принципиально важных примеров панпсихистских концепций, нам следует обратиться к философии на рубеже XIX–XX вв. Заметим, что в системе Лейбница панпсихизм присутствует сразу в двух аспектах, поскольку мы можем найти в нём соответствие тезисам (PP2) и (PP1). Во-первых, каждая субстанция обладает перцепцией, во-вторых, каждая монада способна пройти развитие от смутной перцепции к апперцепции. Первый аспект панпсихизма означает вездесущность определенного аспекта сознания, а второй – то, что сознание не возникает, а развивается непрерывно из некоторого минимального состояния. В системе Лейбница второй аспект не занимал столь существенного места, как в панпсихизме XIX в. Это обусловлено, в том числе, изменением постановки проблемы, которую панпсихизм должен решить,

Дж. Беннет полагает, что Спиноза разделял сильную позицию монизма, то есть был экзистенциальным монистом. Его позицию критикует Э. Керли, который полагает, что степень монистической тенденции в философии Спинозы сильно преувеличена Беннетом и относит монизм Спинозы скорее к приоритетному монизму (Ibid.). Далее мы еще вернемся к этим понятиям в связи с рассмотрением современного панпсихизма.

¹⁹⁰ В зависимости от интерпретации, его подход можно также описать как двухаспектный монизм (Skrbina D. Op. cit. P. 88).

¹⁹¹ Bennett J. Op. cit. P. 124.

¹⁹² Панпсихизм Спинозы, если мы вообще можем говорить о том, что он имел место, следует понимать совершенно иначе, чем панпсихизм Лейбница. Возможность рассмотрения концепции Спинозы как панпсихизма признаётся некоторыми авторами, но является дискуссионной, подробнее см. Skrbina D. Op. cit. P. 91; Lin M. Spinoza's Panpsychism // The Routledge Handbook of Panpsychism. London: Routledge, 2019. P. 36–43.

поскольку в науке и философии этого периода особое место начинает занимать вопрос об эволюционном происхождении жизни, разума и сознания. Вопрос «как возникает сознание?» предполагает диахроническую перспективу рассмотрения мира, разделение на отдельные временные периоды. Этот вопрос также предполагает, что когда-то вместо сложных живых организмов существовала относительно простая материя. Существовало ли сознание в тот период или оно возникло в ходе эволюционного развития? Существовали ли какие-то свойства, предшествовавшие сознанию? Являются ли эти свойства физическими, или они составляют класс новых, неизвестных ранее свойств? Каким образом можно встроить теорию развития сознания в натуралистическую картину мира? Ответ панпсихизма на вопрос о возникновении сознания заключается в том, что оно либо не возникает вовсе, а существует всегда, либо возникает, но не из стандартных физических свойств, а из каких-то протопсихических свойств.

В том числе, именно развитие эволюционной теории дает для панпсихизма XIX в. даёт поддержку в рамках естественнонаучной картины мира, которая и отличает натуралистический панпсихизм от его классических форм. Ч. Дарвин не был панпсихистом, но он активно оспаривал уходящую корнями в философию Декарта идею, что животные принципиально отличны от человеческих существ. Это рассуждение можно продолжать далее, переходя к более простым организмам. Эволюционный биолог, психолог и друг Дарвина Дж.-Дж. Роменс явно симпатизировал панпсихизму. Рассуждения в пользу натуралистического панпсихизма могут быть найдены и у других коллег Дарвина: биологов Дж. Хаксли и А.Р. Уоллеса. Это, пожалуй, главная, но не единственная особенность панпсихизма XIX в.¹⁹³. Один из панпсихистов этого периода Д. Уорд так описал эту ситуацию: «Интересно заметить, что в той поддержке, которую она оказывает панпсихистским взглядам, теория эволюции, по-видимому, окажет на науку эффект, прямо противоположный тому, который она оказывала вначале.

¹⁹³ Подробнее об этих и связанных с ними обстоятельствах см.: Smith C. U. M. Charles Darwin, the origin of consciousness, and panpsychism // Journal of the History of Biology. 1978. Vol. 11. No. 2. P. 245–267.

<...> Сначала казалось, что человек может быть связан только с обезьяной, теперь кажется, что атом, если он вообще реален, может быть связан с человеком»¹⁹⁴.

Наиболее показательным примером исследователя, придерживающегося в этот период панпсихизма в форме параллелизма, является У. Клиффорд. Его взгляд на построение панпсихистского подхода порождает комбинаторную проблему, которая будет рассмотрена во второй главе. Клиффорд полагал, что наука преодолела разрыв между органическим и неорганическим, описав одни и те же атомные частицы и одни и те же законы, действующие в каждом из них¹⁹⁵. С его точки зрения, физическое и психическое действуют как параллельные системы: «...физические факты идут сами по себе, а ментальные факты идут сами по себе»¹⁹⁶. При этом идея, что сознание возникает в процессе эволюции, как нечто совершенно новое, по мнению многих исследователей, противоречит общепринятым представлениям о ходе самой эволюции. Поэтому важнейшим для него, как и для многих панпсихистов того времени, был эволюционный аргумент от «не-возникновения», который указывал на то, что свойства в природе развиваются постепенно и наиболее разумным было бы предложить, что в неживой материи уже в некоторой слабой степени содержатся некоторые ментальные свойства. Должны существовать какие-то простые формы сознания, из которых возникают сложные формы, подобно тому, как сложные материальные объекты и свойства возникают из сочетания простых. Подход, предполагающий существование таких простейших свойств сознания в самой материи, называется «теория сознания-материала» (*mind-stuff theory*), а тот простейший материал, из которого состоит сознание, именовался «пыль сознания» (*mind dust*). Разум в таком подходе рассматривается как состоящий из «ментальных атомов», которые объединяются аналогично физическим атомам¹⁹⁷. Стоит обратить внимание на то, как контрастирует этот подход с дуализмом

¹⁹⁴ Ward J. *Essays in Philosophy: with a Memoir by Olwen Ward Campbell* / Ed. by W.R. Sorley, G.F. Stout, Cambridge: Cambridge University Press, 1927. P. 247.

¹⁹⁵ Clifford W. K. *Lectures and essays*. London: Macmillan, 1886. 340 p.

¹⁹⁶ *Ibid.* P. 56.

¹⁹⁷ Clifford W.K. *On the Nature of Things in Themselves*. P. 65.

Декарта, в котором душами обладают только человеческие существа, а остальные живые существа являются, фактически, механизмами, лишенными разума и сознания. Панпсихизм Клиффорда в гораздо большей степени ориентирован на тезис (PP1) и на диахроническую перспективу рассмотрения панпсихизма.

Как и Спиноза, в истории панпсихизма значимую роль играют Э. Мах и У. Джеймс, воззрения которых связаны с исследуемым нами подходом посредством нейтрального монизма. Более детально связь между панпсихизмом и нейтральным монизмом мы рассмотрим во второй главе, а здесь обозначим лишь общие черты указанного подхода в той форме, в которой он встречается у Маха и Джеймса. Ключевой чертой их нейтрального монизма является рассмотрение фундаментальных элементов, из которых состоит реальность, в качестве нейтральных, вот что пишет об этом Э. Мах:

«Во всех вопросах, которые можно признать здесь разумными и которые могут нас интересовать, все дело в установлении различных *основных переменных* и различных *отношений зависимости*. Это самое главное. В том, что нам фактически дано, в функциональных отношениях, не изменяется ничего, безразлично, рассматриваем ли мы все данное как *содержание сознания* или отчасти либо вполне как нечто *физическое*»¹⁹⁸.

Приведём также цитату У. Джеймса, представляющую схожий тезис, но с акцентом на важность функции, и содержащую важное для панпсихизма понятие *чистого опыта* (pure experience):

«Я назвал это “чистым опытом”. Чтобы быть классифицированным либо как физическая ручка, либо как чье-то восприятие ручки, оно должно предполагать определенную функцию, и это может произойти только в мире, обладающем определенной степенью сложности. До тех пор, пока в данном мире эта характеристика стабильна — то есть ручка держит чернила, оставляет след на

¹⁹⁸ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Пер. с нем. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 74.

бумаге и подчиняется движениям руки, — это физическая ручка. Вот что мы подразумеваем в случае с ручкой под тем, чтобы быть «физической»¹⁹⁹.

Содержащаяся в этих цитатах идея нейтральности основана на отрицании фундаментальности дихотомии между ментальными и физическим. Нейтральность в данном случае означает, что на каком-то более глубоком уровне физические и ментальные свойства или сущности являются одним и тем же, однако предстают в качестве физических и ментальных в зависимости от того в каких отношениях с познающим субъектом и друг с другом они находятся. Идея нейтральности крайне важна для панпсихизма, поскольку позволяет рассмотреть различие между ментальными свойствами и физическими как нечто относительное, избегая при этом редукции одного к другому. Данные нейтральные свойства связаны с панпсихизмом уже потому, что по сути своей являются протопсихическими, на что явно намекает, в том числе, и само наименование «чистого опыта».

В контексте этого краткого исторического очерка заслуживает также упоминания расселианский монизм. Современный натуралистический панпсихизм, чаще всего, реализован именно на основе метафизики расселианского монизма²⁰⁰. Этот подход может быть выражен в трёх основных тезисах²⁰¹:

1) Структурализм в отношении физики: физика описывает только внешние структурные и динамические свойства.

2) Реализм в отношении внутренних свойств: существуют внутренние свойства, то есть свойства, лежащие в основе структуры и динамики, которые описывает физика.

3) Внутренние свойства имеют отношение к сознанию.

¹⁹⁹ Джеймс У. Как два разума могут знать одну вещь / Пер. с нем. М. С. Сысоев // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. №. 4. С. 266.

²⁰⁰ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality; Mørch H. Op. cit.; Rosenberg G. Op. cit.; Strawson G. Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10. P. 3–31.

²⁰¹ Alter T., Pereboom D. Op. cit.

Почему этот подход именуется «расселианским»? Кратко ситуацию с наименованием хорошо описал Л. Штубенберг в введении к одной из своих статей: «Наименование может вводить в заблуждение, поскольку предполагает, что речь идет о монизме, которого придерживался сам Рассел, а именно нейтральном монизме (НМ). На самом деле мы имеем дело с разнообразной группой взглядов, объединенных лишь тем, что все они исходят из двух тезисов, которые защищал Рассел. Эти два тезиса, наряду с рядом других соображений, привели Рассела к принятию НМ. Однако ни один из расселианских монистов не следует за Расселом до конца. В руках некоторых членов этой группы расселианский монизм превращается в материализм, в руках других — в панпсихизм»²⁰². Формулируя эту позицию, Штубенберг опирается на исследования Т. Альтера и Ю. Нагасавы. Два тезиса, о которых говорит Штубенберг, следующие: во-первых, структурализм по поводу физики и, во-вторых, монистическая теория восприятия, которая ассоциирует восприятия с внутренними свойствами реальности. Сам Штубенберг отмечает, что вопрос о соотношении расселианского монизма даже с этими двумя тезисами является проблематичным, уже не говоря о других воззрениях Рассела. Учитывая эти обстоятельства, и тот факт, что сторонники расселианского монизма действительно ссылаются на очень ограниченное число мест в работах самого Б. Рассела, зачастую интерпретируя их без учета его собственных воззрений, можно уверенно заявлять, что позиция о различии нейтрального монизма Рассела и расселианского монизма не подвергается сомнению, даже если существуют способы это различие, в конечном итоге, преодолеть²⁰³.

Необходимо указать несколько значимых, в контексте панпсихизма, черт современного расселианского монизма. В отличие от двухаспектного монизма, психические (или протопсихические) и физические свойства в расселианском монизме не равнозначны, поскольку внутренние свойства определяют

²⁰² Stubenberg L. Russell, Russellian Monism, and Panpsychism // *Consciousness in the Physical World: Perspectives on Russellian Monism* / Ed. by T. Alter and Y. Nagasawa, New York: Oxford University Press, 2015: P. 58

²⁰³ Ibid.

структурные свойства. Расселианский монизм нейтрален относительно выбора между материализмом и идеализмом, так и относительно выбора между панпсихизмом и эмерджентизмом: любой из этих подходов может быть с ним совмещен. Вместе с тем, он предпочтителен тем, что позволяет комбинировать некоторые решения физикализма и нерасселианского панпсихизма. Не все разновидности расселианского монизма можно с уверенностью назвать панпсихистскими, но все они предполагают, что внутренние свойства реальности играют какую-то конституирующую роль в отношении нашего восприятия именно потому, что значительно ближе к ним по своей природе, чем то, что обычно называется «физическими свойствами». Даже в тех случаях, когда расселианский монизм и панпсихизм не пересекаются, они сохраняют глубокую связь. Некоторые современные сторонники расселианского монизма полагают, что этот подход основан на воззрениях Лейбница в отношении физики и сознания²⁰⁴. Рассмотрение панпсихизма как разновидности расселианского монизма принципиально важно для решения проблемы ментальной каузальности. В контексте заявленного понимания трудной проблемы сознания это уточнение не будет играть столь существенной роли.

Как уже было сказано, одно из ключевых отличий современного панпсихизма от классического заключается в гораздо более узком понимании понятия психического, что может стать причиной некоторых трудностей при оценке современного состояния этой традиции. Проблема в том, что хотя современные авторы именуют фундаментальные свойства психическими, ментальными или опытными, эти свойства имеют достаточно мало отношения к психике, ментальности и опыту в широком смысле. Данные термины закрепились исключительно ввиду преемственности в отношении классических подходов и используются в очень узком смысле. Можно с уверенностью утверждать, что наиболее сильным тезисом в современном панпсихизме является тезис о фундаментальности феноменального аспекта сознания, но не психики или разума

²⁰⁴ Alter T., Pereboom D. Op. cit.

в целом. Это одна из причин, по которой мы уделили большое внимание рассмотрению современного понятия феноменального сознания. Осознавая эти особенности, в дальнейшем мы будем говорить о психических, ментальных или опытных свойствах, там, где это соответствует используемому тем или иным автором словарю, но необходимо иметь ввиду, что данные термины используются лишь в узком смысле, соответствующем рассмотренному ранее понятию сознания²⁰⁵.

1.3.2. Панпсихизм как решение трудной проблемы сознания

Как мы уже отмечали ранее, физикализм, в широком смысле, является одной из основных составляющих того контекста, в котором возникает трудная проблема сознания. Чтобы понять, как панпсихизм может справиться с трудной проблемой сознания, мы должны понять, что он *изменяет* или *добавляет* относительно того подхода, для которого трудная проблема сознания актуальна в полной мере. Поэтому далее мы воспользуемся набором тезисов, описывающих конститутивный панпсихизм в соотношении с физикализмом. Конститутивный панпсихизм – это общий тезис о том, что сознательный опыт, существующий на высоких уровнях организации (полностью или частично) основан на сознательном опыте²⁰⁶, который существует на фундаментальном уровне²⁰⁷. Данный подход выбран в качестве точки отсчета потому, что он является панпсихизмом «по умолчанию», относительно его особенностей удобно обсуждать все остальные разновидности панпсихизма. Чтобы показать, как именно осуществляется переход от физикализма к панпсихизму, изложим схему

²⁰⁵ При написании данной части параграфа использовались переработанные и дополненные материалы уже опубликованных статей: Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219; Сысоев М.С. Панпсихизм Алексея Козлова в контексте современной аналитической философии сознания // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 62–83.

²⁰⁶ Конститутивный панпсихизм может также предполагать и протопсихические свойства, о чем будет сказано далее.

²⁰⁷ Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism. P. 19.

дальнейшего рассуждения в виде набора тезисов, некоторые из которых могут быть согласованы друг с другом, а другие – вступают в противоречие²⁰⁸.

(1) По крайней мере некоторые организмы являются феноменальными субъектами, то есть обладают сознанием и могут находиться в определенных феноменальных состояниях, и есть *то, каково это* для них находиться в таких состояниях.

(2) Любой живой организм целиком состоит из огромного количества физических частиц²⁰⁹.

(3) С точки зрения современной физики физические частицы обладают только физическими свойствами и лишены феноменальных свойств.

(4) Все глобальные свойства сложной системы выводятся из сочетания (или супервентны на сочетании) свойств ее составных частей и их отношений, в т.ч. пространственных.

(5) Феноменальные свойства организма не выводятся из одних лишь физических свойств (или не супервентны на физических свойствах).

(6) Физические частицы обладают в т. ч. феноменальными свойствами, из которых выводятся (на которых супервентны) феноменальные свойства сознания²¹⁰.

Перечисленные тезисы наглядно демонстрируют общую схему рассуждений панпсихиста, в т.ч. при переходе от физикалистского подхода к панпсихизму. Они также показывают, что панпсихизм можно рассматривать как дополнение к физикализму, расширяющее перечень фундаментальных свойств. Тезис (1) делает существенный для панпсихизма акцент на феноменальных свойствах и существовании сознания, в рассмотренном ранее смысле. Тезис (2) фиксирует,

²⁰⁸ В основе находятся, в первую очередь, элементы реконструкций панпсихистской позиции в работах У. Войгта и С. Коулмана: Voigt U. What a Feeling? In Search of a Metaphysical Connection between Panpsychism and Panentheism // Panentheism and Panpsychism / Ed. by G. Brüntrup, B. P. Göcke, L. Jaskolla. Leiden: Brill, 2020. P. 140; Coleman S. The Evolution of Nagel's Panpsychism // Klesis. 2018. No. 41. P. 182.

²⁰⁹ В данном случае не идет речь о наличии какого-то определенного списка частиц. Предполагается, что у физической реальности есть фундаментальный уровень, на котором существуют простейшие элементы реальности, обладающие нередуцируемыми свойствами.

²¹⁰ Т.е. феноменальными свойствами в случае панпсихизма или протофеноменальными в случае панпротопсихизма.

что речь идет об атомистической концепции²¹¹. Это подразумевает существование фундаментального уровня реальности и позволяет данному подходу работать с определенным фиксированным перечнем фундаментальных свойств. Конститутивный панпсихизм расширяет этот перечень, но не отказывается от атомизма, поэтому предполагает возникновение субъекта в ходе комбинации множества неделимых фундаментальных сущностей – мереологических атомов²¹². Тезис (3) определяет, что фундаментальный набор свойств не содержит феноменальных свойств. Физические свойства с этой точки зрения являются количественными, т.е. определяются только количественной мерой. В контексте расселианской трактовки качественных свойств²¹³, которая доминирует в панпсихизме, предполагается, что феноменальные свойства являются внутренними свойствами, а количественные – диспозиционными (1).

Тезис (4) закрепляет комбинаторный подход, его можно понимать как тезис об онтологическом приоритете микросвойств перед макросвойствами, а мереологических атомов – перед их совокупностями. Этот тезис также отрицает сильную онтологическую эмерджентность. Тезис (5) фиксирует, что феноменальные свойства не могут быть объяснены с помощью свойств иной (в данном случае – физической) природы. Причем, тезис может быть сформулирован как невозможность вывода или отрицание супервентности, исходя из того какие требования мы предъявляем к объяснению. По своей сути, данные утверждения являются исключениями из правила, установленного в тезисе (4). Наконец, тезис

²¹¹ Атомизм – это мереологическая концепция, согласно которой простейшими неделимыми элементами реальности являются мереологические атомы.

²¹² Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism. P. 118.

²¹³ Для расселианского панпсихизма рассматриваемый тезис может быть сформулирован так: *(3') С точки зрения физики физические частицы обладают только диспозиционными свойствами, но лишены внутренних феноменальных свойств.*

Согласно позиции расселианских монистов, в современной физике описываются только диспозиционные свойства и полностью отсутствует описание внутренних. При этом последние, с этой точки зрения, должны существовать (8). Расселианский монизм не обязательно предполагает панпсихизм, но в значительной степени пересекается с его различными формами.

(6) вводит новый тип фундаментальных свойств, а именно – феноменальные свойства, которые должны дополнить существующую картину реальности²¹⁴.

В первой главе мы уже рассматривали главный аргумент в пользу трудной проблемы сознания – аргумент мыслимости. Теперь нам необходимо несколько изменить его форму, чтобы наглядно продемонстрировать то, как он связан с предлагаемой разновидностью панпсихизма. Аргумент может быть изложен следующим образом, со ссылкой на указанные выше тезисы:

(7) Мыслимо, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), существует без феноменальных свойств, указанных в (1)²¹⁵;

(8) Все, что мыслимо, – возможно²¹⁶;

(9) Возможно, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), существует без феноменальных свойств, указанных в (1).

Отсюда сторонники трудной проблемы сознания заключают, что:

(10) Между описанием мира согласно тезисам (2), (3), (4) и феноменальными свойствами, указанными в тезисе (1), существует метафизический разрыв²¹⁷.

Теперь мы имеем возможность описать то, как именно панпсихизм решает трудную проблему сознания. Тезис (5) фиксирует метафизический разрыв (и с ним – принципиальную невозможность объяснения), между физическими и феноменальными свойствами. Далее существует две альтернативы. Первая: мы принимаем существование этого разрыва и строим подход, предполагающий, что разрыв между микро- и макро-свойствами является частью устройства природы.

²¹⁴ Как и в случае с тезисом (3), в контексте расселианской трактовки данное положение может быть уточнено:

(6') Физические частицы обладают свойствами, в т. ч. внутренними феноменальными.

То есть феноменальными свойствами в случае панпсихизма или протофеноменальными в случае панпротопсихизма. Заменив (3) и (6) на (3') и (6'), можно получить тезисы расселианского панпсихизма, который является частным случаем панпсихизма вообще. Дальнейшая аргументация не будет напрямую зависеть от этого уточнения, однако с позиций расселианского монизма сходство двух проблем гораздо более очевидно.

²¹⁵ Данная формулировка тезиса является упрощением относительно более распространенных версий, однако пригодна для целей иллюстрации проблемы и отражает существенные черты физикализма.

²¹⁶ Альтернативная формулировка этой посылки: «Из мыслимости следует возможность».

²¹⁷ В узком смысле, значимом для панпсихизма, этот вывод закреплён в тезисе (5).

Здесь существует две основные разновидности: сильный эмерджентный дуализм свойств и субстанциальный дуализм, в том числе эмерджентного типа²¹⁸. Вторая: мы соглашаемся с наличием такого разрыва между разными типами свойств, но предлагаем дополнение в виде тезиса (6), которое расширяет перечень фундаментальных свойств, устраняет мыслимость философского зомби²¹⁹ и, таким образом, устраняет проблематичность тезиса (5) для объяснения сознания. В этом и состоит ключевая развилка между двумя стратегиями решения трудной проблемы сознания. Вторая стратегия – это и есть решение, предлагаемое конститутивным панпсихизмом.

Учитывая особенности такого решения, можно с уверенностью заявить, что конститутивный панпсихизм, по крайней мере отчасти, решает проблему сознания *через постулирование* определённых объясняющих свойств, то есть утверждая существование этих свойств *ad hoc*. С позиции методологического эмпиризма это само по себе может быть основанием для критики. Однако, следует напомнить, что в рамках философского исследования мы рассматриваем *возможные* способы решения трудной проблемы сознания и оцениваем их перспективы. Даже если панпсихизм в общем виде является решением *ad hoc*, но при этом позволяет получить стройную и непротиворечивую объяснительную схему, то его, по меньшей мере, не стоит сбрасывать со счетов и следует искать способы сопоставить этот подход с содержанием существующих научных теорий. В конце концов, единственная альтернатива – эмерджентизм – также постулирует некоторые дополнительные свойства реальности: а именно – метафизическое или

²¹⁸ Несмотря на то, что вполне можно заявлять о том, что субстанциальный дуализм может быть натуралистическим, если такова реальная природа мира, методология натурализма требует сперва показать, что никаких других альтернатив среди монистических подходов не существует. Насколько нам известно, в современной философии монизм субстанции не находится в столь отчаянном положении.

²¹⁹ Следует проговорить, что это решение основано на предположении, что причина мыслимости зомби и, отсюда, возникновения трудной проблемы в том, что в физикализме недостаточно типов фундаментальных свойств, позволяющих объяснить сознание. Поэтому для полноты описания реальности необходимо существование иных типов свойств, что позволит сохранить супервентность феноменальных свойств на фундаментальных свойствах или даже обеспечить возможность вывода. Как мы увидим далее, этот тезис вполне может быть недостаточным или вовсе – ошибочным.

номологическое отношение между свойствами, некий закон природы, который приводит к появлению новых, эмерджентных свойств. Однако, в отличие от панпсихизма, это не устраняет метафизический разрыв, а фиксирует его. Поэтому аргумент от критики «стратегии ad hoc», несмотря на его популярность, не может считаться фатальным для панпсихизма.

Нельзя отрицать, однако, что использование такой стратегии не может остаться без последствий. Пользуясь ей без ограничений, мы рискуем прийти к произвольным допущениям и слишком сильным тезисам, которые по степени произвольности и радикальности предлагаемых ими решений вполне могут превосходить существующие подходы. Этот ресурс следует использовать экономно. Отсюда мы можем сформулировать дополнительное требование к панпсихистским подходам при решении трудной проблемы сознания.

Принцип экономии постулирования: предпочтительнее тот подход, который в процессе решения трудной проблемы сознания постулирует наименьшее число сущностей разных типов, и который предлагает наилучшее объяснение необходимости постулировать эти сущности²²⁰.

1.3.3. Разновидности панпсихизма и их основные особенности

Далее в этом параграфе мы рассмотрим основные разновидности панпсихизма и кратко проанализируем, как та или иная разновидность меняет указанное выше решение. Можно выделить несколько оснований для классификации панпсихизма.

По выбору фундаментального свойства. Панпсихизм допускает большое разнообразие подходов исходя из ответа на вопрос «какое свойство является фундаментальным?» Однако наиболее распространенными разновидностями панпсихистской стратегии являются панэкспериентализм и панпротопсихизм.

²²⁰ При написании данной части параграфа использовались переработанные и дополненные материалы уже опубликованной статьи: Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. Т. 23. № 2. С. 91–102.

Панэкспериентализм выделяет в качестве фундаментального психического свойства сознание или иначе – феноменальный опыт²²¹. Этот подход решает проблему наиболее прямым из возможных способов – он постулирует, что сознание, т.е. свойство, которое требуется объяснить, является фундаментальным наряду с физическими свойствами. Панэкспериентализм является разновидностью конститутивного панпсихизма, поэтому приведённый выше вариант решения трудной проблемы сознания актуален для него в наибольшей степени.

Панпротопсихизм – это название для целой группы подходов, которые рассматривают в качестве фундаментального свойства так называемые *протопсихические свойства*. Термин «протопсихический» указывает на свойство, обладающее следующими характеристиками:

- 1) онтологически предшествует психическому свойству;
- 2) может служить онтологическим основанием для возникновения психического свойства (например, является его частью, основанием или причиной).
- 3) не является психическим свойством в прямом и узком смысле.

С учетом определений, которые были изложены ранее, данный подход всё ещё является разновидностью панпсихизма, поскольку психическое всё ещё фундаментально в некотором смысле. Согласно данному подходу, сознание возникает в результате комбинации или иной связи между фундаментальными протопсихическими свойствами. Этот подход в большей степени, чем панэкспериентализм, зависит от эволюционного аспекта натуралистической картины мира. Поэтому, чтобы прояснить идею панпротопсихизма, мы можем воспользоваться следующим рассуждением. Предположим, что у нас есть схема, на которой слева направо отображен весь ход эволюции в мельчайших подробностях. Двигаясь вдоль этой схемы в обратном порядке, мы можем проследить последовательное развитие от современных организмов до возникновения жизни, от сложной организации физических объектов к простой.

²²¹ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality; Rosenberg G. Op. cit.; Strawson G. Realistic Monism. P. 3

Панпротопсихизм предполагает, что в ходе такого ретроспективного движения свойства, связанные с сознанием, будут становиться всё проще и, вероятно, все меньше похожи на привычные нам свойства сознания, но они никогда не исчезнут окончательно. На самом простом уровне организации материи, который соответствует фундаментальному уровню физической реальности, мы столкнемся с некими фундаментальными протопсихическими свойствами, которые далее будут неразложимы на более простые составляющие. Таким образом, этот подход использует общую идею панэкспериентализма, с тем отличием, что фундаментальные свойства не являются психическими в полном смысле и не обладают сознанием, каким мы его знаем²²².

Следует заметить, что протопсихическое свойство – это лишь общее описание разновидности свойств и, будучи таковым, оно требует уточнений. Какие-то дополнительные характеристики протопсихического свойства могут быть основанием для выделения частных подходов. Так, например, панквалитизм определяет в качестве фундаментальных свойств квалиа, т.е. качественные характеристики феноменального опыта. Ясно, что это предполагает специфическое понимание квалитативных свойств, в том числе, допускает, что они могут существовать независимо, не будучи представлены никакому субъекту. Поэтому панквалитизм, в отличие от панэкспериентализма не влечет необходимости утверждать существование субъектов опыта везде, где присутствуют психические свойства. Еще одна возможная разновидность панпротопсихизма, не оформленная пока что в достаточно самостоятельную концепцию – это подход, который можно назвать информационный панпротопсихизм. Хотя признание этого подхода в качестве панпротопсихизма все еще является дискуссионным, возможность использования информации в качестве свойства, объясняющего сознание, встречается нередко²²³. Кроме того,

²²² Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyhism; Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism; Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto // The Biological Bulletin. 2008. Vol. 215. No. 3. P. 216–242.

²²³ Дубровский Д.И. Указ. соч.; Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 376; Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto. P. 216–242.

панпротопсихизм позволяет использовать в качестве протопсихических нейтральные свойства, не относящиеся ни к физическим, ни к психическим²²⁴, а также внутренние физические свойства, понимаемые в духе расселианского монизма. Мы рассмотрим большинство из этих подходов подробнее при анализе комбинаторной проблемы.

Панпротопсихизм может преодолевать трудную проблему двумя принципиально разными способами. Первый вариант является решением по существу и аналогичен общей стратегии конститутивного панпсихизма. Он по умолчанию предполагает либо априорный вывод от низкоуровневых свойств к высокоуровневым, либо наличие между уровнями отношений супервентности или основания. Для того, чтобы эта стратегия сработала, протопсихические свойства должны быть в явной форме описаны как части или конституенты сознания, а для этого они должны быть определены достаточно четко. Вторым вариантом является мистерианская стратегия: т.е. указывает на то, что протопсихические свойства должны быть, но нам о них ничего не известно. Поэтому мы можем, наоборот, ссылаться на загадочность протопсихических свойств и невозможность применения к ним аргумента от мыслимости, ведь для применения этого аргумента мы должны понимать, о каких свойствах идёт речь. Во второй главе мы проанализируем такие подходы в контексте трудной и комбинаторной проблем.

По выбору фундаментального уровня. Следующий способ классификации определяет то, какой именно уровень реальности является фундаментальным. Здесь существенную роль играют мерелогические основания панпсихизма, о которых речь пойдёт во второй и третьей главе. Сейчас мы дадим лишь общую характеристику двум основным направлениям. Микропсихизм – это такая разновидность панпсихизма, и такой способ объяснения сознания, при котором под фундаментальными свойствами понимаются свойства, существующие на микроуровне. Микроуровень в этом смысле – это

²²⁴ Coleman S. The Evolution of Nagel's Panpsychism; Стубенберг Л. Нейтральный монизм / Пер. с англ. Я. Михайлов // Brick of Knowledge. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/neutral-monism> (дата обращения: 24.02.2023).

фундаментальный уровень, о котором уже было сказано ранее. Это не только уровень элементарных физических частиц, но и вообще – любой простейший уровень организации материи в атомистических подходах. Микропсихизм – это то, что подразумевается под панпсихизмом «по умолчанию», поэтому каким-то особым образом описывать его стратегию решения трудной проблемы сознания нет необходимости. Однако, микроуровень – это не единственная возможная разновидность фундаментального уровня. В некоторых случаях под фундаментальными свойствами понимаются свойства вселенной или космоса как целого. В этом случае фундаментальным уровнем будет являться сам космос, а такой панпсихистский подход будет называться – космопсихизм. В нём феноменальные свойства выводятся из (или супервентны на) феноменальных свойства, которыми обладает вселенная, как целое²²⁵. Такая разновидность панпсихизма в некоторых аспектах близка к пантеизму и панентеизму в философии религии, однако не тождественна им по многим причинам²²⁶. Эта альтернатива находится в стороне от основной дискуссии о комбинаторной проблеме панпсихизма и не будет рассматриваться нами до третьей главы, где мы уделим ей особое внимание. Как мы увидим, решение трудной проблемы сознания в этом подходе достаточно специфично и предполагает совершенно иной взгляд на саму природу данной проблемы.

По принципу связи между микро- и макроуровнем. Еще одним важным различием тех форм панпсихизма, которые оперируют понятиями микро- и макроуровней, является разделение на конститутивные, или комбинаторные, и неконститутивные, или некомбинаторные, формы²²⁷. Конститутивный

²²⁵ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality.; Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism.

²²⁶ Nagasawa Y. Panpsychism Versus Pantheism, Polytheism, and Cosmopsychism // The Routledge Handbook of Panpsychism / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 259–268.

²²⁷ Поскольку существуют контексты, в которых объемы понятий «комбинаторный подход» и «конститутивный подход» могут не совпадать, в последующих параграфах мы будем использовать словосочетания «комбинаторные стратегии» и «некомбинаторные стратегии» для именования подходов, которые принимают или не принимают стратегию комбинации в объяснении сознания, а устоявшийся уже термин «конститутивный панпсихизм» будем использовать для именования конститутивного микропсихизма, как это уже стало принято в современной дискуссии. При этом надо учитывать, что космопсихизм, который будет

(комбинаторный) панпсихизм – это тезис о том, что феноменальные макросвойства (полностью или частично) основаны на феноменальных микросвойствах²²⁸. В данном случае термин «конституция» понимается широко, основным метафизическим отношением в конститутивном подходе может служить не только отношение конституции, но и отношение тождества. Конститутивный панпсихизм редуцирует макросвойства к микросвойствам, поэтому, как уже было показано ранее, может служить дополнением к физикализму, функционализму и любыми другими конститутивными подходами. Конститутивный панпсихизм, как и любой подход, действующий редуцирующие стратегии, может быть разделен на два типа: тип А и тип В. Тип А предполагает априорное необходимое следование от микросвойств к макросвойствам, а тип В предполагает апостериорное необходимое следование от микросвойств к макросвойствам²²⁹.

Неконститутивный (некомбинаторный) панпсихизм – это подход, предполагающий, что макроопыт не основан на микроопыте. Эмерджентный панпсихизм можно считать одной из разновидностей неконститутивного панпсихизма, поскольку несмотря на то, что такой панпсихизм постулирует фундаментальные феноменальные свойства, он также утверждает, что в процессе организации фундаментальных свойств в сложные системы возникают новые, высокоуровневые феноменальные свойства²³⁰. Привести пример современного неконститутивного подхода, который не являлся бы при этом эмерджентным, достаточно сложно. Наиболее близким примером в истории философии может служить рассмотренный ранее подход Лейбница, поскольку в его системе монады различных уровней не конституируют друг друга. В отличие от подхода Лейбница, эмерджентный панпсихизм, как и любой эмерджентный подход,

рассмотрен в третьей главе, также может являться разновидностью конститутивного подхода, однако к нему это название обычно не применяется.

²²⁸ Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism. P. 25.

²²⁹ Теоретически, могут существовать и более слабые версии этого подхода, основывающиеся не на следовании, а на отношении супервентности.

²³⁰ Bruntrup G. Op. cit.; Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion // Mind and Matter. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 167–184; Seager W. Panpsychist infusion. P. 229.

тесным образом связан с вопросом о возникновении одних свойств из других. Следует заметить, что отношение конституции при определенных условиях допускает слабую эмерджентность, о чем будет сказано далее. Поэтому не все подходы, именуемые эмерджентными, следует считать неконститутивными. Решение трудной проблемы, которое предлагают эмерджентные подходы, в целом, совпадает с тем, что уже было ранее сказано об эмерджентных подходах. Отличие заключается в том, насколько радикальным является эмерджентный переход. Подробнее об этой градации мы скажем во второй главе при рассмотрении решений комбинаторной проблемы.

По принципу связи между физическим и психическим. Существует несколько основных способов связать физические и психические (или протопсихические) свойства, оставаясь в рамках монизма. Панпсихизм может быть реализован как субстанциальный дуализм, образуя подход, достаточно близкий к одной из древних форм панпсихизма – анимизму. В отличие от картезианского дуализма, в таком подходе весь мир будет населен духами и с каждым материальным объектом будет ассоциирована собственная душа. В современной дискуссии о трудной проблеме такой подход не используется, ввиду его несовместимости с натурализмом. Ранее мы уже рассматривали панпсихизм в форме идеализма, дуализма свойств и расселианского монизма. Именно эти подходы являются основными разновидностями панпсихизма, начиная с XIX в., при этом среди них преобладает именно расселианский монизм.

1.4. Выводы первой главы

Первая глава посвящена формулировке основных используемых определений и установлению связи между трудной проблемой сознания и панпсихизмом.

В первом параграфе рассматриваются основные обстоятельства, которые необходимо учесть при формулировании определения сознания. Рассмотрено принятое в анализируемой дискуссии разделение на два аспекта сознания: феноменальное сознание и сознание доступа. Проанализированы характеристики сознания: квалитативность, субъективность и единство. Уделено внимание

раскрытию тезиса о реальности сознания. По выражению Дж. Сёрла, термин *сознание* «указывает на онтологическую категорию, а не на эпистемическую форму»²³¹.

По итогам анализа связанных с этим проблем и вводных рассуждений сформулированы два варианта определений сознания:

Указание на состояние «каково это быть»:

(U1)²³² Существо является сознательным или имеет сознательный опыт если и только если существует то, каково это для этого существа быть тем существом, которым оно является.

(U2) Состояние является сознательным если и только если существует то, каково это находиться в данном состоянии.

Перечисление характеристик:

(O1) Существо является сознательным или имеет сознательный опыт если и только если оно находится в состоянии, обладающем свойствами субъективности, цельности и качественности.

(O2) Состояние является сознательным если и только если оно является субъективным, целостным и качественным.

Во втором параграфе дана характеристика трудной проблемы сознания. Рассмотрен контекст возникновения трудной проблемы сознания и основные понятия, которые потребуются для ее обсуждения. Дано краткое описание метафоры онтологических уровней, которая необходима поскольку объяснение сознания, которое ищут современные исследователи, заключается в установлении связи между онтологическими уровнями: т.н. микросвойствами и макросвойствами. Рассмотрены основные типы онтологических и эпистемологических отношений между уровнями: *тождество, конституция,*

²³¹ Сёрл Дж. Открывая сознание заново. С. 102.

²³² Здесь и далее по тексту будут использованы три варианта обозначения тезисов в аргументах: 1. Если тезисы будут использованы всего один раз, тогда все посылки будут обозначаться заглавной буквой «Р» с номером, а заключения – заглавной «С» с номером. 2. Для рассуждения с большим числом тезисов будет применяться сквозная числовая нумерация без добавления буквы. 3. Для особенно важных тезисов будет применяться собственное обозначение, где буква будет отображать группу, к которой относится тезис, а число – порядковый номер тезиса.

реализация, редукция, супервентность, основание. Изложен аргумент от мыслимости и некоторые контраргументы. Современную версию аргумента от мыслимости можно представить как утверждение о наличии метафизического разрыва между фундаментальными свойствами и феноменальными свойствами. Основанную на таком аргументе трудную проблему сознания можно сформулировать следующим образом:

1) *В контексте редукции:* феноменальные свойства не сводятся к физическим свойствам и не могут быть выведены из физических свойств.

2) *В контексте супервентности:* феноменальные свойства не супервентны на физических свойствах.

3) *В контексте отношения основания (grounding):* истинные высказывания о феноменальных свойствах не основаны на истинных высказываниях о физических свойствах.

Представлен обзор основных вариантов реакции на аргумент от мыслимости в пользу трудной проблемы сознания, рассмотрены их последствия для анализа панпсихизма. Среди таких вариантов можно выделить: *принятие аргумента мыслимости; отрицание, что из мыслимости следует метафизическая возможность; ссылка на возможные будущие открытия в науке; отрицание мыслимости.* Было установлено, что основным способом устранения аргумента от мыслимости, в случае признания его обоснованным, является предложение такого подхода, в котором метафизического разрыва не возникает.

На основании изложенного формулированы требования к подходам, предлагающим решение трудной проблемы сознания. Любая теория должна содержать описание того, что требуется объяснить (экспланандум), а также само объяснение (эксплананс). Для оценки объяснения необходимо ответить на три ключевых вопроса. *Устраняет ли конкретный подход метафизический разрыв? Позволяет ли конкретный подход прояснить природу сознания? И, если да, то являются ли проблемы, с которыми сталкивается данный подход, менее существенными, чем проблемы других подходов и, в том числе, трудная проблема*

сознания? Для более слабых версий трудной проблемы сознания, которые возникают в случае отрицания её метафизического характера, анализ возможных решений может быть истолкован как поиск модели объяснения сознания. В этом случае вопрос может быть поставлен иначе: как проблема могла бы в принципе быть решена?

В третьем параграфе дана общая характеристика панпсихизма в контексте трудной проблемы сознания. Рассмотрены различные определения панпсихизма как тезиса о фундаментальности психического или протопсихического. Проведено сравнение определений, которые используются в отечественной философской традиции с определениями, которые используются современными сторонниками данного подхода. Представлен краткий экскурс в историю этого подхода, а также основные формы его метафизической реализации. Показано каким образом он решает трудную проблему сознания, устраняя метафизический разрыв. Проведено сопоставление панпсихизма с современным физикализмом. Представлена развёрнутая классификация современных разновидностей панпсихизма, сформулированы понятия *психического* и *протопсихического* свойства. Установлено различие между *микропсихизмом* и *космопсихизмом*, которое сыграет ключевую роль в данном исследовании.

Установлено, что одно из ключевых отличий современного панпсихизма от классического заключается в гораздо более узком понимании понятия психического, что может стать причиной некоторых трудностей при оценке современного состояния этой традиции. Хотя современные авторы именуют фундаментальные свойства психическими, ментальными или опытными, эти свойства имеют достаточно мало отношения к психике, ментальности и опыту в широком смысле. Данные термины закрепились исключительно ввиду преемственности в отношении классических подходов и используются в очень узком смысле. Можно с уверенностью утверждать, что наиболее сильным тезисом в современном панпсихизме является тезис о фундаментальности феноменального аспекта сознания, но не психики или разума в целом.

Необходимо иметь ввиду, что данные термины используются лишь в узком смысле, соответствующем рассмотренному ранее понятию сознания.

Сделан вывод, что решение панпсихизма основано на постулировании гипотетических свойств: либо феноменальных, либо протофеноменальных. В связи с этим, для оценки панпсихистских подходов был сформулирован *принцип экономии постулирования*, который и послужит критерием такого сравнения: предпочтительнее тот подход, который в процессе решения трудной проблемы сознания постулирует наименьшее число сущностей разных типов, и который предлагает наилучшее объяснение необходимости постулировать эти сущности.

Глава 2. КОМБИНАТОРНАЯ ПРОБЛЕМА И СТРАТЕГИИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

2.1. Проблема комбинации субъектов

2.1.1. Формулировка проблемы комбинации субъектов

Комбинаторная проблема²³³ – это главная проблема панпсихизма, поскольку с ней, в той или иной степени, сталкиваются все его разновидности, претендующие на решение трудной проблемы. В самом общем смысле комбинаторная проблема заключается в том, что комбинация фундаментальных психических свойств и фундаментальных субъектов, существование которых предполагается панпсихизмом, не приводит к возникновению свойств сознания. Комбинаторная проблема не однородна и представляет собой целый комплекс достаточно независимых вопросов, каждый из которых актуален только для определенных разновидностей панпсихизма. В данной работе будет в первую очередь рассматриваться проблема комбинации субъектов, поскольку она является основной как исторически, так и по своей сути²³⁴. Однако представленное нами рассуждение по большей части будет применимо и для других ее видов. Мы подробнее рассмотрим те современные разновидности панпсихизма, которые предлагают решение для проблемы комбинации субъектов и сформируем перечень таких подходов. Затем мы рассмотрим проблемы, которые возникают для самих решений проблемы комбинации субъектов.

²³³ Наименование «*combination problem*» (комбинаторная проблема) впервые использовано У. Сигером в работе «Сознание, информация и панпсихизм», где он рассматривает ее в ряду других проблем панпсихизма (Seager W. Consciousness, information and panpsychism // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. Vol. 2. No. 3. P. 272–288.). В русскоязычных статьях устоялись сразу два варианта перевода – проблема комбинации и комбинаторная проблема. Перевод «проблема комбинации» является более прямым, если брать в качестве отсчета формулировку Сигера. Однако Т. Нагель в более ранней статье использует формулировку «*combinatorial problem*» применительно к той же самой проблеме, поэтому наименование «комбинаторная проблема», которая является прямым переводом формулировки Нагеля, является столь же корректным (Nagel T. *The View From Nowhere*. P. 50).

²³⁴ Следует заметить, что приоритет проблемы комбинации субъектов обусловлен тем, как нами было определено сознание и как был задан контекст для возникновения трудной проблемы. Другие проблемы не менее важны в соответствующих контекстах, однако их детальное рассмотрение выходит за пределы настоящего исследования.

В работе «Принципы психологии» У. Джеймс²³⁵ рассматривает некоторые вопросы, связанные с возникновением сознания, и, в том числе, обращает внимание на проблему прерывистости в объяснении сознания в материалистических учениях. Он также критически анализирует теории, наделяющие сознанием материю, в том числе обсуждавшийся в первой главе подход Клиффорда. Он формулирует рассуждение, которое в современной дискуссии именуется комбинаторной проблемой, т.е. проблемой комбинации сложных составных субъектов из более простых. Классический панпсихизм Г.В. Лейбница не предполагал идеи комбинации, поскольку простые ментальные субстанции были неделимы и не могли быть объяснены редуктивно²³⁶. Комбинаторная проблема следует из обычного для атомистических подходов вопроса: *при каких условиях множество атомов образует новую вещь?* Панпсихизм XIX в. воспринял атомистическую по своей сути идею объяснения сложных макросистем исходя из сочетания простых компонентов. Анализируя теорию частиц разума (mind-dust), Джеймс формулирует проблему комбинации отдельных единиц опыта и субъектов. Эту цитату необходимо привести целиком:

«Там, где предполагается, что элементарными единицами являются чувства, ситуация никоим образом не меняется. Возьмите сотню из них, перетасуйте и разместите как можно ближе друг к другу (что бы это ни значило); и все же каждое чувство остается тем же, что и всегда, закрытым в своей собственной шкуре, без окон, не знающим, что такое другие чувства и что они означают. Там было бы сто первое чувство, если бы, когда была создана группа или серия таких чувств, возникло сознание, принадлежащее группе как

²³⁵ Многие авторы рассматривают самого Джеймса как сторонника той или иной разновидности панпсихизма, причем его позиция не единожды менялась на протяжении жизни. Это не влияет на наш анализ комбинаторной проблемы, но показывает степень погруженности Джеймса в проблематику панпсихизма. См.: Сысоев М.С. Философия сознания Уильяма Джеймса: между нейтральным монизмом и панпсихизмом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 249–265; Lamberth D.C. Interpreting the universe after a social analogy: intimacy, panpsychism, and a finite God in a pluralistic universe // The Cambridge Companion to William James / Ed. by R.A. Putnam. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 237–259; Ford M.P. William James: Panpsychist and Metaphysical Realist // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1981. Vol. 17. No. 2. P. 158–170).

²³⁶ Лейбниц Г.В. Монадология. С. 413.

таковой. И это 101-е чувство было бы совершенно новым фактом; 100 первоначальных чувств могли бы, по любопытному физическому закону, быть сигналом для его создания, когда они собрались вместе; но у них не было бы субстанциального тождества с ним, а у него – с ними, и никогда нельзя было бы вывести одно из других, или (в каком-либо ясном смысле) сказать, что они развили его. Возьмите предложение из дюжины слов, возьмите двенадцать человек и скажите каждому по одному слову. Затем поставьте людей в ряд или сбейте их в кучу, и пусть каждый думает о своем слове так сосредоточенно, как ему заблагорассудится; нигде не будет осознания всего предложения»²³⁷.

На основании данной цитаты Джеймса и изложенных ранее особенностей проблемы феноменального сознания мы можем сформулировать три тезиса, которые раскрывают проблему комбинации субъектов:

(SC1) феноменальные состояния, распределенные между отдельными субъектами²³⁸, не складываются воедино и не образуют новое феноменальное состояние (*проблема сочетания*).

(SC2) если бы мы предположили, что новое и единое феноменальное состояние все же может возникнуть, оно все еще не выводимо из составляющих его более простых феноменальных состояний (*проблема вывода*).

(SC3) комбинация, тем или иным способом, феноменальных состояний отдельных субъектов не приводит к их взаимодействию, иными словами – феноменальные состояния отдельных субъектов изолированы друг от друга (*проблема слияния*).

Несмотря на близость проблем (SC1) и (SC3), мы полагаем, что их следует разделять, поскольку комбинация не предполагает слияние. Можно заметить, что комбинаторная проблема здесь во много пересекается с проблематикой единства сознания, упомянутой нами в первой главе. Разница между (SC1) и (SC3) становится более очевидной в свете проведенного ранее различия между

²³⁷ James W. The Principles of Psychology. P. 160.

²³⁸ С учетом предмета настоящего исследования, под субъектами далее будут пониматься не познающие субъекты или субъекты психологических состояний, а феноменальные субъекты – то есть любые сущности, обладающие сознаниями (во множественном числе).

подходом строительных блоков и подходом единого феноменального поля, а также между мереологической и топологической метафорами единства. Это различие также прояснится при рассмотрении отдельных стратегий решения комбинаторной проблемы. (SC2) является тезисом, отрицающим редукцию высокоуровневых феноменальных состояний к низкоуровневым. В современном контексте он может быть заменен на более слабый тезис о несупервентности высокоуровневых свойств на низкоуровневых²³⁹. Некоторые решения проблемы комбинации субъектов предполагают отрицание лишь одного или двух тезисов из указанной тройки. Важно отметить, что Джеймс не рассматривает данную проблему как специфическую для панпсихизма. В той же главе он пишет следующее: «Другими словами, никакое возможное количество сущностей (называйте их как хотите, будь то силы, материальные частицы или ментальные элементы) не может суммироваться воедино. Каждая из них остается в сумме тем, чем она всегда была...»²⁴⁰.

Если комбинаторная проблема действительно универсальна, как это предполагает Джеймс, то проблемы возникают не только у панпсихизма, но у любых подходов, предполагающих комбинацию, в том числе – у физикализма.

Критику атомистического панпсихизма можно также встретить у современника Джеймса, психолога и философа Д. Уорда. С его точки зрения панпсихизм наследует проблемы атомизма, поскольку теория Клиффорда связывает материальные атомы с простыми идеями. Понятие «материи разума» (mind-stuff) является лишь другим названием для атомов, но не добавляет ничего полезного к старой механистической концепции²⁴¹. Атомизм влечет и другие проблемы: Уорд отмечает, что опыт не может существовать отдельно от субъектов опыта, однако именно это предполагается понятием «пыли разума» (mind-dust), которое используют некоторые панпсихисты, включая Клиффорда.

²³⁹ В этом случае тезис может быть сформулирован следующим образом: (SC2') если бы мы предположили, что новое и единое феноменальное состояние все же может возникнуть, оно не супервентно на составляющих его более простых феноменальных состояниях.

²⁴⁰ Ibid. P. 161.

²⁴¹ Ward J. Naturalism and Agnosticism. P. 309.

Любой, кто признает единство сознания, не может считать, что феноменальное поле состоит из простых ощущений так, как мозаика состоит из маленьких стекол. Все это ставит перед панпсихизмом важный вопрос: почему переход от инертной материи к сознанию должен считаться более загадочным, чем переход от маленьких кусочков сознания к единому, объединенному сознанию человека?

Во второй половине XX в. к комбинаторной проблеме вновь обращается Т. Нагель: «В настоящее время мы не можем понять, как ментальное событие может состоять из мириад протоментальных событий по образцу нашего понимания того, как мышечное движение состоит из мириад физико-химических событий... Нам не хватает концепции соотношения части и целого для ментальности»²⁴².

Нагель здесь обращает внимание на наличие мереологической проблематики в вопросе о сознании. Далее он отмечает, что единство сознания, даже если оно не является абсолютным, представляет проблему для любой теории, которая утверждает, что феноменальные состояния приписываются такой сложной структуре как мозг. «Панпсихизм – лишь особенно яркое проявление этой проблемы»²⁴³. Отсюда мы можем сделать два важных вывода, которые подробно раскрыты далее. Во-первых, Нагель не только признает актуальность комбинаторной проблемы для современных ему натуралистических подходов, но, как и Джеймс, указывает на то, что она характерна для всех подходов, предполагающих комбинацию. Во-вторых, комбинаторная проблема связана с проблемой единства сознания и мереологической метафорой, которая обсуждалась нами в первой главе при рассмотрении такой характеристики сознания как единство.

Современная проблема комбинации субъектов может быть также сформулирована в виде аргумента от мыслимости:

²⁴² Nagel T. The View from Nowhere. P. 50.

²⁴³ Ibid.

(P1) Для любой группы микросубъектов мыслимо, что эти субъекты существуют, а макросубъектов не существует.

(P2) То, что мыслимо – возможно.

(C) Для любой группы субъектов возможно, что субъекты в S существуют и никакие другие субъекты не существуют.

Принятие тезиса (P2) напрямую зависит от принятия тех же предпосылок, которые требуются для принятия «аргумента зомби», рассмотренного ранее. Таким образом, данный аргумент через мыслимость демонстрирует отсутствие метафизической связи между понятиями микросубъектов и макросубъектов. И хотя он может быть оспорен множеством способов, у сторонника «аргумента зомби» нет других вариантов, кроме как оспаривать тезис (P1) пытаясь обосновать метафизическую связь между микро и макросубъектами, что и порождает комбинаторную проблему.

Данная аналогия с аргументом мыслимости позволяет провести некоторые параллели с трудной проблемой сознания. Ранее мы сформулировали 6 тезисов панпсихизма и показали, как именно конститутивный панпсихизм решает трудную проблему сознания. Придерживаясь тезисов, заявленных ранее, аргумент от мыслимости в пользу комбинаторной проблемы можно сформулировать следующим образом²⁴⁴:

(11) Мыслимо, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6), существует без феноменальных свойств, указанных в (1);

(12) Все, что мыслимо, – возможно;

(13) Возможно, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6), существует без феноменальных свойств, указанных в (1).

²⁴⁴ Как и в случае с аргументом от мыслимости против физикализма, этот аргумент для большей ясности оформлен с учетом тезисов панпсихизма, однако никаких существенных содержательных изменений это не привносит. Обе проблемы являются разновидностью аргумента от мыслимости, и могут быть сформулированы схожим образом. Подобной структуры аргумента придерживаются Д. Чалмерс, Ф. Гофф и др. См.: Chalmers D.J. The Combination Problem for panpsychism. P. 187; Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. P. 173.

Отсюда можно заключить, как и в случае с аргументом от мыслимости для трудной проблемы, что:

(14) Между описанием реальности согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6) и феноменальными свойствами, указанными в тезисе (1), существует метафизический разрыв²⁴⁵.

Как мы можем видеть, структурно этот аргумент в пользу комбинаторной проблемы не сильно отличается от аргумента в пользу трудной проблемы сознания. Отличие заключается в содержании тезиса (13). Это сопоставление показывает, какие именно последствия комбинаторная проблема создает для панпсихизма. Фактически, она возвращает его к метафизическому разрыву, который он, по задумке сторонников панпсихизма, должен был устранить. Хотя этот разрыв является более слабым, чем таковой для физикализма, он все еще позволяет говорить о неудовлетворительности объяснения, предлагаемого рассматриваемым подходом. Следует заметить, что разные виды панпсихизма сталкиваются с аргументом от мыслимости различным образом. Подходы, которые рассматривают в качестве фундаментальных психических свойств те же свойства, что характеризуют сознание, то есть предполагают наиболее сильную форму конститутивного панпсихизма, сталкиваются с аргументом от мыслимости в полной мере, поскольку такие фундаментальные свойства нам понятны и могут быть использованы в аргументе от мыслимости. Чем менее ясным является описание фундаментальных свойств, и чем дальше они от свойств нашего собственного сознания, тем сложнее применить к ним аргумент от мыслимости. Так, например, мистерианские стратегии, апостериорные стратегии и

²⁴⁵ Следует заметить, что оборот «метафизический разрыв» в отношении комбинаторной проблемы используется здесь в более слабом смысле, чем в отношении трудной проблемы сознания. Если исходить из аргумента мыслимости, разрыв есть в обоих случаях и является метафизическим. В обоих случаях между двумя существенными частями метафизической картины реальности отсутствует априорная связь. В случае комбинаторной проблемы этот разрыв, по крайней мере на первый взгляд, менее проблематичен, но он имеет место. Тезис (14) предполагает наличие фундаментальных качественных свойств, поскольку отсылает к (6), но не тех качественных свойств, которые предполагаются тезисом (1). Согласно комбинаторной проблеме в этой разновидности мыслимо то, что феноменальные (или протофеноменальные) микросвойства существуют, а феноменальные макросвойства, т.е. свойства макросубъектов – нет.

нейтральный монизм не подвержены аргументу мыслимости. Однако, против них могут быть выдвинуты иные возражения.

Еще одну модификацию комбинаторной проблемы предлагает С. Коулман. Он отмечает, что наиболее существенным аспектом проблемы комбинации является проблема перспективы. Коулман полагает, что перспектива, то есть некоторая точка обзора, является существенной для каждого феноменального поля, которое мы связываем с субъективностью. При этом перспективы, как полагает Коулман, не могут собираться воедино. Если в результате комбинации возникает новый субъект, значит предыдущие субъекты просто не пережили комбинацию²⁴⁶.

Поскольку речь идет о специфической проблеме, мы можем вполне обоснованно добавить ее к ранее сформулированным тезисам:

(SC4) субъективные перспективы не подлежат комбинации (*проблема комбинации перспектив*).

Следует обратить внимание на то, что это более детальная и, вероятно, частная ситуация относительно проблемы комбинации субъектов. Как было указано ранее, проблема комбинации субъектов связана, в том числе, с невозможностью комбинации и невозможностью слияния отдельных субъектов. Аргумент Коулмана работает независимо от того, возможны ли комбинация и слияние. Если даже предположить, что феноменальные состояния разных субъектов могут комбинироваться или сливаться во что-то единое, то, исходя из позиции Коулмана, у состояния, получившегося в итоге, не будет какой-то определенной перспективы. И вновь, рассмотренные нами ранее характеристики сознания помогают прояснить отличие этой проблемы от проблем (SC1) и (SC3).

Если топологическая метафора касается вопроса соотношения между разными феноменальными пространствами, а мереологическая метафора касается вопроса соотношения частей и целых, то метафора перспективы касается структуры содержания сознания и того, где «находится» точка обзора. Этот

²⁴⁶ Coleman S. The real combination problem: Panpsychism, micro-subjects, and emergence // Erkenntnis. 2013. Vol. 79. P. 30.

пример хорошо показывает, что проблема комбинации может быть гораздо ближе к обычным проблемам, связанным с сознанием, чем кажется на первый взгляд. Именно этот вопрос мы рассмотрим далее.

2.1.2. Сопоставление трудной проблемы сознания и проблемы комбинации субъектов

Трудная проблема сознания и комбинаторная проблема обычно рассматриваются как отдельные проблемы, возникающие в контексте совершенно разных подходов. Как мы уже отмечали ранее, проблема комбинации субъектов может быть сформулирована как проблема возникновения единого сознания из множества сознаний и, по меньшей мере, в этом смысле является также и мереологической проблемой. Полноценное выявление мереологической проблематики в трудной проблеме сознания является гораздо более сложной задачей, которую мы не ставим перед собой в рамках данного исследования. В данном параграфе мы представим некоторые доводы в пользу следующего тезиса: *между трудной проблемой сознания и проблемой комбинации субъектов прослеживается интересное для философии сознания сходство, которое основано, в том числе, на мереологических аспектах обеих проблем*²⁴⁷. Далее под комбинаторной проблемой будет подразумеваться именно проблема комбинации субъектов, однако сделанные выводы будут, с некоторыми оговорками, справедливы и для других разновидностей этой проблемы.

Прежде чем перейти к более глубокому рассмотрению вопроса, необходимо напомнить, что ранее мы уже обнаружили сходство между этими проблемами на уровне структуры аргументации. В первой главе мы сформулировали основные положения панпсихизма и показали, как именно конститутивный панпсихизм решает трудную проблему сознания. Затем мы показали, что аргументы от мыслимости в пользу трудной и комбинаторной проблем могут быть сформулированы схожим образом. Комбинаторная проблема вновь возвращает

²⁴⁷ До конца этого параграфа мы не будем проводить различия между мереологической и топологической метафорой и будем рассматривать мереологическую проблематику в целом.

панпсихизм к трудной проблеме и сталкивает его с теми же аргументами, которые он был призван устранить. Подробнее проанализировав некоторые причины, по которым это происходит, мы покажем более глубокую связь между трудной и комбинаторной проблемами.

Достаточно тесное сходство между этими проблемами обнаруживается и в ходе историко-философского рассмотрения причин их возникновения. Как уже отмечалось нами ранее, возникновение комбинаторной проблемы во многом связано с тем, что панпсихизм приблизился к стратегиям натуралистических подходов. До XIX в. комбинаторной проблемы в ее современном виде не существовало, и для панпсихизма она возникает именно тогда, когда панпсихизм начинает использоваться как разновидность натурализма. В современной философии сознания происходят схожие процессы: панпсихизм предлагается не просто как альтернатива физикализму, а как корректирующее дополнение к нему. Это обстоятельство значительно сужает область для поиска причин возникновения комбинаторной проблемы. Они могут быть обнаружены в самом физикализме, в самом панпсихизме или в их сочетании. Ввиду сходства аргументов, представляется маловероятным, что комбинаторная проблема возникает только из-за сочетания панпсихизма и физикализма, хотя оно может повлиять на ее специфическую форму. Кроме того, если бы расширение перечня фундаментальных свойств порождало собственный тип проблемы, то имелись бы основания предположить, что причины возникновения двух проблем различны. Однако и здесь сходство аргументов оказывается решающим. Наиболее вероятно, что данная проблема или какая-то ее принципиально важная часть существовала в физикализме и сохраняется в панпсихизме. Следует обратить внимание на то, что дополнительные тезисы панпсихизма не повлияли существенным образом ни на структуру аргумента мыслимости, ни на его главную идею – метафизический разрыв между свойствами. Пока что мы ограничимся лишь предположением, которое заключается в том, что панпсихизм не устраняет весь перечень факторов, которые он должен был бы устранить для решения трудной проблемы, хотя, возможно, нивелирует часть из них.

Чтобы подтвердить эту гипотезу, нам необходимо показать, что существует некоторый аспект обеих проблем, который сохраняется несмотря на модификации, предложенные панпсихизмом. Мы полагаем, что этот аспект существует и связан с мереологической проблематикой. Для такой позиции есть несколько оснований.

Дискуссия о сознании допускает использование аппарата мереологии несколькими способами. Несмотря на то, что связь между философией сознания и мереологической проблематикой далеко не очевидна, существует несколько основных способов, которыми мереология может быть применена в философии сознания, а философия сознания – в мереологии. Во-первых, философия сознания может предлагать условия, при которых части образуют целое. Наличие тех или иных отношений между частями может быть применено как критерий для рестриктивистского подхода в мереологии. В таком случае, например, функционализм может рассматриваться как решение для рестриктивизма в контексте мереологии, а неспособность функционализма объяснить сознание может рассматриваться как недостаточная точность критерия для возникновения целого из частей. Во-вторых, мереология может быть применена для анализа сознания и феноменального опыта, что наиболее явно проявилось уже в психологии и философии начала XX в.²⁴⁸ В данном случае речь идет об анализе так называемого феноменального поля, то есть пространства переживаемых качеств, а также его частей. Наиболее ясно это проявляется в вопросе о единстве сознания. В-третьих, мы можем применять мереологический анализ в более широком смысле для обсуждения свойств, в том числе – структурных. Если совокупность свойств в определенной конфигурации по сути является новым свойством, то мы можем применить мереологию для описания таких свойств как частей и целого. Например, в рамках физикализма мы можем задаваться вопросом, каким образом множество отдельных свойств мозга образуют общее свойство сознательности, которое мы приписываем не его частям, а всему мозгу (или иначе – всему организму). Критика физикалистского решения в этом случае

²⁴⁸ Libardi M. Op. cit. P. 19.

будет характерной для мереологии – достаточно будет показать, что целое не возникает из частей. Физикалист, в свою очередь, может придерживаться мереологического нигилизма и утверждать, что отношения часть-целое не существует.

Используемое понятие сознания предполагает наличие мереологической проблематики. Далее мы могли бы поставить под сомнение то, что мереологическая проблематика применима к выбранному нами понятию сознания вне контекста панпсихизма. Однако к выбранному нами определению применимы все ситуации, описанные выше. Единство сознания является одной из основных его характеристик. И здесь мы сталкиваемся с мереологической проблематикой сразу в двух смыслах: во-первых, требуют исследования отношения между отдельными состояниями сознания и сознанием в целом, во-вторых, требует исследования переход от множественности на уровне физических элементов и их структур к единому сознанию.

Комбинаторная проблема касается всех атомистических подходов. Ранее мы уже отмечали, что и У. Джеймс и Т. Нагель формулируют комбинаторную проблему как универсальную проблему атомистических подходов. Несмотря на то, что на это редко обращается внимание, нет никаких оснований исключать из рассмотрения комбинаторной проблемы другие натуралистические решения.

Мереологическая проблематика касается других атомистических подходов. Так, например, с мереологической проблематикой тесно связана аргументация против функционализма, в частности, уже упоминавшиеся нами аргументы, такие как «Китайская нация» и «Китайская комната». Аргументы такого типа призваны показать, что каким бы функциональным образом мы ни организовали множество сущностей, они не приводят к возникновению единого сознания (условно говоря, еще одной сущности), даже если это сущности, обладающие сознанием. Еще одним подтверждением наличия искомой связи может служить то, что некоторые аспекты современной комбинаторной проблемы напрямую заимствованы из физикализма. Здесь весьма показательна так называемая проблема грануляции, которая изначально возникла как аргумент

против физикализма, а в настоящее время рассматривается как часть комбинаторной проблемы²⁴⁹. М. Локвуд указывает несколько аспектов проблемы грануляции для физикалистских подходов²⁵⁰, для данной работы наиболее интересен один из них. Он заключается в том, что пространство феноменальных свойств континуально, т.е. непрерывно, а пространство физиологических свойств, на которых основана феноменология, в большей степени дискретно. Иными словами, проблема в том, чтобы объяснить, как разрозненные дискретные микросвойства образуют непрерывное пространство феноменальных макросвойств.

Аргумент мыслимости в пользу проблемы сознания предполагает наличие мереологической проблематики при определенных условиях. Для начала вспомним рассмотренную ранее аргументацию Р. Декарта. Обратимся теперь к другой версии того же аргумента, которая построена на сопоставлении мыслимости в отношении делимости тела и души²⁵¹. Нас не интересует вся структура аргумента, поскольку во второй её части Декарт делает вывод о том, что душа не может быть разрушена, поскольку разум не делится на части. Однако начинается он своё рассуждение с утверждения о том, что сознание не делится на части, а тело – делится. Фактически, это означает, что у сознания и тела разные мереологические характеристики. Отсюда легко сделать вывод о том, что тело, обладающее специфической мереологией, не может быть основанием для возникновения сознания. И если мы воспроизвели все части тела, это еще не значит, что мы можем воспроизвести или понять устройство сознания. Именно наличие у сознания специфической характеристики единства обеспечивает различие между сознанием и телом в некоторых аргументах мыслимости. Это наиболее явно заметно в упоминавшихся ранее аргументе Н. Блока «Китайская нация и аргументе Дж. Сёрла «Китайская комната», которые используются для аргументации против функционализма. Однако эту связь мы можем проследить и до аргумента «философского зомби».

²⁴⁹ Chalmers D.J. The Combination Problem for Panpsychism. P. 183.

²⁵⁰ Lockwood M. Op. cit. P. 274.

²⁵¹ Декарт Р. Указ. соч. С. 68.

Р. Кирк, предложивший первую версию аргумента «философского зомби», использовал в своей аргументации мысленный эксперимент, близкий к экспериментам Блока и Сёрла²⁵². Идея «философского зомби» конструировалась как некоторый аналог человека, функциональные связи которого опосредованы действиями очень маленьких людей, располагающихся в голове. Хотя аргумент использовал ссылку на функциональные связи, он был направлен, в том числе, против материализма. Чалмерс прямо ссылается на этот способ аргументации, заявляя, что и сама аргументация Блока может служить косвенным подкреплением тезиса о возможности зомби²⁵³. Здесь важно уточнить, в чем выражается эта «косвенность»: Чалмерс справедливо рассматривает функциональную копию, как менее точную версию физической копии, потому что функциональное описание не учитывает внутренние свойства элементов функциональной системы. Но ведь это и есть мереологическая проблема: в контексте атомизма аргументация против функционализма может быть понята так, что, каким бы образом не организовали систему из физических или каких-либо иных сущностей, в этой системе не появится единое сознание. Поэтому Чалмерс, соглашаясь с Г. Якоби, указывает в примечаниях, что «...аргументы от мыслимости не более проблематичны для функционалистских концепций, чем для материалистических концепций в целом»²⁵⁴. У этого сходства есть одно значимое ограничение: для того, чтобы задействовать проблему перехода от частей к целому, тот или иной подход должен быть по своей сути атомистическим. Несмотря на то, что мереология не рассматривается в явном виде при анализе трудной проблемы, следует признать, что мереологический атомизм (и связанные с ним проблемы) характерен для философии сознания.

Таким образом, у нас есть веские основания полагать, что между двумя проблемами существует некоторое сходство, которое проявляется в том, что перед панпсихистом и физикалистом стоит одна и та же задача – объяснить возникновение единого сознания из множества разрозненных сущностей. Как

²⁵² Kirk R. Squires R. *Zombies v. Materialists*. P. 144.

²⁵³ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 130.

²⁵⁴ Там же. С. 457.

показывает комбинаторная проблема, приписывание этим сущностям феноменальных свойств не решает поставленную задачу до конца, хотя панпсихизм заявляется как решение трудной проблемы, в том числе, проблемы мыслимости зомби. Обоснование более глубокой связи для наших целей не требуется. Достаточно того, что есть существенные, разумные основания предполагать, что в трудной проблеме сознания изначально присутствует мереологическая проблематика, которая игнорируется атомистическими подходами к ее решению и потому сохраняется в рамках комбинаторной проблемы. С учетом обнаруженного сходства, возможны два гипотетических варианта:

(G1) Расширение перечня фундаментальных свойств было *необходимо, но недостаточно* для решения трудной проблемы.

(G2) Расширение перечня фундаментальных свойств было *не необходимо и недостаточно*.

(G1) означает, что в трудной проблеме есть по меньшей мере две тесно связанные подпроблемы. Во-первых, проблема объяснения феноменальных свойств с использованием физических свойств, а во-вторых, мереологическая проблема объяснения единого сознания исходя из свойств структуры со множеством элементов. Панпсихизм нацелен на решение первой, но игнорирует вторую. (G2) это более радикальный тезис, который означает, что невозможность объяснения феноменальных свойств вообще не является самостоятельной проблемой, а возникает как побочный продукт скрытой мереологической проблемы. Мы не будем делать окончательный выбор в пользу одного из вариантов, акцентируя при этом внимание на тезисе (G1), который позволяет учесть оба варианта.

Мы показали, что комбинаторная проблема может быть обращена в сильнейший аргумент против конститутивного панпсихизма и некоторых других подходов. Классификацию существующих решений проблемы комбинации субъектов можно выразить следующим образом. Во-первых, мы можем противостоять проблеме в рамках конститутивного панпсихизма, попытавшись

указать на то, что причины ее возникновения некоторым образом связаны с самим устройством мира. В частности, мы можем продемонстрировать, что отдельные аспекты опыта для нас недоступны, а потому наши представления о комбинации субъектов не верны. Во-вторых, можно отказаться от одного из изначальных условий: от идеи комбинации субъектов или от используемого понятия сознания, в том числе, отрицая одно или несколько его свойств. Первый вариант приводит нас к некомбинаторным стратегиям панпсихизма, а второй – к комбинаторной стратегии под названием «панпротопсихизм» и некоторым другим подходам, которые будут рассмотрены далее²⁵⁵.

2.2. Стратегии решения комбинаторной проблемы в панпсихизме

2.2.1. Мистерианские решения комбинаторной проблемы

Одним из наиболее известных примеров панпсихистских концепций в современной аналитической философии является панэкспериментализм Г. Стросона, который он последовательно развивает во многих работах²⁵⁶. Подход Стросона является одним из наиболее близких к той версии, которую критиковал У. Джеймс. Ф. Гофф критикует панпсихизм Стросона, явным образом основываясь, в том числе, на аргументации Джеймса²⁵⁷. Как верно отмечает Гофф, позиция Стросона основана на двух положениях, которые порождают проблему для его подхода²⁵⁸.

Во-первых, идея прозрачности ментального (transparency of the mental) или ПМ²⁵⁹. Согласно данной идее, фундаментальная природа нашего опыта доступна

²⁵⁵ При написании данной части параграфа использовались переработанные и дополненные материалы уже опубликованной статьи: Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. Т. 23. № 2. С. 91–102.

²⁵⁶ Strawson G. Panpsychism? : Reply to commentators with a celebration of Descartes // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10-11. P. 184–280; Strawson G. Realistic Monism P. 3; Strawson G. Mind and Being: The Primacy of Panpsychism. P. 75

²⁵⁷ Goff P. Experiences don't sum // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10–11. P. 53–61.

²⁵⁸ Ibid. P. 53.

²⁵⁹ Ibid. P. 55.

нам на том основании, что мы этим опытом обладаем. Это означает, что наиболее фундаментальные факты о метафизическом устройстве реальности доступны нам самым непосредственным образом. Если природа опыта доступна нам непосредственно, то мы не можем ошибаться в анализе комбинации, а значит комбинаторная проблема актуальна. Поэтому в свою версию аргументации в пользу комбинаторной проблемы Гофф добавляет два тезиса²⁶⁰:

1. *Принцип прозрачной мыслимости* (Transparency Conceivability Principle) – Для любой пропозиции Р, если (а) Р включает только кванторы и предикаты, выражающие прозрачные понятия, (б) Р мыслится истинным при идеальном размышлении, то метафизически возможно, что Р истинно.

2. *Ментальные понятия прозрачны* в указанном выше смысле²⁶¹.

Во-вторых, идея фундаментальности не только опыта, но и субъективности²⁶². Стросон полагает, что не существует никакого онтологического различия между субъектом опыта и самим опытом, поскольку не может быть опыта без субъекта, и не может быть субъекта без опыта²⁶³. Принятие этих тезисов в контексте панпсихизма вынуждает признать, что панпсихизм сталкивается с комбинаторной проблемой. Из структуры проблемы следуют несколько вариантов ее решения. Во-первых, избежать проблемы комбинации, отрицая существование фундаментальных субъектов, как это делает С. Коулман.

²⁶⁰ Goff P. *Consciousness and Fundamental Reality*. P. 96.

²⁶¹ П. Базиль в схожем рассуждении высказывает точку зрения, что комбинаторная проблема возникает из несочетаемости трех компонентов. Во-первых, *феноменальный эссенциализм* – это точка зрения, согласно которой существование опыта приравнивается к переживанию этого опыта. Иными словами, то, чем является красный цвет «сам по себе» полностью исчерпывается его ощущаемой качественной характеристикой. Во-вторых, *феноменальный холизм* – это точка зрения, согласно которой в пределах одного целостного опыта одного субъекта, природа одного переживания, входящего в этот опыт, в основном определяется другими переживаниями, происходящими вместе с ним. В-третьих, *принцип разделения* (the sharing principle) – это точка зрения, согласно которой одно и то же переживание может ощущаться двумя различными чувствующими субъектами. Третье положение, с точки зрения Базиля, лежит в основе идеи комбинации. В связи с несовместимостью трех тезисов, Базиль делает вывод, что комбинация является противоречивой идеей. Этот аргумент позволяет лучше понять, какие именно аспекты комбинаторной проблемы пытаются устранить авторы, предлагающие свои решения. См.: Basile P. *It Must Be True – but How Can It Be? Some Remarks on Panpsychism and Mental Composition* // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2010. Vol. 85. No. 67. P. 107.

²⁶² Strawson G. *Panpsychism?* P. 192.

²⁶³ Strawson G. *Panpsychism?* P. 224.

Этот вариант в данном контексте не рассматривается, но мы вернемся к нему далее. Во-вторых, избежать проблемы, ослабив тезис о прозрачности опыта. Это означает обращение к так называемой мистерианской стратегии.

В одной из своих работ Стросон отмечает, что хотя опыт прозрачен для нас, его природа доступна для нас не полностью, а частично²⁶⁴. Существование недоступных для нас аспектов опыта, т.н. микроопыта, объясняет его невыводимость. Поскольку обыденное представление о природе сознания следует из обыденного опыта, и поскольку обыденный опыт не может включать микроопыт, следовательно сформированное таким образом представление о комбинации субъектов принципиально неполно. Таким образом Г. Стросон отрицает прозрачность ментального и обращается к идее частичной открытости опыта (*partial revelation*), согласно которой субъекту доступны лишь определенные аспекты опыта, а опыт субъектов, его составляющих, остается для него недоступным и загадочным²⁶⁵. Стросон полагает, что иных вариантов нет, мы должны выбрать: либо реальность имеет опытную природу, либо не-опытную (*non-experiential*)²⁶⁶. При этом у нас нет оснований для выбора второго варианта и нет достаточных данных, чтобы связать опытный и не-опытный аспекты реальности. Оставаясь монистами, мы можем либо предпочесть элиминативизм, либо принимать панпсихизм²⁶⁷. Недостатки рассматриваемой мистерианской версии панпсихизма в контексте решения трудной проблемы сознания очевидны, поскольку в этом контексте нет никаких оснований отдавать предпочтение мистерианскому панпсихизму перед другими не-панпсихистскими видами мистерианства²⁶⁸, а также перед позициями, предполагающими, что загадка сознания очень сложна, но вполне вероятно может быть разрешена в будущем²⁶⁹.

²⁶⁴ Strawson G. *Realistic Monism*. P. 16.

²⁶⁵ Strawson G. *Panpsychism?* P. 252.

²⁶⁶ *Ibid.* P. 235. Стросон использует именно такой термин, вероятно, чтобы не именовать такую природу физической и не противопоставлять физические и опытные свойства.

²⁶⁷ *Ibid.* P. 246.

²⁶⁸ McGinn C. *Can We Solve the Mind-Body Problem?* // *Mind, New Series*. 1989. Vol. 98. No. 391. P. 349–366.

²⁶⁹ Nagel T. *What is it like to be a bat?* P. 435.

Критикуя Стросона, Гофф предлагает другой способ применить мистерианскую стратегию к решению комбинаторной проблемы²⁷⁰. Согласно этой точке зрения, субъект не может постичь природу комбинации составляющих его субъектов, поскольку ему не доступна природа отношений между ними, которые Гофф именует *отношения феноменального связывания* (phenomenal bonding). Он указывает на то, что некоторые физические отношения (пространственно-временные или каузальные) имеют свою собственную внутреннюю природу, которая не сводится к внутренним свойствам самих субъектов отношений. Аналогичным образом, с его точки зрения, может быть решена проблема с опытом²⁷¹. Субъекты, связанные такими отношениями, могут конституировать единое сознание. Согласно этой позиции, если бы мы могли познать внутреннюю природу связи, которая соединяет частицы в нашем мозгу, мы бы увидели, что существование субъектов, находящихся в таких связях, действительно влечет за собой существование нашего сознания. Таким образом, Гофф полагает, что недоступность для нас внутренней природы этих отношений является причиной, по которой комбинация субъектов кажется проблематичной.

На первый взгляд, ничто не указывает на недопустимость такой стратегии. Мы просто предполагаем, что существует *свойство, достаточное для объяснения сознания*. Предположение о существовании такого свойства блокирует аргумент от мыслимости, поскольку не позволяет дать достаточное описание для того, чтобы помыслить альтернативное положение дел. Однако, до этого мы уже постулировали существование фундаментальных свойств нового типа и теперь постулируем дополнительные свойства, чтобы решить новые возникающие проблемы. С учетом принципа экономии постулирования аргументы в пользу существования такого свойства привести достаточно сложно. Чем больше

²⁷⁰ Гофф излагает комбинаторную проблему в несколько специфической форме, сохраняя при этом ее суть: Существование группы субъектов опыта, S1...SN обладающих определенными феноменальными свойствами, никогда не влечет с необходимостью существования субъекта опыта T, такого что то, каково это – быть T, отличается от того, каково это – быть любым из S1...SN (Goff P. Can the panpsychist get around the combination problem? // *Mind that abides: Panpsychism in the New Millenium* / Ed. by D. Skrbina. Amsterdam: Benjamins. 2009. P. 130).

²⁷¹ Goff P. Can the panpsychist get around the combination problem?. P. 135.

вводятся других типов сознательных свойств и отношений, тем дальше теория оказывается от экономного решения проблем сознания и комбинаторной проблемы. Кроме того, этот подход разделяет также и общий недостаток мистерианских стратегий. Они делают вывод от низкоуровневых свойств к высокоуровневым ненадежным и предлагают решения, которые не могут соперничать с более простыми ответами на трудную проблему сознания. Мистерианство может применяться не только к конкретным свойствам или отношениям, но и к объяснению перехода от фундаментальных свойств к макросвойствам. В этом смысле одной из разновидностей мистерианских подходов является эмерджентизм. Поскольку эмерджентные подходы представляют собой большую группу различных теорий, они заслуживают отдельного рассмотрения.

2.2.2. Эмерджентизм как решение трудной и комбинаторной проблем

Второй вариант ухода от проблем конститутивного панпсихизма связан с отказом от самой идеи комбинации. Некомбинаторный панпсихизм отрицает, что макросубъекты возникают в результате комбинации микросубъектов. Вероятно, единственным актуальным подходом такого типа является эмерджентизм. Прежде, чем перейти к рассмотрению эмерджентного панпсихизма, необходимо кратко рассмотреть эмерджентистские подходы в целом. Эмерджентными называют новые макросвойства, возникающие в системе. Однако способ определения новизны свойств значительно отличается в различных видах эмерджентизма. В современной дискуссии общепринятым является различие между *онтологической и эпистемологической эмерджентностью*. Если эта новизна характеризуется появлением самостоятельной каузальной силы, новых законов и связана с новым онтологическим уровнем, то такую эмерджентность именуют онтологической²⁷². Если новизна обусловлена отсутствием возможности установления надежной связи между явлениями ввиду познавательных ограничений, то такую эмерджентность принято именовать эпистемологической.

²⁷² O'Connor T., Wong H.Y. The metaphysics of emergence // *Noûs*. 2005. Vol. 39. No. 4. P. 658.

Еще один способ классификации позволяет выделить сильную и слабую эмерджентность²⁷³. Чалмерс дает следующее определение. Высокоуровневое явление А сильно эмерджентно по отношению к низкоуровневому явлению В, когда явление А возникает из явления В, но истины, касающиеся явления А, *не выводимы* из истин в низкоуровневой области. Явление А слабо эмерджентно по отношению к явлению В, когда явление А возникает из явления В, но истины, касающиеся явления А, являются *неожиданными* с учетом принципов, управляющих явлениями низкого уровня. М.А. Бедо определяет слабую эмерджентность несколько иначе. Согласно его определению, слабо эмерджентные свойства, во-первых, производны от низкоуровневых свойств (или конституированы ими), а во-вторых, тем или иным образом автономны по отношению к низкоуровневым свойствам²⁷⁴. Это отличие играет существенную роль, когда речь заходит о сопоставлении двух вышеуказанных классификаций. Чаще всего, сильная эмерджентность соответствует онтологической, а слабая – эпистемологической. Однако в некоторых случаях, как например в случае подхода Бедо, слабая эмерджентность может носить онтологический характер. Это возможно, например, тогда, когда наша способность вероятностного предсказания высокоуровневых свойств из низкоуровневых связана не с устранением эмерджентности, а с вычислением этих свойств на основе математических и других научных моделей²⁷⁵. Еще один критерий классификации касается отношения свойств во времени. Новизна эмерджентного свойства может выражать отношение целого и части в одно и то же время, а может выражать отношение предшествующих причин к результату в разные моменты времени. Первый случай именуется синхроническая эмерджентность, а второй – диахроническая эмерджентность. Чаще всего, синхроническая эмерджентность имеет место в случае слабой эмерджентности, а диахроническая – в случае сильной эмерджентности.

²⁷³ Bedau M.A. Weak emergence // Philosophical perspectives. 1997. Т. 11. Р. 375.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ Ibid. Р. 394.

При сопоставлении понятий эмерджентности, редукции и супервентности можно выделить два типа эмерджентности, первый из которых совместим, по меньшей мере, с супервентностью и подвержен аргументу мыслимости. В наиболее общем смысле наличие супервентно-эмерджентного свойства E у некоторого объекта O в момент времени t предполагает, что²⁷⁶:

(1) O обладает некоторым физическим свойством P в момент времени t .

(2) необходимо, если O имеет P в момент времени t , то O имеет E в момент времени t .

Эмерджентизм, понимаемый таким образом, можно считать разновидностью нередуктивного физикализма если он полностью отрицает связь фундаментальных свойств с психическими или же разновидностью панпсихизма, если он включает протопсихические или психические свойства в перечень фундаментальных свойств.

Принципиально иной подход связан с установлением между событиями несупервентного каузального отношения. Согласно идее супервентностной эмерджентности высокоуровневые свойства реализуются на структуре низкоуровневых свойств, находящихся друг с другом в определенном отношении. Каузальный эмерджентизм предполагает, что высокоуровневые свойства являются неструктурными фундаментальными свойствами, то есть не состоят из низкоуровневых свойств и синхронически от них не зависят. С другой стороны, они зависят от низкоуровневых свойств диахронически, поскольку сторонники данного подхода настаивают на том, что низкоуровневые свойства должны предшествовать возникновению высокоуровневого свойства во времени. Таким образом, в отличие от сторонников супервентностной эмерджентности, которые рассматривают отношение эмерджентности как структурное, статическое и синхроническое, они рассматривают отношение эмерджентности как неструктурное, динамическое и диахроническое, что придает высокоуровневому свойству дополнительную степень независимости²⁷⁷. Для того, чтобы сопоставить

²⁷⁶ O'Connor T., Wong H.Y. Op. cit. P. 667.

²⁷⁷ Ibid. P. 664.

эту разновидность эмерджентности с супервентностной эмерджентностью, можно использовать данное ранее определение. Каузальный эмерджентизм сохраняет истинность тезиса (1) и отрицает тезис (2). Таким образом, для данной версии эмерджентизма возможно, что гипотетический мир, не отличающийся на уровне фундаментальных низкоуровневых свойств и законов от нашего, тем не менее, отличается в отношении его эмерджентных свойств²⁷⁸.

Несмотря на то, что наше исследование не касается эмерджентизма как такового, необходимо кратко рассмотреть перспективы эмерджентизма в решении трудной проблемы. Исходя из ранее приведенной классификации, все подходы, предполагающие решение трудной проблемы сознания «по существу», выбирают между панпсихизмом в его различных формах и эмерджентизмом. И если панпсихизм стремится устранить радикальную новизну при переходе от низкоуровневых свойств к высокоуровневым, то для эмерджентизма признание новизны, неожиданности и невыводимости высокоуровневых свойств из низкоуровневых является частью метафизики. Поэтому следует согласиться с позицией К. Фролова, который отмечает, что эмерджентный подход «не столько устраняет, сколько покрывает объяснительный разрыв»²⁷⁹. В некотором смысле, эмерджентизм делает трудную проблему частью метафизического описания мира и вышеуказанное отличие от супервентностной эмерджентности это явно демонстрирует. Поэтому использовать его как действительное решение трудной проблемы сознания в представленной здесь формулировке не представляется возможным. Еще одна трудность принятия эмерджентистского подхода связана с натуралистическим принципом непрерывного развития, на который указывают уже рассуждения Лейбница в работе «Новые опыты о человеческом разумении»²⁸⁰ (Лейбниц, 1983. С. 486). Он может быть сформулирован как выражение «природа не делает скачков» (лат. *natura non facit saltus*). Исходя из современного понимания этого принципа, возникновение новых сущностей, никак не сводимых к существовавшим ранее сущностям, признается противоречащим

²⁷⁸ Ibid. P. 667.

²⁷⁹ Фролов К.Г. Указ. соч. С. 116.

²⁸⁰ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. С. 486.

натуралистической картине мира. По крайней мере, кажется крайне удивительным и требующим особого объяснения факт, что столь незначительное изменение может повлечь значительное изменение в самой природе реальности, поскольку вселенная, в которой нет сознания, и вселенная, в которой сознание есть, отличаются кардинально.

О том, как эмерджентизм справляется с комбинаторной проблемой панпсихизма, мы поговорим далее. Необходимо кратко упомянуть об одном из предполагаемых преимуществ эмерджентизма над панпсихизмом – отсутствие произвольных постулатов в отношении фундаментального уровня реальности. Мы уже отмечали, что панпсихизм является гипотезой *ad hoc*, поскольку постулирует решение трудной проблемы, предполагая истинность условий, в которых она не возникает – фундаментальность психических свойств и психофизических законов. Из ранее представленного рассуждения о разновидностях эмерджентизма ясно, что тезисы этой группы подходов значительно отличаются друг от друга по своей силе, и некоторые эмерджентные подходы также требуют существования особых психофизических законов, которые бы регулировали возникновение высокоуровневых свойств. Психофизические законы такого рода – это тоже фундаментальные законы. Свойства, возникающие на новых онтологически независимых уровнях – это тоже фундаментальные свойства. Эмерджентизм постулирует существование разрыва менее произвольно, чем панпсихизм постулирует новые фундаментальные свойства. Но на этом преимущества эмерджентизма в данном вопросе заканчиваются. Чтобы конкретизировать этот подход, необходимо либо утверждать существование онтологических уровней, обладающих собственными законами, либо принять, что сознание фундаментально в том смысле, что оно изначально может возникнуть, например, вследствие каких-то скрытых диспозиционных свойств. В первом случае мы сталкиваемся с закреплением трудной проблемы, а не ее решением. Мы постулируем фундаментальные психофизические законы, которые постулирует и панпсихизм. Во втором случае мы сталкиваемся с определенной разновидностью панпсихизма, которую можно

назвать эмерджентный панпсихизм. Таким образом, можно заключить, что эмерджентные подходы либо совместимы с панпсихизмом в широком смысле, либо сталкиваются с не менее сложными проблемами, чем панпсихизм. Эмерджентизм, который не совместим с панпсихизмом в широком смысле не может быть принят как решение трудной проблемы, поскольку лишь закрепляет ее существование, не имея для этого каких-либо оснований, кроме самого факта существования проблемы. Кроме того, утверждение новых независимых онтологических уровней находится в опасной близости от дуалистических подходов и этим угрожает натурализму.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению эмерджентного панпсихизма. Несмотря на наличие у такого рода подходов некоторых преимуществ и значительного разнообразия вариантов, конкретные решения не дают каких-либо существенных перспектив. Если возникновение субъекта обладает свойством подлинной новизны, а сознание обладает признаком единства, то такой подход просто фиксирует комбинаторную проблему так же, как крайний эмерджентизм фиксирует трудную проблему. Слияние субъектов могло бы и не произойти при сохранении тех же условий, а значит само по себе существование субъекта не следует из набора фундаментальных свойств. Если возникновение субъекта было в некотором смысле определено на уровне законов природы или каких-то метафизических законов, то эти законы должны быть прояснены. Должна быть обоснована возможность для субъектов сливаться в единый субъект с сохранением свойства единства.

Следует, однако, признать, что эмерджентный панпсихизм действительно справляется с некоторыми проблемами крайнего эмерджентизма, делая основной тезис гораздо менее радикальным. Данный подход предполагает возникновение макросубъектов на основании микросубъектов, но считает их, тем не менее, независимыми в той или иной степени, от самой комбинации микросубъектов. Сторонники эмерджентного панпсихизма выделяют дополнительные виды эмерджентности. Например, Стросон использует термин *грубая эмерджентность*, чтобы обозначить эмерджентность ментального от

физического²⁸¹, а Сигер называет ее *радикальной эмерджентностью*²⁸². С другой стороны, эмерджентность от ментального к ментальному, с точки зрения этих подходов, не является столь существенной проблемой и потому более предпочтительна.

Один из таких подходов, на котором необходимо остановиться подробнее, предложен У. Сигером. Согласно данному подходу, причиной возникновения макросубъектов является слияние микросубъектов²⁸³. Идея Сигера основана на трех следующих положениях:

1. Ментальные свойства комбинированного ментального состояния проистекают из ментальных свойств составляющих его компонентов.

2. Комбинированное или агрегированное ментальное состояние является новым состоянием, которое «поглощает» или «вытесняет» ментальные состояния составляющих его компонентов.

3. Не существует радикальной или онтологической эмерджентности совокупного ментального состояния; скорее существует отношение между ментальными компонентами и итоговым комбинированным состоянием²⁸⁴.

На первый взгляд, этот подход действительно заимствует сильные стороны панпсихизма с одной стороны и эмерджентизма – с другой. Явным преимуществом этого подхода перед другими эмерджентными подходами является отсутствие эмерджентности от физического к ментальному. Хотя это не дает возможности сделать априорный вывод или установить отношение метафизической супервентности, концептуально такая эмерджентность гораздо менее проблематична. Столь же явным преимуществом, на этот раз перед конститутивным панпсихизмом, является отсутствие «конкуренции» между субъектами, поскольку микросубъекты и макросубъект связаны причинно-следственной, а не конститутивной связью. Когда микросубъекты сливаются в

²⁸¹ Strawson G. Panpsychism?. P. 184.

²⁸² Seager W. Consciousness, information and panpsychism. P. 272.

²⁸³ Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion. P. 179.; Seager W. Panpsychist infusion. P. 229.

²⁸⁴ Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion. P. 179.

единый субъект, они прекращают свое собственное независимое существование и этот процесс должен послужить для обоснования существования макросубъекта.

Однако действительно ли возможно совместить данные тезисы в рамках одного подхода? При детальном рассмотрении данных положений обнаруживаются более существенные проблемы. Рассматривая отношения между частями и целым, Сигер говорит не о супервентности или основании, не о конституции или тождестве, а о проистечении (stem). Термин “проистечение” трактуется максимально широко, поэтому достаточно сложно установить роль такого отношения в дальнейшем объяснении сознания. Это же касается и термина “слияние”, которое также использует Сигер. Оно позволяет осмыслить возникновение новых субъектов лишь в виде общих формулировок. Конкретный механизм слияния субъектов остается под вопросом. Сигер приводит в качестве примера новых эмерджентных объектов квантовую запутанность и возникновение черной дыры²⁸⁵, однако эти примеры далеки как от интуитивного понимания, так и от ментальных свойств. Это замечание особенно актуально в связи с тем, что никакого слияния в физическом смысле в мозге зафиксировано не было. Поэтому уместность такой аналогии и ее связь с образованием единого сознания обосновать не менее сложно, чем саму гипотезу Сигера. Также требуют пояснения такие термины как *поглощение* и *вытеснение*, которые крайне важны для того, чтобы понять какое место данный подход занимает между среди других подходов. Должен быть предложен достаточно конкретный механизм, с помощью которого макросубъект делает невозможным сохранение микросубъектов²⁸⁶. Это важно потому, что Сигер утверждает наличие диахронической причинно-следственной связи между микро-сознаниями и макро-сознанием²⁸⁷. Как было показано ранее, это является одной из характеристик онтологической эмерджентности, которую Сигер пытается избежать. Судя по всему, Сигер

²⁸⁵ Seager W. Panpsychist infusion. P. 238.

²⁸⁶ Мы вернемся к данному вопросу при обсуждении теории интегрированной информации в следующей главе. Данный подход считается разновидностью эмерджентного панпротопсихизма среди когнитивных теорий сознания. Здесь мы не рассматриваем данный подход, поскольку он не является метафизической теорией в полном смысле.

²⁸⁷ Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion. P. 181.

предъявляет завышенные требования к тому, что можно было бы назвать онтологической эмерджентностью, которую он отождествляет с радикальной. Это подтверждается следующей формулировкой: «(з)десь нет радикальной эмерджентности, но, тем не менее, имеет место создание новой сущности»²⁸⁸. С учетом ранее сказанного, в высшей степени спорно, что создание новой сущности, происходящее диахронически не является онтологической эмерджентностью в том смысле, в котором это понятие обычно используется²⁸⁹. Таким образом, Сигер оспаривает тезис (SC3) комбинаторной проблемы, но не приводит достаточно убедительные доводы в пользу своей позиции. Решение проблемы (SC1) в случае его подхода не требуется. И даже если полагать, что здесь он достигает цели, то проблема (SC2) все еще не устраняется, а значит данный подход не имеет преимуществ перед не-панпсихистскими решениями трудной проблемы²⁹⁰.

2.2.3. Элиминативизм и ослабление требований к субъективности как решения комбинаторной проблемы

Несмотря на то, что большинство сторонников панпсихизма сходятся в том, что субъективный опыт в его единстве должен обладать собственным объяснением, некоторые авторы полагают, что требования к единству субъекта, предъявляемые комбинаторной проблемой, слишком сильны. Далее будут рассмотрены некоторые варианты этой точки зрения. Например, Б. Монтеро полагает, что комбинаторная проблема не так уж серьезна, а сообщества людей, вопреки аргументации Джеймса, являются примером успешной комбинации²⁹¹.

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ По мнению Сигера, если истинен расселианский монизм, то ментальные свойства в ходе слияния должны «затенять» физические свойства и обладать главенствующей ролью. (Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion. P. 181.)

²⁹⁰ При написании данной части параграфа использовались переработанные и дополненные материалы уже опубликованной статьи: Сысоев М. С. Эмерджентизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/emerdzhentizm-2a3346/?v=6854058> (дата обращения: 24.01.2024).

²⁹¹ Montero B. What combination problem? // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 215. Более

Даже не беря во внимание тот факт, что за этим тезисом нет никакой серьезной аргументации, можно заметить, что он предполагает совершенно иные представления о сознании, чем приняты в рассматриваемой дискуссии и зафиксированы в данной работе. В этом случае единый субъект сознания подменяется более слабым понятием, что предполагает определенную разновидность элиминативизма. Кроме того, сторонникам этой идеи необходимо объяснить каким образом происходит остановка комбинации субъектов. Это порождает так называемую проблему границы, согласно которой комбинация в конечном итоге приводит к «единому гигантскому субъекту»²⁹². Если существует космос-субъект, то он «...изгоняет индивидов среднего уровня из существования»²⁹³. Кроме того, этот подход в отсутствие необходимых подробностей может предполагать отношения единства между субъектами, которые явно не обладают никаким общим сознанием²⁹⁴.

Еще одно решение проблемы комбинации субъектов, использующее частичный отказ от субъективности – это панпротопсихизм. Конкретные реализации панпротопсихизма зависят от того, что принимается в качестве протопсихического свойства. Мы рассмотрим следующие варианты протопсихических свойств: квалиа, нейтральные свойства, информация и нестандартные физические свойства.

Панквалитизм может предполагать несколько стратегий решения проблемы комбинации субъектов. Основная и наиболее прямая стратегия заключается в том, чтобы отказаться от субъективности на уровне фундаментальных свойств и обратиться к понятию неосознаваемых квалиа. Существует несколько способов, которыми квалиа будут встроены в метафизическую картину: через отождествление с фундаментальными

содержательное развитие этой идеи, основанное на расширенном понятии единства сознания даёт Л. Ролофс: Roelofs L. Op. cit. P. 3199.

²⁹² Chalmers D.J. The Combination Problem for Panpsychism. P. 201. Еще о проблеме границы см.: Rosenberg G. Op. cit. P. 88, а также комментарий к этой работе: Dainton B. Review of «Consciousness and Its Place in Nature» // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. No. 83. P. 238–261.

²⁹³ Rosenberg G. Op. cit. P. 88.

²⁹⁴ Dainton B. Review of «Consciousness and Its Place in Nature». P. 257.

свойствами, через добавление квалитативных свойств в общий список фундаментальных свойств или же через отождествление квалитативных свойств со внутренними свойствами в форме расселианского монизма. Для того, чтобы считать эту стратегию удачной, необходимо принять также, что квалиа существуют независимо от сознания, а также то, что они даны нам в опыте. Эти два аспекта являются основными причинами для критики подходов такого типа²⁹⁵.

В данном направлении развивает свой подход С. Коулман²⁹⁶. Как и Гофф, он делает упор на отношения между фундаментальными сущностями, однако, в отличие от Гоффа, он полагает, что основная проблема конститутивного панпсихизма заключается в допущении того, что фундаментальные сущности являются субъектами. Он пытается выстроить концепцию «ментальной химии» (mental chemistry), то есть описания того, как квалиа комбинируются и формируют субъектов. Субъекты в таком подходе имеют композиционную структуру, складываются из отдельных квалиа, и лишь в таком «комбинированном» виде квалиа становятся доступны тому субъекту, которого они сформировали.

Хотя панквалитизм явно решает проблему с переизбытком феноменальных субъектов на фундаментальном уровне, однако все еще оставляет открытым вопрос о том, как именно квалитативные свойства становятся единым целым и образуют субъективность. Возникновение субъекта – это важнейший аспект проблемы сознания. Механизм, приводящий к возникновению единого субъекта из множества разрозненных квалиа должен быть проговорен особым образом, поскольку он не является самоочевидным. Сторонники такого подхода должны либо объяснить в чем заключается такой механизм, либо утверждать, что феноменальный субъект является простой совокупностью квалиа²⁹⁷. Как справедливо отмечает М. Бламауэр, в случае первого варианта данный подход является разновидностью эмерджентизма, хоть и в более слабой версии, чем

²⁹⁵ Tye M. Qualia // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/qualia/> (дата обращения: 24.02.2023).

²⁹⁶ Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism. P. 249.

²⁹⁷ Chalmers D.J. The Combination Problem for panpsychism. P. 204.

эмерджентный панпсихизм. Второй вариант, то есть отказ от единства субъекта, с его точки зрения, является не решением трудной проблемы, а просто отказом от того, что необходимо было объяснить²⁹⁸. С учетом понятия сознания, которое мы используем в данной работе, с такой характеристикой можно согласиться. Несмотря на все эти недостатки, панквалитизм является наименее проблематичной формой панпсихизма из всех, рассмотренных на данный момент. Хотя этот подход делает проблематичным тезис о единстве сознания, он обладает определенными перспективами в решении комбинаторной проблемы. По крайней мере, если сторонникам этого подхода удастся объяснить, как осуществляется переход от бессубъектных квалиа к субъективности.

Следующая концепция, предлагающая свою трактовку протопсихических свойств – это **нейтральный монизм**. Нейтральные свойства или нейтральные сущности, исходя из самого названия, нельзя назвать физическими или психическими. Л. Штубенберг выделяет следующие разновидности данного подхода²⁹⁹:

1. Ни то, ни другое: Базовая сущность нейтральна, если она по своей природе не является ни психической, ни физической.
2. Актуальная составляющая: Базовая сущность нейтральна, если она является частью и физических, и психических не-базовых сущностей.
3. Возможная составляющая: Базовая сущность нейтральна, если она может быть частью и физических, и психических не-базовых сущностей
4. Закон: Базовая сущность нейтральна, если к ней одновременно применимы психические и физические законы.
5. И то, и другое: Базовая сущность нейтральна, если она по своей природе и психическая, и физическая.

Основной характеристикой традиционных версий нейтрального монизма является тезис 1, но отдельные положения теорий могут предполагать дополнительные суждения или даже исключать первый тезис. Далее мы будем

²⁹⁸ Blamauer M. Panpsychism without Subjectivity? A Brief Commentary on Sam Coleman's 'Mental Chemistry' and 'The Real Combination Problem' // Disputatio. 2013. Vol. V. No. 37. P. 308.

²⁹⁹ Штубенберг Л. Нейтральный монизм.

рассматривать нейтральные свойства согласно первому тезису. Очевидной проблемой данного типа теорий является то, что о нейтральных свойствах достаточно сложно сказать что-то конкретное, кроме того, что они не являются ни физическими, ни психическими. Почему понятие нейтрального свойства объясняет сознание лучше, чем понятие протопсихического свойства? Предполагается, что нейтральные свойства могут проявлять себя и как физические и как психические в зависимости от контекста и отношений, в которых они оказываются. Такое решение должно обеспечить непрерывный переход от физических свойств к психическим. Исходя из самого определения нейтральных свойств, между разными их проявлениями или аспектами не существует метафизического разрыва. И хотя собственно психические и физические свойства в этом подходе все еще отличаются, обеспечивая своего рода дуализм проявляемых свойств, конституирующие их протофизические и протопсихические свойства совпадают на фундаментальном уровне, поскольку роль прото-свойств в обоих случаях играют одни и те же нейтральные свойства. Подобный подход мы можем обнаружить уже в концепции Б. Спинозы, затем у Э. Маха, У. Джеймса, Б. Рассела, а в настоящее время – у Т. Нагеля³⁰⁰.

Следует заметить, что фундаментальные свойства в таких подходах, несмотря на заявляемую характеристику, не всегда являются однозначно нейтральными. Дело в том, что нам достаточно сложно представить себе субстанцию, которая была бы в подлинном смысле нейтральна по отношению к ментальным и физическим свойствам. Нейтральные свойства являются исключительно умозрительной конструкцией, что уместно, например для рационалиста Б. Спинозы³⁰¹, однако плохо представимо в эмпирически ориентированных подходах, таких как современный натурализм. Вовсе не обязательно, что при этом будет обеспечена полная нейтральность, и, вполне

³⁰⁰ Coleman S. The Evolution of Nagel's Panpsychism. P. 180.

³⁰¹ Стубенберг Л. Нейтральный монизм.

ожидаемо, что один из типов свойств может иметь большее значение³⁰². Данное решение в его общей философской форме не предполагает, что мы понимаем, *о каком именно нейтральном свойстве идет речь*. Подход лишь утверждает, что такое свойство может существовать. Лучший способ сохранить нейтральность, который существует на данный момент – это утверждать, что природа таких свойств нам не доступна. В этом случае подход становится разновидностью мистерианской стратегии. Об этом типе панпротопсихизма будет сказано далее. При такой стратегии оказывается, что нейтральные свойства не менее загадочны, чем гипотетические протопсихические свойства. Объяснение загадочных свойств сознания через введение еще более загадочных нейтральных свойств нельзя признать экономным решением.

Если гипотеза о существовании нейтральных свойств верна, то как именно нейтральность могла бы выражаться в естественнонаучном описании реальности? Вероятно, в этом случае физические и ментальные свойства имели бы тенденцию к сближению по мере упрощения от макросвойств к микросвойствам, либо имелось такое явление, в котором физическое и ментальное являются проявлениями общей нейтральной сущности. Однако ни то ни другое в действительности не наблюдается. Предполагать наличие такой тенденции, означало бы вводить богатую онтологию для феноменального сознания и обосновывать нейтральный монизм через панпсихизм. При отсутствии иных вариантов остаётся выбрать либо физические, либо ментальные свойства, или же ввести новый конкретный тип свойства, показав его сходство и принципиальные отличия от двух других. В этом случае подход вполне может быть признан перспективным решением. Поэтому, с нашей точки зрения, рассматривать нейтральный монизм как разновидность панпротопсихизма в отрыве от конкретных кандидатов на роль фундаментальных свойств не более продуктивно, чем говорить о протопсихическом свойстве вообще. Далее мы рассмотрим один

³⁰² Наиболее яркий пример – это расселианский монизм, который стал развитием нейтрального монизма в XX в. Чаще всего, в рамках данного подхода психические или протопсихические свойства играют роль внутренних свойств.

из возможных кандидатов на роль нейтрального свойства при рассмотрении информационного панпротопсихизма.

В некотором смысле разновидностью панпротопсихизма можно считать расширенную версию физикализма расселианского типа. Сторонников такого подхода объединяет с панпсихистами общая идея, которую можно сформулировать так: *физикализм нуждается в расширении перечня фундаментальных свойств, по меньшей мере некоторые из которых будут являться протопсихическими и, в некотором широком смысле, нейтральными*³⁰³. Необычным свойством данного подхода является то, что он может с развитием науки так и остаться физикализмом, а может трансформироваться в другие концепции: в нейтральный монизм или панпсихизм. Данный подход может быть отнесен к разновидности панпротопсихизма, поскольку предполагает существование протопсихического свойства, которое не является физическим в смысле современной физической науки. Например, Д. Столяр полагает, что решить трудную проблему может концепция, которую он именует нестандартный материализм³⁰⁴. Нестандартный материализм, в отличие от стандартного, не требует, чтобы фундаментальные свойства были стандартными физическими свойствами. Существует два способа, которыми мы можем определить нестандартное физическое свойство, которые Столяр называет стратегией Нагеля и стратегией Рассела³⁰⁵.

Стратегия Нагеля противопоставляет:

А. физические теории, которые мы имеем в настоящее время,

³⁰³ Pereboom D. The material constitution of phenomenal consciousness; Stoljar D. Panpsychism and non-standard materialism: Some comparative remarks.

³⁰⁴ Столяр использует несколько определений, важных для понимания его идеи: 1. *Стандартное физическое свойство*: свойство, которое выражается физическими теориями, которые мы имеем в настоящее время. 2. *Стандартный материализм*: материализм, в котором все инстанцированные фундаментальные свойства являются стандартными физическими свойствами. 3. *Стандартное психологическое свойство*: свойство такого рода, которое выражается в «теориях» народной психологии (например, ощущение зуда в пальце ноги, видение чашки, вера в то, что снег белый). 4. *Нестандартный материализм*: материализм, в котором все инстанцированные фундаментальные свойства являются либо стандартными физическими свойствами, либо нестандартными физическими свойствами.

³⁰⁵ Stoljar D. Panpsychism and non-standard materialism. P. 223.

В. физическим теориям, которые мы будем (или могли бы) иметь в будущем, в идеале.

Если мы предположим, что теории, которые у нас есть в настоящее время, либо не верны, либо не полны, то существует разница между свойствами, выраженными текущими теориями (т.е. стандартными физическими свойствами), и свойствами, выраженными идеальными теориями (т.е. нестандартные физические свойства).

Стратегия Рассела предполагает, что:

А. стандартные физические свойства являются структурными или диспозиционными свойствами,

В. должны существовать неструктурные (или недиспозиционные) свойства, которые обосновывают стандартные свойства.

Если мы предположим, что эти неструктурные свойства не выражаются физическими теориями того типа, который мы имеем в настоящее время, у нас есть различие между структурными свойствами, выраженными этими теориями (т.е. стандартными физическими свойствами), и неструктурными свойствами, которые обосновывают такие свойства (т.е. нестандартные физические свойства).

С точки зрения Столяра, нестандартный материализм изначально не сталкивается с аргументом мыслимости. Причина в том, что наше эпистемическое отношение к нестандартным свойствам (либо в расселловской, либо в нагелевской версии нестандартного материализма) совершенно не похоже на наше эпистемическое отношение к стандартным свойствам; в частности, хотя мы можем описать нестандартные свойства, мы не знаем, что это такое, и поскольку мы не знаем, что это такое, мы не можем рассуждать о них так, как того требует аргумент о мыслимости. В настоящее время, насколько нам известно, в физической науке нет ни одного кандидата на роль такого свойства, и нет общепризнанных эмпирических оснований предполагать его существование. Однако это не является принципиальной проблемой для данного подхода, поскольку в качестве таких свойств рассматриваются внутренние физические свойства, которые скрыты от непосредственного эмпирического познания. Таким

образом, Столяр предлагает мистерианскую стратегию для уклонения от проблемы мыслимости. Такой подход в рамках нашей классификации можно назвать *мистерианским панпротопсихизмом*.

Несомненным преимуществом этого подхода является то, что он позволяет остаться в рамках, хоть и расширенного, но все еще физического описания реальности. Однако это не помогает устранить неопределенность такого внутреннего свойства здесь и сейчас, и, что более важно, не помогает обрести уверенность в том, что такая неопределенность будет устранена в будущем. Не определив это свойство с достаточной ясностью, мы не сможем обеспечить объяснение макросвойств. Поэтому успешность данного подхода сильно зависит от того, что именно будет обнаружено эмпирическими наблюдениями. Данное решение базируется на вполне обоснованном предположении о будущих существенных переменах в науке, которые могли бы помочь каким-то образом объяснить сознание. В следующей главе мы вернемся к вопросу о перспективности такого подхода.

Еще один способ раскрыть понятие протопсихического свойства предлагают информационные подходы. Некоторые из информационных решений можно рассматривать как развитие идей нейтрального монизма, некоторые больше тяготеют к расширенному физикализму, некоторые – к функционализму. С точки зрения таких подходов протопсихическим свойством является информация или некоторое связанное с информацией свойство. На первый взгляд, информационные подходы являются не менее перспективным направлением развития панпротопсихизма, поскольку предлагают в качестве протопсихического свойства достаточно конкретное свойство, которое в тоже время тесным образом связано с сознанием, но не является одним из ментальных свойств.

2.2.4. Проблемы информационного панпротопсихизма

В данном параграфе мы рассмотрим проблемы, возникающие для информационного панпротопсихизма. Для этого мы кратко охарактеризуем три основных натуралистических информационных подхода: информационные

подходы Д.И. Дубровского³⁰⁶ и Д. Чалмерса³⁰⁷ и теория интегрированной информации Д. Тонони³⁰⁸. В отличие от двух остальных, подход Дубровского не является панпротопсихизмом ни по своей сути, ни по задумке автора. Однако рассмотрение его будет полезно для всестороннего анализа, поскольку некоторые проблемы, возникающие перед информационным панпротопсихизмом, характерны для информационных подходов в целом. Прежде чем перейти к рассмотрению данных позиций, рассмотрим их общие предпосылки и требования, которым они должны соответствовать.

Информационные подходы основаны, на наш взгляд, на следующих предпосылках:

1) Исходя из нашего обыденного опыта ясно, что, *по крайней мере в некоторых случаях, наличие информации в физической системе связано с существованием сознания*. Когда мы осознанно думаем о чем-то, то на вопрос «есть ли у нас хоть какая-то информация об этом объекте?» можно смело ответить утвердительно. По меньшей мере, с точки зрения натуралистических подходов, всегда, когда в физической системе есть сознание, в ней есть какая-то информация, которая некоторым образом связана с осознаваемым содержанием. Поэтому крайне сложно спорить с тем, что некоторая связь между сознанием и информацией имеет место. Однако эта предпосылка обязывает сторонников данного подхода прояснить более конкретно в чем заключается такая связь.

2) *Информация существует независимо от человеческого сознания в том смысле, что наличие какой-то информации может рассматриваться как объективное свойство физического объекта, на котором она зафиксирована*. Предположим, что сознание каким-то образом конституировано информацией (например, в мозге). Кажется абсурдным предположение, что существование сознания может зависеть от какого-то стороннего наблюдателя. При этом Д. Сёрл критикует информационные подходы, в том числе на том основании, что

³⁰⁶ Дубровский Д.И. Указ. соч.

³⁰⁷ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 376.

³⁰⁸ Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto. P. 216–242.

информация относительна и зависит от наблюдателя, в отличие от сознания³⁰⁹. Может ли информация, находящаяся в какой-то системе, быть независимой от наблюдателя? Для прояснения этого вопроса подойдет различие, введенное П. Грайсом, и использованное Г. Пичинини и А. Скарантино³¹⁰. Они предлагают различать *естественную* и *неестественную* информацию. Например, характерный кашель несёт естественную информацию об определённом заболевании, передающемся воздушно-капельным путём, в силу наличия каузальной связи и достоверной физической корреляции между данным заболеванием и кашлем. Горящая надпись «занято» над дверью кабинета несет неестественную информацию о том, что в кабинете находится пациент. Возражение Сёрла по поводу зависимости от наблюдателя справедливо для информации второго типа, поскольку каузальная связь или достоверная корреляция между загорающейся табличкой и нахождением пациента в кабинете отсутствуют, это всего лишь *условное* обозначение. С одной стороны, чтобы информация, имеющая место в обоих случаях, могла стать частью какого-то знания, необходим наблюдатель, который как-то проинтерпретирует эту информацию. Нас же интересует совсем иной вопрос: *а есть ли какая-то информация до участия наблюдателя?* Хотя загорающийся сигнал «занято» может воздействовать на окружение, например, спугнуть животное или осветить противоположную стену, но его воздействие никак не будет связано с нахождением пациента в кабинете: только существо, установившее или знающее данное обозначение, может распознать этот информационный сигнал. Во втором случае – всё иначе. Характерный для определённой болезни кашель – это вполне конкретное физическое явление, которое имеет своей причиной саму болезнь и может повлечь какие-то последствия, связанные с ней, даже при отсутствии наблюдателей. Например, этот кашель может быть заразным, что вызовет ту же болезнь у кого-то еще. Иными словами, то, что обозначает естественная

³⁰⁹ Searle J. Can information theory explain consciousness? // New York Review of Books. 2013. Vol. 60. P. 30.

³¹⁰ Piccinini G., Scarantino A. Information processing, computation, and cognition // Journal of biological physics. 2011. Vol. 37. P. 21.

информация задаётся законами природы и предшествовавшими естественными событиями, а то, что обозначает неестественная информация задаётся разумными агентами.

Таким образом, если мы принимаем данную позицию, то существуют примеры информации, существование которой не зависит от наблюдателя. Однако, если мы предполагаем, что сознание конституируется информацией или тождественно некоторым информационным состояниям, то такая информация должна быть с необходимостью доступна самому сознающему субъекту. Вышеуказанным рассуждениям это не противоречит, поскольку субъективная информация может быть объективна в смысле её реальности. Об этой особенности понятия «субъективности» мы уже говорили в первой главе.

3) *Информация – это данные, имеющие конкретную физическую реализацию.* Этот тезис более детально раскрывает предшествующий пункт, однако обладает самостоятельным значением. Информационные подходы должны рассматривать информацию как набор свойств или состояний системы, с которыми можно выполнять операции по сохранению, передаче, приему, то есть как данные. Следует заметить, что данные являются нейтральными относительно того, на чем они реализуются³¹¹. То есть информационные подходы не требуют какой-то конкретной метафизической основы: физикализма, идеализма и т.д. Поэтому то, что подход является натуралистическим необходимо обосновывать и устанавливать отдельно.

4) *Информация может рассматриваться как более фундаментальное свойство, чем свойства самого сознания.* Здесь возможны два варианта: либо предполагается, что информация может быть сама объяснена и понята лучше, чем сознание, как в случае подхода Д.И. Дубровского, либо она вовсе не требует редуктивного объяснения, поскольку сама является фундаментальным свойством,

³¹¹ Floridi L. Philosophical conceptions of information // Formal theories of information: From Shannon to semantic information theory and general concepts of information. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2009. P. 19.

как в случае подхода Д. Чалмерса и теории интегрированной информации³¹². Оба варианта данного тезиса требуют обоснования в рамках конкретного информационного подхода.

5) *Существует понятие информации, подходящее для построения информационного подхода.* Данное допущение информационных подходов является одним из наиболее очевидных и проблематичных. Любой информационный подход должен либо полагаться на какое-то общепризнанное определение информации, либо содержать хорошее обоснование для используемого более специфического определения. На наш взгляд, на этом пути возникают несколько существенных препятствий, не позволяющих выработать общее определение информации. Ключевое различие возникает между синтаксическим и семантическим понятиями информации. Синтаксический подход был предложен К. Шенноном для теории передачи информации: информация, согласно упрощенной форме его определения, соответствует специфике некоторого состояния в пространстве различных возможностей³¹³. Поэтому то, что не выражает собой какого-либо различия, не является информацией. Именно поэтому фундаментальной единицей информации является «бит», который отображает выбор между двумя возможностями: 0 или 1. Этот подход может быть назван синтаксическим потому, что он никак не учитывает семантику (содержание) информации, для него важен лишь параметр количества информации, который отображает степень снижения неопределённости. Если нет неопределённости относительно того, какое значение принимает переменная, то выбор этого значения не генерирует никакой информации³¹⁴. Кроме того, количество бит никак не отображает само содержание, а при передаче – не

³¹² Здесь существует проблематичная для натурализма альтернатива, которую следует избегать: информация может быть определена как наиболее фундаментальное свойство. Как пишут Г. Пичинини и А. Скарантино: «Физическая информация может быть обобщена до такой степени, что каждое состояние физической системы определяется как состояние, несущее информацию. Учитывая это всеобъемлющее понятие, можно утверждать, что физический мир на самом фундаментальном уровне состоит из информации» (Piccinini G., Scarantino A. Op.Cit. P. 25).

³¹³ Shannon C. E. A mathematical theory of communication // The Bell system technical journal. 1948. Vol. 27. No. 3. P. 379–423.

³¹⁴ Piccinini G., Scarantino A. Op. cit. P. 18.

отображает сообщение. Два совершенно разных сообщения, несущие 10 бит информации, будут равнозначны с этой точки зрения. Семантические определения информации акцентируют внимание на совсем иных свойствах и могут значительно отличаться друг от друга по существенным для теории сознания критериям. Один из первых семантических подходов к информации был предложен Р. Карнапом и Й. Бар-Хиллелом³¹⁵. Их теория была разработана с целью выработать основу для подсчета количества семантической информации, закодированной в предложении на определенном языке. Согласно данному подходу, количество семантической информации, закодированной в предложении, обратно пропорционально вероятности истинности этого предложения. Несмотря на то, что этот подход является семантическим, он не описывает содержание с точки зрения его качественных характеристик. Кроме того, в таком подходе информация не является фактической, то есть может быть информация, которая не является истинной. Некоторые авторы, напротив, предлагают подходы, которые берут фактичность информации за основу. Например, Ф. Дретске предложил семантическое определение информации, которое в дополнение к количественному измерению вводит условие истинности сообщения и условие связи между истинностью сообщения и количеством информации³¹⁶. Таким образом, информация становится не просто мерой изменения неопределённости или синтаксическим описанием системы, а конкретной информацией *о чем-то*. Дретске обращает внимание на то, что его подход и подход Шеннона не связаны напрямую с каузальными отношениями, потому что каузальная связь может иметь место и без передачи информации, если, например, передаваемая информация уже известна или если агент не может

³¹⁵ Carnap R., Bar-Hillel Y. An outline of a theory of semantic information. Cambridge: MIT, 1952. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/4821> (дата обращения: 24.02.2023).

³¹⁶ Дретске даёт следующие критерии: (A) Сигнал несет столько информации о *s*, сколько было бы сгенерировано тем, что *s* является *F*, (B) *s* есть *F*, (C) Количество информации, которую сигнал несет о *s*, является количеством, сгенерированным тем, что *s* является *F* (а не, скажем, тем, что *s* является *G*) либо включает это количество в себя (Dretske F.I. Knowledge and the Flow of Information. Stanford, CA: MIT Press, 1981. P. 63).

воспринять информацию³¹⁷. В таких случаях можно сказать, что была каузальная связь, но не было коммуникации. Кроме того, Л. Флориди в своём подходе указывает на наличие трёх критериев у семантически понимаемой информации: данные, синтаксическая форма и наличие смысла. Он предлагает различать информативность вообще и семантическую информацию в сильном смысле³¹⁸. Это различие позволяет утверждать, что ложное высказывание может быть информативным, но оно не может являться семантической информацией в сильном смысле. Таким образом, не существует общепринятого определения информации и выбор конкретного определения требует веских оснований.

Все вышеперечисленные предпосылки должны сопровождаться каким-то обоснованием, встроенным в информационный подход. При этом мы можем особенно выделить два общих критерия, без учета которых подход в принципе не может быть сформулирован. Эти критерии, с нашей точки зрения, являются простой детализацией очевидных требования к ясности любой теории:

(1) *Критерий ясности понятия.* Применяя понятие информации для объяснения сознания, необходимо дать ему достаточно четкое определение или, по крайней мере, через отдельные описания ограничить многозначность этого термина до минимального количества схожих значений.

(2) *Критерий ясности отношения между понятиями.* Теория должна содержать исчерпывающее описание того, каким именно образом соотносятся понятия информации и сознания. Предполагается, что такое отношение будет каким-то образом помогать объяснить сознание. Например, сознание может быть признано тождественным информации определенного рода или же будет связано с ней каузально. По меньшей мере, сознание должно быть супервентно на предложенных информационных свойствах. Теперь перейдём непосредственно к рассмотрению конкретных информационных подходов.

³¹⁷ Следует заметить, что это принципиально разные случаи. В одной ситуации агент уже обладает информацией, содержащейся в сообщении, и, даже получив сообщение полностью, он не извлечёт из него никакой новизны, а значит, это не будет информацией для него. В другой ситуации агент получает сообщение, в котором есть новизна и информация, но он, по тем или иным причинам, не в состоянии её расшифровать или воспринять.

³¹⁸ Floridi L. Op cit. P. 36.

Подход Д. Чалмерса, изложенный им в работе «Сознающий ум»³¹⁹ является скорее общим проектом решения проблемы сознания, чем полноценной теорией, но он содержит определённые положения, достаточные для анализа. Чалмерс указывает на то, что понимает информацию синтаксически, используя для определения информации подход К. Шеннона. Как уже ясно из предшествующих пояснений, применение шенноновского понятия информации для объяснения сознания представляется достаточно сложным, поскольку оно не может в полной мере учесть содержательный (семантический) и репрезентирующий аспекты информации. Кроме того, возможность существования у физической системы синтаксических характеристик не является самоочевидным, необходимо обосновать, что синтаксическое описание связано с какими-то объективными свойствами. Также синтаксическое описание само по себе не предполагает существования каких-либо каузальных связей³²⁰, ему требуется какая-то физическая реализация. Чалмерс предпринимает попытку дополнить шенноновское понятие информации некоторыми метафизическими деталями. Для этого он использует понятие информационного пространства, которое представляет из себя совокупность информационных состояний и отношений между ними³²¹. Информационное описание физической реальности он рассматривает как описание информационных пространств. При этом он придаёт принципиально важное значение возможности физической реализации информации³²². В этом случае информационное состояние физической системы зависит от каузальных связей между элементами системы и вне её. Информация, содержащаяся в каком-то объекте будет связана с совокупностью внешних и внутренних отношений этой системы. Информационное описание какого-либо элемента системы будет напрямую зависеть от того, какое место он занимает в системе связей, поэтому все свойства в подходе Чалмерса – это структурные

³¹⁹ Чалмерс Д. Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. Р. 347.

³²⁰ Сёрл Дж. Открывая сознание заново. С. 198.

³²¹ Чалмерс Д. Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. Р. 347.

³²² Там же. С. 351.

внешние свойства³²³. Тем не менее, Чалмерс явно предполагает возможность существования особых внутренних структур информации³²⁴, на которых могли бы быть реализованы внешние информационные свойства. Таким образом, мы имеем дело с двумя типами структур – внутренними и внешними или комбинаторными и реляционными, как их называет Чалмерс³²⁵. Если решение Чалмерса можно признать успешным, то это даёт возможность обойтись без введения семантического аспекта информации. Однако, данное решение не позволяет связать понятие информации с понятием сознания. Чалмерс и сам не раз указывал на то, что анализ системы как структуры свойств не может дать ответа на проблему сознания (в частности – феноменального опыта), поэтому в дополнение к информационной онтологии, ему приходится прибегать к обычному панпсихизму, изначально постулируя связь между информацией и сознанием на фундаментальном уровне реальности³²⁶.

Альтернативным способом построения информационного подхода является использование более общего понятия информации. Концепция Д.И. Дубровского основана на трёх основных предпосылках. Во-первых, информация необходимо воплощена в своем физическом носителе (не существует вне и помимо него). Во-вторых, информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя. В-третьих, явление субъективной реальности может рассматриваться как информация (о данном объекте)³²⁷. Данные тезисы позволяют охарактеризовать подход Дубровского как некоторую разновидность функционализма, причем третий тезис прямо заявляет о том, что сознание тождественно (по крайней мере – в некотором смысле) информации об объекте.

³²³ Остаётся ли такой подход синтаксическим после всех дополнений – это вопрос дискуссионный, однако Чалмерс рассматривает его именно таким образом.

³²⁴ Эту идею можно кратко описать следующим образом. Допустим, свойства a, b, c, d образуют структуру, обладающую свойством X, которая, в свою очередь, образует систему со структурами, обладающими свойствами Y и Z. В этом случае свойства a, b, c, d являются внутренними по отношению к системе из X, Y и Z, в том же смысле, в котором генетические свойства сложно устроенной органической клетки являются внутренними свойствами по отношению к системе из клеток.

³²⁵ Там же. Р. 349.

³²⁶ Там же. С. 365.

³²⁷ Дубровский Д.И. Указ. соч.

Некоторые дополнительные черты используемого им определения могут быть установлены из следующего фрагмента: *«Следует сразу отметить, что несмотря на различие философских трактовок понятия информации и отсутствие единой теории информации, это понятие имеет общепринятые значения. Понятие информации употребляется мной в том общем смысле, в котором оно используется практически во всех науках, а именно: как «содержание сообщения», «содержание сигнала» (определения Н. Винера). Поэтому здесь нет нужды вдаваться в его различные философские толкования, оценивать каждую из двух основных концепций информации (атрибутивную и функциональную), выбирать ту или другую. Хотя я предпочитаю функциональную, а не атрибутивную концепцию, развиваемый ниже информационный подход к проблеме «сознание и мозг» совместим и с той и с другой»³²⁸.*

Проблема с данным определением заключается в том, что понятие «содержание сообщения» не является общепринятым определением информации. Ранее мы уже указали на разнообразие определений информации. Ситуация не улучшается, даже если мы ограничимся пределами когнитивной науки: использование понятия информации здесь настолько разнообразно, что некоторые широко используемые определения оказываются сложно сопоставимы³²⁹. При этом Дубровский использует наиболее нагруженное понятие, включая в него не только синтаксическое, но также и семантическое и прагматическое определения.

Сторонники теории интегрированной информации (далее – ТИИ), идут в интерпретации термина «информация» еще дальше. В ранних версиях ТИИ Д. Тонони, автор теории, использовал шенноновское понятие информации³³⁰. Каким-либо расширениям этого понятия уделялось меньше внимания. В более поздних версиях этой теории появляется ряд существенных уточнений, которые примерно соответствуют траектории движения подхода Чалмерса, поскольку

³²⁸ Там же.

³²⁹ См. например: Floridi L. Op. cit.; Piccinini G., Scarantino A. Op. cit.

³³⁰ Tononi G. An information integration theory of consciousness // BMC neuroscience. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 1–22.

ориентированы на каузальное описание систем. Д. Тонони, М. Оизуми и Л. Албантакис в одной из статей по ТИИ характеризуют информацию следующим образом:

«...Механизм генерирует информацию, только если он ограничивает состояния системы, которые могут быть его возможными причинами и следствиями – его причинно-следственный репертуар...»³³¹;

«...информация призвана отражать "различия, которые производят различие" с точки зрения самой системы - и поэтому является одновременно причинной и внутренней. Эти и другие особенности отличают это "внутреннее" понятие информации от "внешнего", шенноновского понятия»³³².

К. Кох также отмечает, что определение интегрированной информации в их с Д. Тонони теории отличается от определения, введенного К. Шенноном:

*«Информация в смысле теории интегрированной информации отражает аристотелевское³³³ употребление, происходящее от латинского *informare*, “придавать форму или очертания”. Интегрированная информация порождает причинно-следственную структуру, форму. Интегрированная информация является причинной, внутренней и качественной»³³⁴.*

В отличие от рассмотренных ранее подходов, понятие информации в ТИИ очень сильно нагружено метафизическими подробностями, а понятие интегрированной информации явно не ограничивается синтаксическими аспектами. Оно изначально связано с каузальностью, с внутренними свойствами и семантикой. Само по себе, это не является недостатком. Проблема заключается в том, что поскольку теория является, в первую очередь, нейробиологической, эта связь в достаточной степени не проясняется и глубокая метафизика, стоящая за этими связями, не разрабатывается. Избавиться от метафизики в этом подходе

³³¹ Oizumi M., Albantakis L., Tononi G. From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: integrated information theory 3.0 // PLoS computational biology. 2014. Vol. 12. No. 5. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1003588> (дата обращения: 06.02.2023). P. 3.

³³² Ibid. P. 6.

³³³ Возможность трактовки описанного подхода к информации как аристотелевского – это глубоко дискуссионный вопрос, который не имеет прямого отношения к теме и не будет рассматриваться в данной работе.

³³⁴ Koch C. The feeling of life itself ... P. 85.

невозможно, поскольку теория интегрированной информации не ограничивается структурным каузальным описанием информационной системы и базируется на признании реальности субъективного сознательного опыта, что закреплено в качестве одного из постулатов теории.

В отличие от указанных ранее подходов, ТИИ содержит более конкретное описание связи между сознанием и информацией, которое, в перспективе, может подлежать проверке. Наличие в системе сознания и степень насыщенности сознательного опыта определяется через показатель интеграции информации, который обозначают как «Фи» (ϕ). Если параметр «Фи» некоторой системы равен нулю, то это означает, что ее каузальная сила полностью сводится к каузальной силе ее частей, она не может претендовать на самостоятельное существование в качестве целого. Если «Фи» больше нуля, система не может быть сведена к своим частям, поэтому она существует сама по себе. Количество и качество опыта являются неотъемлемым, фундаментальным свойством интегрированной системы. Таким образом, теория даёт следующее описание связи: *сознание в данной теории тождественно информации, интегрированной в систему на физическом уровне*³³⁵.

Важно отметить, каким образом данный подход проводит различие между интегрированной и не-интегрированной информацией. Система, информация в которой достаточно интегрирована, больше не является простой совокупностью элементов, а образует новую сущность, обладающую собственной каузальной силой и собственными качественными свойствами, несводимыми к фундаментальным. В отличие от информации Шеннона, интегрированная информация не может быть измерена в «битах»³³⁶. Как и в подходе Чалмерса, здесь ключевую роль играют информационные состояния системы и связанные с этим каузальные свойства. Однако, в отличие от подхода Чалмерса — интегрированная информация не может быть сведена к структуре, которая её образовала. Эта особенность теории позволяет справедливо определить её как

³³⁵ Oizumi M., Albantakis L., Tononi G. From the phenomenology to the mechanisms of consciousness ... P. 5.

³³⁶ Koch C. The feeling of life itself... P. 192.

эмерджентный панпротопсихизм³³⁷. Одним из часто критикуемых выводов этой теории является то, что сознание в какой-то слабой степени, может быть обнаружено даже у простых каузальных систем, таких как элементарные электрические схемы. Это сохраняет проблему неопределённости связи информации с сознанием.

Рассмотренные нами информационные подходы сталкиваются со следующими проблемами.

Во-первых, ни один из указанных подходов не содержит достаточно ясного понятия информации. Понятие информации, используемое в различных сферах науки и техники слишком многогранно, поэтому не может быть, без достаточных уточнений и пояснений, перенесено в метафизику. При этом сторонники ТИИ и Д.И. Дубровский используют наиболее широкое понятие информации. Д. Чалмерс, наоборот, задействует минимальное понятие информации, но даже оно оказывается достаточно нагруженным. Непроясненность понятия информации не позволяет определить, подразумеваются ли какие-то отдельные свойства или аспекты сознания в самом понятии информации. В том числе по этой причине даже в перспективе данных подходов информация не является более понятным явлением, чем сознание, что наиболее критично для теории Дубровского, которая не является разновидностью панпротопсихизма.

Во-вторых, все рассмотренные подходы испытывают определенные трудности в установлении ясного отношения между понятиями информации и сознания. Наиболее перспективным подходом в этом отношении является Теория интегрированной информации. Однако ни ТИИ, ни подход Д. Чалмерса не проясняют статус информации как фундаментального протопсихического свойства. В теории Чалмерса информация играет скорее вспомогательную роль в дополнение к панпсихизму. Основной проблемой ТИИ в этом отношении является эмерджентизм, о котором было сказано ранее.

В-третьих, кроме общих проблем для информационных подходов, концепции Д. Чалмерса и Д. Тонони сталкиваются также с принципиальным

³³⁷ Chalmers D. The Combination Problem for panpsychism. P. 193.

ограничением, характерным именно для микропсихизма и панпротопсихизма. Информация – это структурное свойство, поэтому любые комбинаторные стратегии будут неизбежно рассматривать его как производное от свойств мереологических атомов. Если информация также является фундаментальным свойством, то варианты интерпретации этого сочетания в комбинаторных подходах ограничены тремя позициями. Во-первых, мы можем полагать, что физическая наука описывает структуры отношений и у нас нет никаких данных, что внутренние свойства вообще существуют. Этот подход именуется *структурный реализм*. Во-вторых, мы можем полагать, что внутренние, т.е. неструктурные, свойства наукой в данный момент не постигаются, но они должны существовать, и они должны быть физическими. Это предполагает существование дополнительных физических свойств и нестандартный материализм, который был рассмотрен ранее. В-третьих, мы можем полагать, что внутренние свойства должны существовать и они каким-то образом связаны с сознанием. Это возвращает нас к панпсихизму в форме расселианского монизма. Подход Чалмерса сталкивается с этой проблемой напрямую. Он выбирает третий вариант и в итоге приходит к панпсихизму *в дополнение к информационному подходу*. ТИИ уклоняется от этого возражения ценой обращения к эмерджентизму. С учетом определения сознания, используемого нами, и всего сказанного ранее, информационный панпротопсихизм не привносит ничего радикально нового в уже изложенную дискуссию. С одной стороны, мы можем принять эмерджентизм и, вместе с ним, наличие метафизического разрыва, но сохранить изначальное понятие сознания. С другой стороны, мы можем принять панпротопсихизм и сделать сознание объяснимым, но лишь при условии отказа от таких свойств сознания как субъективность и единство. Ни комбинация в панквалитизме, ни слияние или интеграция в эмерджентном панпсихизме не позволяют связать множество сущностей с единым субъективным сознанием.

Важно подчеркнуть, что поскольку информация сущностным образом связана со структурностью, наличие данной проблемы не связано с отсутствием ясных определений информации. Данная проблема носит принципиальный

характер и вновь отсылает нас к мереологическим аспектам трудной и комбинаторной проблем. Поскольку сознание является единым и субъективным, использование понятия информации для объяснения сознания оказывается проблематичным. В рамках данной работы мы не можем уделить этому вопросу больше внимания, однако на примере информационных подходов и панквалитизма нам удалось показать, что проблемы комбинаторного панпротопсихизма не связаны только лишь с отсутствием конкретного протопсихического свойства. Это вынуждает нас обратиться к тем разновидностям панпсихизма, которые предполагают кардинальную смену мереологической стратегии³³⁸.

2.3. Выводы второй главы

Вторая глава посвящена рассмотрению комбинаторной проблемы, сопоставлению её с трудной проблемой сознания и рассмотрению основных вариантов решения комбинаторной проблемы.

В первом параграфе рассмотрена аргументация в пользу комбинаторной проблемы, в первую очередь, современные разновидности проблемы комбинации субъектов.

Рассмотрены формулировки комбинаторной проблемы у У. Джеймса, Д. Уорда, Т. Нагеля, У. Сигера, Ф. Гоффа, С. Коулмана. Установлено, что в рамках заявленной темы и принятого определения сознания основной разновидностью комбинаторной проблемы является проблема комбинации субъектов. Сформулированы следующие аспекты данной проблемы:

³³⁸ При написании данной части параграфа использовались переработанные и дополненные материалы уже опубликованной статьи: Сысоев М.С. Проблема определения информации и современные теории сознания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 4. С. 52–57.

(SC1) феноменальные состояния, распределенные между отдельными субъектами³³⁹, не складываются воедино и не образуют новое феноменальное состояние (*проблема сочетания*).

(SC2) если бы мы предположили, что новое и единое феноменальное состояние все же может возникнуть, оно все еще не выводимо из составляющих его более простых феноменальных состояний (*проблема вывода*).

(SC3) комбинация, тем или иным способом, феноменальных состояний отдельных субъектов не приводит к их взаимодействию, иными словами – феноменальные состояния отдельных субъектов изолированы друг от друга (*проблема слияния*).

(SC4) субъективные перспективы не подлежат комбинации (*проблема комбинации перспектив*).

В ходе сопоставления трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма установлено, что между двумя проблемами существует некоторое сходство, которое проявляется в том, что перед панпсихистом и физикалистом стоит одна и та же задача – объяснить возникновение единого сознания из множества разрозненных сущностей. Как показывает комбинаторная проблема, приписывание этим сущностям феноменальных свойств не решает поставленную задачу до конца, хотя панпсихизм заявляется как решение трудной проблемы. С учетом обнаруженного сходства, возможны два гипотетических варианта:

(G1) Расширение перечня фундаментальных свойств было *необходимо, но недостаточно* для решения трудной проблемы.

(G2) Расширение перечня фундаментальных свойств было *не необходимо и недостаточно*.

Таким образом сделан вывод, что проблемы панпсихизма характерны для всех *комбинаторных подходов*, т.е. подходов, явно или неявно задействующих идею комбинации при объяснении сознания. В ходе дальнейшей работы акцент

³³⁹ С учетом предмета настоящего исследования, под субъектами далее будут пониматься не познающие субъекты или субъекты психологических состояний, а феноменальные субъекты – то есть любые сущности, обладающие сознаниями (во множественном числе).

сделан на тезисе (G1), который позволяет учесть оба варианта. Данные выводы указывают на то, что решение комбинаторной проблемы необходимо искать среди некомбинаторных подходов, к которым относятся эмерджентизм и космопсихизм.

Во втором параграфе рассмотрены различные варианты решения комбинаторной проблемы, проанализирована их эффективность в соотношении с теми задачами, которые были сформулированы в первой главе. В отношении каждого направления были сделаны собственные выводы. Во-первых, мистерианские стратегии в панпсихизме сталкиваются со всеми проблемами аналогичных не-панпсихистских подходов, не обладая при этом достаточными преимуществами перед ними. Во-вторых, подходы, задействующие онтологическую эмерджентность того или иного типа являются закреплением трудной проблемы сознания в качестве свойства самой реальности. Эмерджентный панпсихизм учитывает сформулированное в работе определение сознания, однако не решает трудную проблему по существу. В-третьих, панпротопсихизм в наибольшей степени пригоден для использования в рамках натуралистических подходов. Некоторые стратегии, такие как мистерианский панпротопсихизм, позволяют избежать столкновения с трудной проблемой сознания, однако подвержены критике с точки зрения требований натурализма и не решают проблему по существу. Однако в настоящее время понятия протопсихического свойства недостаточно прояснено. Указанные выводы справедливы для панпротопсихизма в форме панквалитизма, расширенного материализма и нейтрального монизма.

Отдельно рассмотрены перспективы информационных разновидностей панпротопсихизма. Сделан вывод, что в настоящее время не существует информационных подходов, удовлетворяющих минимальным требованиям к подобным теориям. В частности, отсутствуют подходы, предлагающие релевантное для объяснения понятие информации и устанавливающие надежную связь между сознанием и информацией. Среди принципиальных проблем

существующих информационных разновидностей панпсихизма можно также назвать их комбинаторный характер.

Глава 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПАНПСИХИЗМА В РЕШЕНИИ ТРУДНОЙ И КОМБИНАТОРНОЙ ПРОБЛЕМ

3.1. Панпсихизм в контексте научных теорий сознания

3.1.1. Перспективы поиска протопсихического свойства в науке

Далее мы продемонстрируем, что проблематика, связанная с панпсихизмом не оторвана от современных научных исследований и не является исключительно философским упражнением. Напротив, есть веские основания считать, что наука о сознании действительно нуждается в философском осмыслении вопросов, обсуждавшихся нами ранее. Эта связь является двусторонней: общий анализ возможных научных теорий сознания крайне важен для полноценного исследования философской проблемы объяснения феноменального сознания. Мы также кратко обсудим вопрос о том, как именно панпсихистская стратегия решения трудной проблемы влияет на эмпирические исследования сознания.

На протяжении второй главы мы, в основном, говорили об априорных способах объяснения сознания в контексте полного принятия трудной проблемы сознания, поэтому вопрос о возможных будущих научных открытиях интересовал нас в меньшей степени. Однако в первой главе, рассматривая варианты реакции на трудную проблему сознания, мы указали на два дополнительных варианта реакции на трудную проблему:

- 1) утверждение о возможности апостериорной необходимости;
- 2) ссылка на возможные будущие открытия в науке.

Напомним, что сторонники этих вариантов ответа признают, что трудная проблема сознания в определённом контексте актуальна, но утверждают, что это связано с ограниченностью имеющихся знаний и потому выводы о наличии метафизического разрыва преждевременны. Если мы исключим мистерианские стратегии ответа на трудности в объяснении сознания, а также сильный онтологический эмерджентизм, которые уже упоминались нами ранее и которые очень плохо совместимы с натуралистическим объяснением сознания, то оба

варианта реакции на трудную проблему сознания можно свести к следующему утверждению:

В будущем будет открыто некоторое фундаментальное свойство, наличие которого позволит устранить разрыв между фундаментальными и феноменальными свойствами и объяснить сознание.

Такое свойство можно назвать в широком смысле протопсихическим, поскольку это свойство, которое не является психическим, но является достаточным для объяснения сознания³⁴⁰. Мы прибегнем к этому упрощению, чтобы сопоставить с панпротопсихизмом некоторые подходы, которые не являются разновидностью панпсихизма, но обладают с ним явными сходствами, как в случае с упоминавшимися ранее подходами Д. Столяра и Д. Перебума. Нам надо показать, что сделанные нам в предыдущей главе выводы с высокой степенью вероятности могут быть применены и для возможных будущих открытий в науке³⁴¹. Для этого мы попытаемся ответить на следующий вопрос: *кажется ли нам вероятным обнаружение в будущем совершенно нового типа свойства, пригодного для объяснения сознания?* Ранее мы уже отмечали, что обсуждаемые нами натуралистические комбинаторные подходы могут быть помещены на одной прямой между физикализмом и панпсихизмом. Использование этого мысленного образа позволит нам прийти к некоторым важным выводам по поводу возможного будущего теорий сознания.

Мысленно перемещаясь по этой прямой, мы можем рассмотреть все возможные варианты натуралистических комбинаторных подходов. Мы начинаем с физикализма, затем переходим к расширенному физикализму, добавляя

³⁴⁰ Дополнительным доводом в пользу подобной расширительной трактовки панпсихизма является тот факт, что с открытием новых свойств, пригодных для объяснения сознания, может поменяться и само представление о сознании, а значит и то, что мы называем панпсихизмом. В этом случае понятие феноменального также может измениться и, например, оказаться включенным во множество понятий, характеризующих физическую реальность. Подобное различие в терминах и их применении отнюдь не означает, что выводы, к которым мы пришли в ходе данного исследования, не применимы к этому новому подходу.

³⁴¹ Заметим, что тезис заключается не в том, что будущие подходы будут являться разновидностью панпротопсихизма в строгом смысле. На основании доводов, которые были изложены нами во второй главе, мы полагаем, что будущие подходы могут сталкиваться с теми же, по сути, проблемами, что микропсихизм и панпротопсихизм.

нестандартные физические свойства. Затем, мы отказываемся от противопоставления физических и феноменальных свойств и обращаемся к нейтральному монизму. Нейтральные свойства – это уступка в пользу феноменальных свойств, если сравнивать их с физическими. Постепенно добавляя все больше феноменальных свойств и наделяя их все большей ролью, мы будем двигаться сначала к панквалитизму, а затем к панпсихизму. Расположение всех комбинаторных атомистических подходов на одной прямой позволяет рассмотреть любой подход на этой прямой, как модификацию другого подхода. Например, панпсихизм можно будет описать как «физикализм плюс дополнительные фундаментальные свойства», как уже было сделано ранее во второй главе.

Предположим далее, что в будущем будут открыты свойства X , о которых мы знаем только то, что они достаточны для объяснения сознания. Какой могла бы быть стратегия для решения трудной и комбинаторной проблем, использующая эти свойства? Мы полагаем, что это зависит от типа открытых свойств, поэтому рассмотрим несколько возможных вариантов. Представляется крайне маловероятным, что некие свойства X , которые будут открыты в будущем, окажутся за пределами указанного выше континуума из физических, нейтральных и феноменальных свойств. Чтобы показать почему это так, предположим, что мы действительно обнаружили новые свойства, выходящие за пределы этого отрезка. Здесь возможны три гипотетических ситуации.

Во-первых, рассматриваемые свойства X оказались размещены не на одной линии с упомянутыми ранее подходами, а где-то вне этой линии. То есть это свойства принципиально иного типа. Тут возможны два частных случая: *либо эти свойства не могут быть сопоставлены с рассмотренным континуумом, либо могут, но с некоторыми оговорками*. В первом случае не ясно каким образом свойства X , столь далекие от феноменальных и физических свойств, смогли бы помочь объяснить то, как известные нам свойства соотносятся друг с другом. Конечно, общая картина соотношений различных свойств может оказаться гораздо сложнее, чем мы даже можем себе предположить. Однако трудно даже

вообразить более удачного «посредника» между феноменальными и физическими свойствами, чем понятие «нейтрального свойства», специально сформулированное для этих целей. Если же свойство X не является нейтральным, то оно, вероятно, окажется менее релевантным для объяснения, чем уже существующие типы свойств. Второй частный случай может быть сведен к одному из двух последующих вариантов.

Во-вторых, рассматриваемые свойства X оказались еще дальше от феноменальных, чем физические свойства. Назовем эти свойства инфра-физическими. Очевидно, что эти свойства должны сталкиваться с еще большими трудностями в объяснении феноменальных свойств, поскольку они концептуально расположены еще «дальше», по определению. Предположение, что эти свойства могут справиться с объяснением феноменальных свойств достаточно спорно, если только не предполагать значительное усложнение общей картины соотношений различных свойств.

В-третьих, рассматриваемые свойства могут оказаться еще дальше от физических свойств, чем феноменальные. Назовем эти гипотетические свойства ультра-ментальными. Этот вариант нам представляется наиболее интересным. В этом случае феноменальные свойства оказались бы посредником между физическими и ультра-ментальными свойствами. Поскольку основная задача при решении проблемы сознания заключается в объяснении феноменальных свойств, то это действительно могло бы помочь поместить феноменальные свойства в новый объяснительный контекст. Однако это, вероятно, подменило бы задачу объяснения феноменальных свойств задачей объяснения экстра-ментальных свойств. Несмотря на то, что такой вариант представляется перспективным решением трудной проблемы, он угрожает заменить ее проблемой еще большего масштаба. Таким образом, крайне маловероятно, что комбинаторные подходы в их возможных будущих вариациях смогут внести какие-то существенные позитивные изменения в наше рассмотрение трудной и комбинаторной проблем, не заменив их на более сложную проблему.

Если наше предшествующее рассуждение верно, то любые успешные модификации современных стратегий, которые смогут предложить будущие подходы, должны находиться где-то на условном отрезке между физикализмом и панпсихизмом. А это значит, что мы уже сейчас можем оценить их перспективы в решении трудной и комбинаторной проблем, если оценим весь этот отрезок целиком. Стратегия обсуждаемых здесь подходов заключается в утверждении возможности устранить метафизический разрыв в неопределенном будущем. Если любое решение будет располагаться на отрезке между физикализмом и панпсихизмом, то для оценки принципиальной пригодности какого-либо решения мы можем предположить, что оказался истинным наиболее радикальный подход, допустив также, что все остальные его проблемы были решены, и затем оценить его перспективы в решении трудной и комбинаторной проблем. Иными словами, если даже наиболее радикальные решения не помогают решить проблему, то менее радикальные вряд ли смогут ее решить. Наиболее радикальным подходом на рассматриваемой линии является микропсихизм, который постулирует наличие сознания на уровне мереологических атомов. Проблемам этого подхода была посвящена вторая глава. Если даже введение сознательных свойств на фундаментальном уровне не помогает объяснить сознание, поскольку микропсихизм сталкивается с комбинаторной проблемой, то кажется крайне маловероятным, что с этим может справиться какое-либо иное свойство. Никакое свойство по определению не может быть ближе к феноменальным свойствам, чем сами феноменальные свойства. Таким образом, перспективы комбинаторных подходов, опирающихся на возможность будущих открытий, достаточно слабы, пока не решена сама комбинаторная проблема. И с учетом выводов второй главы мы можем согласиться с позицией У. Джеймса в том, что не только панпсихизм, но и любые атомистические подходы в натурализме сталкиваются с какими-то разновидностями этой проблемы. Это вынуждает нас обратиться к поиску иных некомбинаторных решений, которые будут рассмотрены в данной главе.

Разумеется, данное оценочное рассуждение отнюдь не может служить основанием для априорного анализа, мы всё еще можем ожидать самых

непредсказуемых открытий. Для нас важно показать, что какая-то из уже обсуждаемых разновидностей панпротопсихизма вполне может оказаться истинной и у нас должно быть достаточное количество инструментов, чтобы сопоставить гипотезы с новыми данными. Кроме того, это рассуждение демонстрирует, что сценарий, при котором научные теории сознания смогут уклониться от проблем, с которыми сталкивается панпсихизм, представляется достаточно маловероятным.

3.1.2. Панпсихизм и мереологическая проблематика в контексте когнитивных теорий сознания

Среди существующих решений проблемы сознания все подходы могут быть разделены на две основные группы: метафизические теории и когнитивные теории. На практике эти два направления часто пересекаются. Во-первых, любая метафизическая натуралистическая теория должна рассматривать конкретные нейробиологические и психологические условия, в которых она может быть применена. Во-вторых, когнитивные теории всегда опираются на метафизическое основание, явное или неявное. Поэтому рассмотрение современного панпсихизма было бы не полным без оценки того, каким образом он и возникающие перед ним проблемы соприкасаются с современной дискуссией вокруг когнитивных теорий сознания. Мы можем выделить три основные точки соприкосновения.

Во-первых, трудная проблема сознания и комбинаторная проблема панпсихизма актуальны для когнитивных теорий сознания в той мере, в которой они являются разновидностями ранее рассмотренных метафизических подходов. Здесь следует выделить две основных возможных ситуации. Для двух теорий С и М, где теория С – это когнитивная теория, а теория М – это метафизическая теория, существует, по меньшей мере, два типа совместимости:

(S1) Когда теория С предполагает определённую метафизику сознания, которая может рассматриваться как разновидность М.

(S2) Когда С не исключает определённую метафизику (в двух подтипах):

(S2.1) когда конструкции совместимы, потому что явно сформулированные метафизические компоненты теории С могут быть интерпретированы, в том числе, как разновидность теории М.

(S2.2) когда теория С не содержит явных подробностей в отношении определённых аспектов метафизики и при добавлении в неё метафизических компонентов, которые не противоречат изначальным положениям С, образуется теория С', которая соответствует условиям (S1) или (S2.1).

Общей характеристикой всех трёх вариантов является то, что метафизический компонент предполагается или вводится в теорию умышленно. Например, существует позиция, рассмотренная нами ранее, что теория интегрированной информации предполагает или допускает одну из разновидностей панпсихизма. На это ссылались как сами авторы теории, так и её сторонники среди пропонентов панпсихизма. Данная теория выполняет требование (S1) для информационного панпротопсихизма, поэтому, если она будет когда-либо признана, то это будет означать косвенное подтверждение панпротопсихизма. Теория интегрированной информации является единственной когнитивной теорией сознания, авторы которой явно обсуждают панпсихизм. Однако, как мы увидим далее, некоторые когнитивные теории могут оказаться совместимы с панпсихизмом в ином смысле.

Во-вторых, панпсихизм может рассматриваться в качестве нежелательного следствия той или иной когнитивной теории. В этом случае он проявляется в виде проблемы в двух различных формах:

- 1) Отсутствие четкой границы между сознательными и не-сознательными состояниями одной и той же физической системы.
- 2) Отсутствие четких критериев для различения сознательных и не-сознательных физических систем.

Чтобы обнаружить истоки этих проблем нам необходимо вернуться к дискуссии о разделении понятия сознания на феноменальное сознание и сознание доступа, которое мы рассматривали в первой главе. Для философского анализа когнитивных наук это разделение является крайне важным, однако далеко не

бесспорным. Напомним, что феноменальное сознание связано с тем, *каково это быть* в данном состоянии или обладать сознанием, то есть с субъективными опытом, а сознание доступа связано с когнитивными функциями и речевым поведением. Важно заметить, что выделение двух аспектов сознания не является однозначным аргументом в пользу трудной проблемы и, тем более, не связано напрямую с панпсихизмом. Однако, будучи принятым, оно играет в этой дискуссии существенную роль. Прежде, чем рассмотреть конкретные проблемы когнитивных наук, необходимо кратко ознакомиться с основными когнитивными теориями сознания.

Теория глобального рабочего пространства (Global Workspace theory) предложена Б. Баарсом. С точки зрения данной теории разум является системой рассредоточенных когнитивных процессов, а сознание – глобальным рабочим пространством, которое объединяет эти процессы. Бессознательные процессы и состояния конкурируют за то, чтобы попасть в фокус внимания. Сознание состоит в том, чтобы транслировать информацию по всей системе, в чем и выражается его функциональная и биологическая роль. *Теории сознания высшего порядка (Higher-order theories of consciousness)* – совокупность теорий сознания, особенностью которых является утверждение, что феноменально сознательное ментальное состояние, это такое состояние, которое может быть или фактически выступает объектом репрезентации высшего порядка. Теории сознания высшего порядка в большинстве случаев относятся к когнитивным репрезентационалистским теориям сознания. Родоначальником теорий сознания высшего порядка, как единой группы воззрений, считается Д. Розенталь. Теория глобального рабочего пространства во всех ее вариациях и теория сознания высшего порядка отождествляют сознание с теми когнитивными функциями, которые выполняются сознанием доступа. Фактически, эти теории предполагают, что феноменальное сознание либо тождественно сознанию доступа, либо, по крайней мере, всегда сопровождает его. *Теория интегрированной информации (Information Integration Theory)* уже рассматривалась нами ранее во второй главе. Данная теория постулирует существование феноменального сознания,

отождествляя его при этом с интегрированной информацией. *Теория рекуррентной обработки (Recurrent Processing Theory)* – теория нейробиолога В. Ламме, которая связывает сознание с процессами обработки в мозге, которые зависят не от рабочего пространства, а от повторяющейся активности в определенных областях мозга. Определяющими в данной теории является не когнитивные особенности процессов, а сама архитектура нейронных связей. Рекуррентная обработка, необходимая и достаточная для возникновения сознания, имеет место в областях, в которых сенсорные системы сильно взаимосвязаны через отношения прямой и обратной связи. *Теория микросознаний (Theory of micro-consciousnesses)* за авторством С. Зэки предполагает, что то, что мы называем сознанием, состоит из множества существенных узлов (essential nodes), которые сами по себе достаточны, чтобы вызвать осознание данного конкретного свойства, с которым они связаны. Данная теория также подразумевает, что системы таких узлов предшествуют более высоким уровням постсознательной обработки, которые именуются «макросознание» и «объединенное сознание» (unified consciousness). *Модель множественных набросков (Multiple Drafts Model)* предложена Д. Дэннетом. Некоторые элементы она заимствует от репрезентационализма, в частности – рассмотрения сознания как отношениям между разными частями содержания разума. Как и в теориях сознания высшего порядка, в этой теории важную роль играют второпорядковое содержание сознания. В отличие от других теорий, для Деннета важно не пространственное или функциональное размещение содержания, а степень, в которой данное содержание влияет на будущее развитие других содержаний по всему мозгу, особенно в отношении того, как это влияние проявляется в сообщениях и поведении³⁴².

Почему метафизические проблемы должны беспокоить авторов когнитивных теорий? Ранее мы говорили об отношениях тождества, конституции, реализации и других. Любое выбранное отношение будет являться отношением,

³⁴² Подробнее об этих теориях см.: Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. ИП Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71, а также: Van Gulick R. Op. cit.

требующим метафизического анализа. Когнитивные науки успешно демонстрируют наличие корреляции между свойствами сознания и некоторыми процессами в головном мозге. Проблема заключается в том, что для выяснения природы сознания нельзя ограничиться лишь корреляцией. Для отслеживания сознания используются косвенные методы, которые связывают сознание с такими когнитивными функциями как внимание, осведомленность, способность отчета и т.д. Таким образом, реальная корреляция возникает не между сознанием и процессами в мозге, а между маркерами сознания и процессами. Принятие тех или иных маркеров зависит от выбранной философской теории. То есть за обнаружением тех или иных коррелятов следует этап приписывания свойств и состояний определённым частям живого организма, и эта процедура происходит далеко не на эмпирических основаниях. Отсюда в когнитивных науках существует очень серьёзная проблема, которая связана с вопросом: чему приписывать те психические, в том числе – феноменальные, свойства и состояния, которые ассоциированы с сознанием?

Ошибка в том, чему приписываются психические свойства и состояния, именуется *мереологическим заблуждением* (mereological fallacy) и описывается следующим образом: «Утверждение о том, что разум имеет "доступ" к "внутреннему представлению", создаваемому мозгом, не менее загадочно, чем картезианское утверждение о том, что разум имеет доступ к изображению в шишковидной железе. Более того, совершенно непонятно, каким образом наличие у разума доступа к предполагаемым нейронным описаниям позволит человеку видеть. И если [Дэвид] Марр будет настаивать (справедливо) на том, что видит именно человек, а не разум, то как объяснить переход от наличия в мозгу закодированного описания трехмерной модели к опыту видения того, что находится перед глазами? Конечно, это не эмпирическая проблема... Она является продуктом концептуальной путаницы, и ее необходимо распутать»³⁴³. Одним из ярких примеров мереологического заблуждения является то, как нейрофизиология

³⁴³ Hacker P.M.S., Bennett M.R. Philosophical foundations of neuroscience. Malden: Blackwell, 2003. P. 147.

приписывает единичным нейронам воплощение психологических свойств высокого уровня, которые могут быть разумно приписаны только целому ведущему себя организму³⁴⁴. Это же касается и анализа процессов и поведенческой активности, поскольку у нас нет предварительного знания о том, какой уровень организации мозга соответствует тому или иному поведению. Для исследований сознания всё это влечёт далекоидущие последствия, поскольку в современной науке именно физиологические корреляты и поведение являются основными способами эмпирической фиксации свойств, связанных с сознанием.

Свою роль здесь играет и то, что когнитивные теории могут быть весьма однозначно связаны с тем или иным мереологическим подходом к пониманию состояний сознания, хотя авторы не заявляют о рассмотрении этой проблематики в явной форме. Для этого мы должны вспомнить две разновидности объяснения единства сознания из первой главы. Например, теория глобального рабочего пространства скорее связана с единством феноменального поля, в то время как теория интегрированной информации совмещает в себе детали двух подходов: единство поля и подход строительных блоков. Теория рекуррентной обработки Ламме и Теория микросознаний Зеки склоняются к подходу строительных блоков в разных вариантах.

Не менее важным является вопрос о соотношении феноменального сознания и сознания доступа в рамках существующих теорий сознания. Здесь возможен как концептуальный, так и эмпирический анализ. Например, Д. Чалмерс полагает, что два аспекта сознания концептуально различны, но фактически феноменальное сознание и осведомленность всегда взаимосвязаны³⁴⁵. С точки зрения Блока³⁴⁶, на практике могут существовать такие феноменальные состояния, субъект которых неосведомлен о них – т.е. *то, каково это быть* данным сознающим субъектом, может выходить за рамки того, что он может узнать,

³⁴⁴ Frégnac Y. Big data and the industrialization of neuroscience: A safe roadmap for understanding the brain? // Science. 2017. No. 358. P. 470–477.

³⁴⁵ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. С. 282.

³⁴⁶ Block N. On a confusion about a function of consciousness; Block N. Overflow, access, and attention // Behavioral and Brain Sciences. 2007. Vol. 30. No. 5–6. P. 530–548.

сообщить, осмыслить и т.д. Блок полагает, что в пользу этой позиции свидетельствуют некоторые экспериментально установленные явления.

Во-первых, слепота невнимания (*inattention blindness*) и, в частности, слепота изменений (*change blindness*). В ходе экспериментов продемонстрирована неспособность увидеть различия при смене двух изображений с незначительными отличиями в деталях. Блок полагает, что испытуемые на самом деле могут видеть изменяющиеся признаки, но не замечать разницы, поскольку, хотя многие детали каждой картинке феноменально регистрируются, они не концептуализируются на уровне, позволяющем когнитивно оценить разницу.

Во-вторых, переполнение (*overflow*). Испытуемым демонстрируются прямоугольники, пока они фиксируют взгляд на точках, они видят все или почти все прямоугольники из демонстрируемых, но способны сообщить об ориентации в пространстве и более точной формы только в отношении части прямоугольников. С точки зрения Блока, то, что является и феноменально сознательным, и доступным – это то, что существует круг из прямоугольников. То, что осознается, но в некотором смысле недоступно – это конкретные формы прямоугольников. Ключевая экспериментальная база, обеспечившая поддержку аргумента о переполнении, была представлена в 1960 г. Джорджем Сперлингом³⁴⁷. И в качестве возражения Чалмерсу, ссылаясь на эти и другие экспериментальные данные, Блок указывает, что большинство из сознательно воспринимаемых элементов всегда когнитивно недоступны. Проще говоря, эксперимент показывает, что испытуемые не могут когнитивно обработать все, что они фактически видели. Существует некоторое действительное ограничение на полную обработку. Однако они могут прекрасно вспомнить, что видели все буквы (но не все сразу) и это может быть зафиксировано на уровне физиологических показателей.

Выводы Блока являются предметом дискуссии. Если мы принимаем аргумент Блока, то оказываемся в ситуации, когда понятие системы, обладающей сознанием доступа, и понятие системы, обладающей феноменальным сознанием,

³⁴⁷ Block N. Overflow, access, and attention... P. 530.

могут различаться. Наиболее проблематичной является та «область» феноменального сознания, которая когнитивно недоступна. Это также ставит вопрос о границах феноменального сознания: сколько существует «ступеней» феноменального сознания, к которым возможен различный доступ? И если доступ, о котором субъект способен дать отчет, не существенен для сознания, то каким образом установить его границу?³⁴⁸ Это влечет проблему (1), указанную ранее. Блок называет такую ситуацию «панпсихической катастрофой»³⁴⁹. Дело в том, что допущение подобного хода мысли влечет возможность существования дополнительных локальных сознаний у отдельных частей мозга, в то время как опровергнуть это предположение крайне сложно.

Многие авторы выступили с критикой аргументации Блока. Д. Розенталь полагает, что состояния могут быть феноменально осознанными только в том случае, если они уже доступны для использования, совершения мыслительных операций. С точки зрения некоторых подходов, сознательное состояние отличается тем, что субъект осознает, что находится в этом состоянии, то есть имеет к нему определенное отношение³⁵⁰. Например, с критикой позиции Блока выступали М. Коэн, Д. Деннет и П. Каррутерс, которые утверждают, что эти два понятия, по сути, выражают одно и то же свойство³⁵¹. Таким образом, против доводов Блока существует два основных возражения: во-первых, можно утверждать, что феноменальное сознание фактически неразделимо с сознанием-доступа, во-вторых, можно отрицать само концептуальное различие между феноменальным сознанием и сознанием-доступа. Проблема заключается в том,

³⁴⁸ Когнитивные исследования, направленные на подтверждение гипотезы Блока, сталкиваются с существенными методологическими трудностями. Однако уже сейчас предпринимаются весьма продуктивные попытки реализовать полноценные эксперименты, нацеленные на преодоление этих трудностей. См. например: Amir Y.Z. Experiencing without knowing? Empirical evidence for phenomenal consciousness without access // *Cognition*. 2023. No. 238. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027723001634?via%3Dihub> (дата обращения: 24.02.2023).

³⁴⁹ Block N. Overflow, access, and attention ... P. 535.

³⁵⁰ Rosenthal D.M. Two concepts of consciousness // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1986. Vol. 49. No. 3. P. 329.

³⁵¹ Cohen M.A., Dennett D.C. Consciousness cannot be separated from function // *Trends in cognitive sciences*. 2011. Vol. 15. No. 8. P. 358–364; Carruthers P. Block's overflow argument // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2017. Vol. 98. P. 65–70.

что для когнитивной науки оба этих варианта методологически неразличимы, между ними существует только метафизическое различие. Прояснение понятий на философском уровне необходимо для ответа на эти вопросы. При рассмотрении исключительно методами когнитивных наук феноменальное сознание фактически исчезает из дискуссии как нечто специфическое и далее рассматривается только как неизменный спутник сознания-доступа. Фактически, это означает предрешение вопроса о концептуальной связи двух аспектов сознания.

Даже если теория не сталкивается с первой проблемой, она оказывается склонна ко второй. Проблема (2) связана с тем, что некоторые теории приписывают сознание системам, от которых мы этого не ожидаем. В одних случаях, как например с теорией интегрированной информации, критерии сознательности установлены настолько широко, что системы, которые не являются сознательными с точки зрения здравого смысла, рассматриваются как сознательные. Одним из поводов для критики этой теории является то, что критерии теории интегрированной информации влекут чрезмерную распространенность сознания. Сознание, согласно критериям данной теории, присутствует в простейших системах, таких как электрические схемы из нескольких компонентов. Здесь также уместно привести в пример теорию множественных набросков Деннета. Хотя, как было указано ранее, сам Деннет отказывается от рассмотрения проблематики, связанной с трудной проблемой сознания, тем не менее остается открытым вопрос присутствует ли в подсистемах «то, что мы обычно называем сознанием»? В других случаях, как с теорией глобального рабочего пространства или теорией сознания высшего порядка, критерии абсолютно игнорируют феноменальные и метафизические аспекты сознания.

Данные проблемы приводят к невозможности различить степени феноменального сознания там, где это требуется. Нейробиолог В. Ламме указывает на то, что «основные теории сознания одобряют высокую степень

панпсихизма»³⁵². Причину появления такой проблемы он видит в том, что теории сознания слишком просты и не учитывают возможное разнообразие форм сознания. Им не хватает ключевых ингредиентов для правильного различения состояний. Он пишет далее: «Функциональные и нейронные определения сознания, сформулированные в настоящее время, таким образом, направляют нас к панпсихизму, согласно которому все животные и, возможно, даже растения будут сознательными или, по крайней мере, выражать дихотомию бессознательное/сознательное»³⁵³. Эта проблема панпсихизма оказывается наиболее масштабной. Она распространяется на теорию рекуррентной обработки, теорию множественных набросков, отчасти – на теорию интегрированной информации и даже на такие теории, которые находятся от панпсихизма дальше всего, например, на теорию глобального рабочего пространства³⁵⁴.

Разумеется, приведенные выше рассуждения не показывают, что панпсихизм истинен или что когнитивные теории каким-то образом подтверждают его истинность. Они также не привязывают ту или иную теорию к панпсихизму. Однако они показывают, что та методология, которую принимают когнитивные теории, а также те тезисы, которые на данный момент включают в себя теории, влекут как проблемы, связанные с мереологической проблематикой, так и проблемы, связанные с панпсихизмом. Если теория **допускает** панпсихизм в той или иной форме она сталкивается с комбинаторной проблемой. Даже если теория **не допускает** панпсихизм, она может сталкиваться с вышеуказанными разновидностями проблемы панпсихизма. Некоторые теории влекут панпсихизм в качестве нежелательного следствия, но сама эта альтернатива в достаточной степени не исследована. Авторы, избегающие панпсихизма, принимают отрицание панпсихизма на методологическом уровне, поскольку в используемом ими подходе не существует способа решить его проблемы.

³⁵² Lamme V.A.F. Challenges for theories of consciousness: seeing or knowing, the missing ingredient and how to deal with panpsychism // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2018. Vol. 373. No. 1755. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2017.0344> (дата обращения: 06.02.2023).

³⁵³ Ibid.

³⁵⁴ Ibid.

Несмотря на высокую степень актуальности этого подхода для современной проблематики, в его современном виде панпсихизм, как подход к решению трудной проблемы сознания, не только не полезен, но, вполне вероятно, методологически вреден. В самых общих чертах это может быть объяснено тем, что он основан на резком различии между феноменальным и психологическим аспектами ментального. Проще говоря, понятие феноменального сознания и его соотношение с сознанием доступа таковы, что их использование предполагает невозможность эффективного применения большинства существующих на сегодняшний день методов исследования психических явлений. Именно об этом пишет К. Франкиш, когда говорит о депсихологизации сознания в рамках панпсихизма и других близких ему подходов³⁵⁵. Его критика в своих основаниях совершенно справедлива. Депсихологизация заключается в том, чтобы концептуализировать сознание в терминах феноменального чувства, а не в терминах психологической функции. Франкиш рассуждает следующим образом: если проблема, поставленная таким образом, верна, то панпсихизм элегантно решает эту проблему, но если предположить, что она не верна, то он заводит исследования в тупик, который является закономерным развитием проблемы депсихологизации. Он характеризует депсихологизацию сознания «приглашение к панпсихизму» и отмечает следующее: «если сознание не концептуализируется как психологическое состояние, то нет априорной причины, почему оно должно быть ограничено вещами, которые находятся в психологических состояниях»³⁵⁶. С этим суждением крайне сложно не согласиться, ведь в общем виде панпсихизм даёт слишком много свободы. Некоторые из аспектов комбинаторной проблемы тесным образом связаны с этой чрезмерной свободой: дело не только в том, что панпсихизм не указывает на случаи, когда комбинация имеет место, и на случаи, когда именно сознание на макроуровне имеет место, дело еще и в том, что он никак не ограничивает комбинацию и никак не ограничивает вездесущность сознания. Здесь, однако, следует задать вопрос: присущи ли эти проблемы

³⁵⁵ Frankish K. Panpsychism and the Depsychologization of Consciousness // Aristotelian Society Supplementary Volume. 2021. Vol. 95 No. 1. P. 52

³⁵⁶ Ibid. P. 55.

панпсихизму с необходимостью или это всего лишь затруднение, которое можно преодолеть?

Уже в первой главе, обсуждая противопоставление функционального и феноменального в подходе Блока, мы отмечали, что оно не носит абсолютный характер. Возможны ситуации, при которых феноменальность приобретёт другую функциональную роль. Поэтому, в отличие от Франкиша, мы полагаем, что существует несколько способов, которыми депсихологизация может быть преодолена в будущих версиях обсуждаемого подхода. Назовём два основных сценария, при которых депсихологизация не будет иметь катастрофических методологических последствий. Во-первых, если феноменальный аспект будет привязан к конкретным наблюдаемым свойствам, например физическим. Если предположить, что панпсихизм истинен, то одним из натуралистически адекватных сценариев развития панпсихизма могло бы стать обнаружение физических коррелятов феноменального аспекта, демонстрирующих его функциональную роль, выходящую за пределы сугубо психических явлений³⁵⁷. Во-вторых, если феноменальный аспект будет привязан к какой-либо психологической функции, которая на данный момент не известна или не ассоциируется специфически именно с феноменальным аспектом³⁵⁸. Несмотря на то, что на данный момент эти сценарии слишком недетализированы, их достаточно, чтобы утверждать, что депсихологизация не указывает на наличие очевидного и непроходимого тупика. Учитывая крайне слабую разработанность панпсихистских подходов, серьёзность обсуждаемых Франкишем проблем может быть проверена только путём дальнейшей разработки панпсихизма. Кроме того, панпсихизм в широком смысле включает в себя не только микропсихизм, который обсуждался в первой и второй главах, но также и подходы, которые

³⁵⁷ Ближайшим примером теорий сознания, в рамках которых такое развитие событий было бы возможно, являются электромагнитные и квантовые теории сознания.

³⁵⁸ Например, могла бы быть обнаружена роль феноменального аспекта в реализации свободы воли или специфическая, не сводимая к прочим ментальным свойствам, роль в реализации ментальной каузальности. Это направление мысли близко к современному расселианскому панпсихизму, однако в настоящее время он пока не вышел за пределы сугубо метафизических рассуждений и конкретных научных теорий свободы воли, построенных на этом основании, насколько нам известно, не существует.

критически мало обсуждаются в современной философии. В оставшейся части работы мы рассмотрим эти подходы, поскольку они решают некоторые из ранее рассмотренных нами проблем и, в том числе, позволяют предложить альтернативные мереологические установки для когнитивных теорий.

3.2. Космопсихизм и его перспективы

3.2.1. Метафизические основания космопсихизма

Проблемы микропсихизма и панпротопсихизма, которые обсуждались нами во второй главе, вынуждают некоторых авторов, признающих наличие трудной проблемы, но отрицающих эмерджентизм как её решение, обращаться к совершенно иной разновидности панпсихизма. В последние два десятилетия в дискуссии о панпсихизме прочно закрепился космопсихизм³⁵⁹, который уже упоминался в первой главе. Хотя на практике основной мотивацией для обращения к этому подходу выступает именно комбинаторная проблема, роль космопсихизма в современной философии сознания может оказаться гораздо более значительной. Если панпсихизм, как считают его сторонники, неизбежен для решения трудной проблемы сознания, а космопсихизм – неизбежен для решения комбинаторной проблемы, то именно монистическая разновидность панпсихизма может стать основным метафизическим подходом, претендующим на объяснение феноменального сознания. Кроме того, для критики атомизма и рассмотрения монизма есть основания, возникшие независимо от философии сознания, но существенно повлиявшие на космопсихизм.

³⁵⁹ Существует еще одно решение, которое не является пригодным для обсуждаемых условий. Так одним из наиболее простых, на первый взгляд, решений является мереологический нигилизм, то есть отрицание того, что существует что-то кроме мереологических атомов. Можно предложить такую версию панпсихизма, в которой существуют только простейшие субъекты и не существует отношений часть-целое. Однако отказ от отношения часть/целое и от идеи онтологических уровней не желателен для панпсихизма, если мы хотим сохранить описание реальности как на уровне естественных наук, что существенно для натурализма, так и на уровне обыденных представлений о сознании. Кроме того, такой подход исключает соблюдение требования о единстве сознания.

Наша задача в оставшейся части работы будет заключаться в том, чтобы непредвзято оценить космопсихизм в контексте уже рассмотренных ранее проблем. С одной стороны, данный подход, особенно в его существующем виде, является еще более радикальным взглядом на проблему сознания, чем даже ранее рассмотренные виды панпсихизма. С другой стороны, трудная проблема сознания, если она действительно имеет место, достаточно сложна, чтобы предполагать возможность радикальных решений. В этой главе мы ответим на три вопроса:

Во-первых, какая из натуралистических разновидностей космопсихизма выглядит наиболее перспективной в решении трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма?

Во-вторых, способен ли космопсихизм составить конкуренцию другим натуралистическим подходам?

В-третьих, какие полезные для дискуссии выводы могут быть сделаны из представленного анализа панпсихизма, какие идеи могут быть позаимствованы для других подходов?

В данном параграфе мы кратко рассмотрим какие решения проблем мереологического атомизма предлагает современная метафизика. Одним из наиболее известных критиков атомизма в современной аналитической философии является Д. Шаффер. Именно к его исследованиям в первую очередь обращаются сторонники панпсихизма, чтобы найти решение проблем, возникающих для атомистических подходов. Критический анализ атомизма Шаффер приводит в статье «Существует ли фундаментальный уровень?»³⁶⁰. Он справедливо замечает, что атомизм является в физикализме позицией по-умолчанию. Один из наиболее существенных аргументов заключается в том, что на атомизм указывает современная наука. Шаффер эксплицирует атомистическую установку в науке следующим образом: (1) когда-то будет существовать полная микрофизика, (2)

³⁶⁰ Schaffer J. Is There a Fundamental Level?.

полная микрофизика будет постулировать частицы, и (3) эти частицы – мереологические атомы³⁶¹.

Если наука действительно отдает приоритет атомизму, то натуралистические подходы должны это учитывать. Однако Шаффер отрицает все 3 пункта, полагая, что они принимаются без аргументов. При этом истинность (1) и (2), с его точки зрения еще не обязательно приводит к (3). Если это так, то не существует никакой надежной связи между нашими ожиданиями от будущего развития науки и мереологическим атомизмом. Нельзя исключать варианта, что полная микрофизика никогда не будет обнаружена, нельзя быть уверенным в том, что если она будет обнаружена, то она будет постулировать именно частицы. И, даже если так, нельзя утверждать, что такие частицы будут мереологическими атомами, поскольку у этих частиц может быть совершенно иная природа, в том числе, предполагающая бесконечную делимость. Приоритет атомизма во многом обусловлен распространенным представлением об отсутствии адекватных альтернатив для этого подхода. Этот тезис также оспаривается Шаффером, он полагает, что картина бесконечного деления, которую предлагал Лейбниц, явно показывает, что атомизм не является единственным вариантом, поскольку: во-первых, бесконечное деление мыслимо (не актуально, но потенциально), во-вторых, бесконечное деление логически непротиворечиво, в-третьих, бесконечное деление может быть серьезно воспринято с точки зрения физики³⁶².

Альтернативой атомизму являются два подхода: *приоритетный монизм* (*priority monism*) и *экзистенциальный монизм* (*existence monism*). В рамках этих подходов предполагается существование только одного фундаментального³⁶³ конкретного объекта (субстанции). Ключевое различие между этими подходами следует из того, что экзистенциальный монизм исключает отношение часть-целое и возможность возникновения не-фундаментальных объектов, а приоритетный

³⁶¹ Ibid. P. 450.

³⁶² Ibid.

³⁶³ Следует обратить внимание на то, что фундаментальность здесь используется в несколько ином смысле, чем при разговоре о микропсихизме, поскольку уже не предполагает, что фундаментальные сущности являются простыми, т.е. не имеют частей.

монизм такое отношение допускает. Поэтому в экзистенциальном монизме существует только фундаментальный объект в единственном числе, а в приоритетном монизме – множество нефундаментальных объектов, которые являются его частями, частями его частей и т.д. При этом в экзистенциальном монизме всё же допускается существование пространственных точек, абстрактных объектов и свойств³⁶⁴. Единственными известными нам сторонниками самого экзистенциального монизма в аналитической метафизике являются Т. Хорган и М. Потрч.

Существующих общих характеристик экзистенциального монизма достаточно лишь для того, чтобы предварительно оценить его совместимость с космопсихизмом. Монистический космопсихизм такого типа предполагает, что есть только одно сознание и один феноменальный субъект – это космическое сознание. Иные субъекты являются, по своей сути, лишь последовательностями опытных переживаний, возникающих у единого космического субъекта. Сторонников этой идеи в философии сознания крайне мало, нам известны только два автора, предлагавшие общие наработки в этом направлении – Л. Ясколла и А. Бак³⁶⁵. Такой подход вызывает существенные вопросы в отношении субъективного опыта отдельных человеческих личностей, ведь этот опыт оказывается в определенном смысле иллюзорным. Для оценки возможности натуралистической версии этой концепции требуется значительно более детальная её разработка, которой в настоящее время, насколько нам известно, не существует. В текущем варианте этот подход совершенно не сочетается с натуралистическим мировоззрением и задачей объяснения феноменального сознания, поскольку предполагает существование единого космического сознания и отрицает существование отдельных субъектов.

Другое, значительно более популярное, направление развития космопсихизма – это приоритетный космопсихизм, который является

³⁶⁴ Horgan T. E., Potrc M. *Austere realism: Contextual semantics meets minimal ontology*. Cambridge: MIT Press, 2009. P. 8.

³⁶⁵ Для краткого описания применения этого подхода в космопсихизме и пантеизме см.: Leidenhag J. *Op. cit.*

совмещением идеи космопсихизма и приоритетного монизма. На основе этой версии монизма выстраивают свои подходы Ю. Нагасава, К. Вагер³⁶⁶, И. Шани³⁶⁷, Ф. Гофф³⁶⁸. Мереологической основой решений данной группы концепций является приоритетный монизм, мереологическая и метафизическая позиция, защищаемая Д. Шаффером³⁶⁹. Приоритетный монизм предполагает, что существует только один *фундаментальный* объект – это весь космос в целом, но не исключает существования множества *нефундаментальных* объектов, которые от него производны. Этот подход удачно вписывается в рассмотренную нами дискуссию, поскольку, с одной стороны, совместим с идеей разделения реальности на уровни, а с другой – предполагает замену идеи фундаментального уровня на идею бесконечной делимости. В отличие от экзистенциального монизма, в котором отношений просто не существует, части в приоритетном монизме являются производными от целого. Шаффер описывает это следующим образом: «Части могут быть поняты как аспекты целого, выделенные в процессе, который Брэдли называет “односторонней абстракцией”. Приоритет единого целого по отношению к его многочисленным частям, таким образом, сходен с приоритетом субстанции по отношению к ее модусам, и оба они являются случаями общего приоритета конкретной сущности по отношению к ее абстрактным аспектам»³⁷⁰.

Космос как целое является фундаментальным уровнем, конституирующим физическую реальность. В таком подходе материя – это не совокупность атомов, а особая безатомная субстанция, обладающая свойством потенциально бесконечной делимости. Шаффер именует подобную материю термином «безатомная жижа» (*atomleess gunk*)³⁷¹, который означает такое целое, все части которого имеют собственные части. Таким образом, этот подход рассматривает биологический

³⁶⁶ Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism.

³⁶⁷ Shani I. Op. cit.

³⁶⁸ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality.

³⁶⁹ Schaffer J. Monism: The priority of the whole.

³⁷⁰ Ibid. P. 47.

³⁷¹ Schaffer J. Is There a Fundamental Level?. P. 501.

организмы и другие естественные объекты как производные части космоса, упорядоченные в многоуровневую иерархию.

Аналогичным образом в приоритетном космопсихизме решается вопрос о сознаниях: космическое сознание предшествует сознаниям отдельных существ. Как и в случае с экзистенциальным монизмом, утверждение о существовании космического сознания плохо сочетается с натурализмом. Если мы хотим, чтобы сознание действительно объяснялось в рамках данного подхода, необходимо иметь хотя бы отдаленное представление о том, чем именно является космическое сознание, и обладать какими-то способами его изучения. При этом единственный способ для нас понять, чем оно является – это описать его по аналогии с человеческим сознанием, а сама гипотеза о том, что космическое сознание существует и может быть каким-то образом познано, предполагает произвольное допущение. Учитывая существующие сложности в объяснении человеческого сознания, представляется маловероятным, что такая гипотеза может быть полезна для натуралистического подхода, решающего трудную проблему сознания. Однако у этого подхода может существовать протопсихический вариант, исключающий существование космического сознания, наличие которого позволяет отбросить это возражение и продвинуться к рассмотрению подхода по существу.

Космопсихизм не сталкивается с аргументом от мыслимости благодаря мереологическим особенностям приоритетного монизма, поэтому он не сталкивается с трудной и с комбинаторной проблемой. Аргумент от мыслимости не срабатывает, поскольку сознание макросубъекта метафизически приоритетно, а составляющие его части, свойства или отдельные аспекты не мыслимы без этого космического сознания. Если рассмотреть то, как этот подход совмещается с гипотезами (G1) и (G2), сформулированными во второй главе, то можно заметить, что космопсихизм требуется только для варианта (G1). Если (G2) верна, то необходимость в космопсихистском решении отпадает. Подход Шаффера сам по себе не предполагает фундаментальность психических свойств и вполне способен решить проблему в ситуации (G2). Если же верна (G1), то именно приоритетный

космопсихизм оказывается наиболее пригодной стратегией, из существующих на данный момент, поскольку одного только мереологического решения будет недостаточно.

Для решения тех проблем, которые были рассмотрены ранее в данной работе, важнейшей особенностью приоритетного монизма и, как следствие, космопсихизма, является их способность использовать плюсы эмерджентных подходов, не прибегая к онтологической эмерджентности как таковой. Особенности эмерджентизма позволяют учесть тезис о единстве сознания, однако в перспективе мереологического атомизма они лишь закрепляют проблему, поскольку, как мы уже отмечали, переход от атомов или атомарных свойств к единому сознанию предполагает закрепление трудной проблемы сознания, а не её решение. Приоритетный монизм обосновывает существование нижестоящих уровней через существование вышестоящих уровней, предполагаемые феноменальные свойства космоса, которые можно было бы назвать эмерджентными в атомистическом подходе, сами являются основанием для микросвойств. Теперь, чтобы дать оценку перспективам космопсихизма, необходимо рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются существующие его разновидности.

3.2.2. Проблема декомбинации в космопсихизме

Несмотря на описанные ранее преимущества космопсихизма, перед ним возникает проблема, которую далее мы будем именовать *проблемой декомбинации*³⁷². Также как и комбинаторная проблема, общая проблема декомбинации заключается в трудностях, которые возникают при попытке совместить свойства индивидуального сознания и фундаментальные свойства космоса и, фактически, представляет собой целую группу проблем различного рода. Специфика данной проблемы заключается в том, что под

³⁷² Goff P. *Consciousness and Fundamental Reality*. P. 228. Иные названия данной проблемы мы будем рассматривать как синонимичные – проблема вывода (derivation problem) (Nagasawa Y., Wager K. *Panpsychism and priority cosmopsychism*. P. 121) и проблема декомпозиции (Shani I. *Op. cit.* P. 390).

фундаментальными свойствами подразумеваются свойства космоса в целом и переход от фундаментальных свойств к свойствам индивидуального сознания осуществляется не путём комбинации, а путём декомбинации: перехода от свойств целого к свойствам части.

Проблема декомбинации может быть сформулирована в виде отдельных тезисов, как и комбинаторная проблема. Каждый тезис является аспектом общей проблемы и обычно они рассматриваются в совокупности. При этом разные авторы выделяют разные аспекты в качестве основных. Формулировки этих тезисов будут представлены по аналогии с таковыми для комбинаторной проблемы:

(SD1) из единого состояния сознания не образуются отдельные суб-состояния сознания, являющиеся его частями (*проблема выделения субъектов*).

(SD2) если бы мы предположили, что отдельное суб-состояние сознания все же может возникнуть, оно все еще не выводимо из свойств единого сознания (*проблема вывода*).

(SD3) Субъективные перспективы не подлежат декомбинации (*проблема декомбинации перспектив*).

Проблема (SD1) схожа с тезисами (SC1) и (SC3) для комбинаторной проблемы. Причина, по которой двум разным проблемам комбинации соответствует лишь одна проблема декомбинации, заключается в том, что приоритетный монизм в отношении сознания в неявной форме предполагает некоторую разновидность подхода единого поля. Здесь одна и та же проблема выражает и мереологический и топологический аспекты единства сознания. С. Миллер формулирует это следующим образом: если сознание конкретного субъекта всегда едино, как может космический субъект иметь внутренние разрывы, чтобы соответствовать внешним разрывам и ограниченности составляющих его макросубъектов³⁷³? Каким образом из единого космического

³⁷³ Miller G. Can Subjects Be Proper Parts of Subjects? The De-Combination Problem // Ratio. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 144.

сознания образуются сознания отдельных существ³⁷⁴? Вспомнив ключевые подходы к вопросу о единстве сознания, мы можем выделить три основных способа решить эту проблему и ответить на возникший вопрос. Первый ответ заключается в том, что космический субъект может иметь части, являющиеся отдельными сознаниями. В этом случае космопсихист отказывается от подхода единого поля и принимает некоторую «перевернутую» версию подхода строительных блоков. Как и в случае с проблемой комбинации, отсутствие четких условий для выделения субъектов приводит к проблеме бесконечной декомбинации: если каждый субъект обладает собственной частью, являющейся субъектом, то таких субъектов оказывается бесконечное множество. Второй ответ заключается в том, чтобы обратиться к подходу единого поля и признать, что в подлинном смысле существует только одно космическое сознание. Однако очевидные проблемы такого решения мы уже указали при рассмотрении экзистенциального монизма. Третий вариант заключается в том, чтобы попытаться объединить оба варианта, избежав крайностей и проблем каждого из них.

Является ли проблема декомбинации фатальной для космопсихизма? Некоторые авторы видят проблему декомбинации как значительно более простую, по сравнению с комбинаторной. Сопоставление тезисов (SC2) и (SD2) может сыграть здесь решающую роль. Например, Ф. Гофф утверждает, что обоснование путём анализа субъектов, которое требуется для решения комбинаторной проблемы, невозможно³⁷⁵, признавая, таким образом, наличие проблемы (SD2). Однако космопсихизм не требует обоснования путем анализа субъектов. С его точки зрения, упомянутая ранее процедура, именуемая «односторонняя абстракция», помогает избежать обоснования сознания путём анализа субъектов и поэтому проблемы, сопоставимой по сложности с комбинаторной проблемой, не возникает³⁷⁶.

³⁷⁴ Ibid. P. 137.

³⁷⁵ Goff P. *Consciousness and Fundamental Reality*. P. 217.

³⁷⁶ Ibid. P. 220.

(SD3) как и (SC4) делает важный акцент на перспективе феноменальных состояний. Если мы рассматриваем феноменальных субъектов как «что-то», что не может быть соединено в целое, но может быть выделено с той или иной степенью условности из целого (например, не в качестве части, но в качестве аспекта), то легко заметить, что комбинаторная и декомбинаторная проблемы действительно различны, поскольку атомистический и монистический подходы предполагают совершенно разную мереологическую позицию, о чем уже было сказано ранее. С другой стороны, аспект (SD3) не ограничивается только лишь проблемой декомпозиции сознаний, а указывает на особые свойства перспектив. Именно поэтому некоторые авторы считают его основной проблемой для космопсихизма³⁷⁷. Опыт отдельных субъектов по своей природе исключает другой опыт именно ввиду наличия разных перспектив. Перспективы не могут объединяться и сливаться в другие перспективы. Для этого перспективы низшего порядка должны были бы быть частями перспективы высшего порядка, но тогда они потеряли бы свои границы, характерную направленность и «точку зрения». Таким образом, они не смогли бы «выжить» в качестве частей другой перспективы³⁷⁸. Хотя И. Шани утверждает, что именно проблема перспектив является основной и решающей, он также указывает на то, что классическая комбинаторная проблема уже предполагает проблему декомбинации: т.е. комбинаторная проблема заключается не только в том, что микросубъекты не могут путем комбинации составлять макросубъекты, но и в том, что перспективы вообще не могут находиться в композиционных отношениях с другими перспективами³⁷⁹.

В значительной степени озвученные выше проблемы обусловлены выбором мереологической основы космопсихизма. Точно также как комбинаторная проблема следует из особенностей и проблем атомизма, проблема декомбинации для космопсихизма следует из особенностей и проблем мереологической основы этого подхода – приоритетного монизма. В приоритетном монизме также

³⁷⁷ Shani I. Op. cit. P. 398.

³⁷⁸ Ibid. P. 401.

³⁷⁹ Ibid. P. 390.

существует проблема объяснения того, как сосуществуют целое и его части и как соотносятся их свойства. Это позволяет сторонникам космопсихизма³⁸⁰ прямо ссылаться на те решения, которые уже предложены для данного подхода Д. Шаффером³⁸¹. Рассмотрим каждое из них в качестве решения проблемы декомбинации.

Решение с помощью дистрибутивных свойств приписывает космосу свойства такой формы, как *быть таким-то и таким-то, заполненным такими-то и такими-то объектами*³⁸². В этом случае индивидуальное сознание могло бы быть охарактеризовано определённой траекторией в пространстве всех свойств космоса, а в каждый момент времени представляло бы собой часть космоса, отличающуюся набором таких свойств.

Решение с помощью регионализированных свойств приписывает космосу такие свойства, как *быть покрытым шипами в области А* или *быть плоским в области В*. В этом случае индивидуальное сознание было бы набором разнородных регионализированных свойств, таких как быть красным в области А и быть зеленым в области В, но при этом космос оставался бы единым, поскольку его свойства являлись бы по своей сути отношениями к определённым регионам пространства. Важно заметить, что в отношении сознания под «регионами» понимается не привычное нам расположение в пространстве, а скорее расположение в пространстве свойств.

Решение с помощью *регионализированной инстанциации*, приписывает космосу нерегиональные свойства, например, шипастость или плоскость, однако они проявляются только на уровне отдельных регионов космоса. Таким образом, индивидуальное сознание состояло бы из регионализированных инстанций свойств космоса, а космос в целом оставался бы единым сознанием, поскольку его

³⁸⁰ Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism. P. 122.

³⁸¹ Schaffer J. Monism: The priority of the Whole. P. 60.

³⁸² В том числе, мы можем приписывать космосу сложносоставные свойства, такие как «быть в горошек», собственный пример Шаффера, что предполагает наличие множества цветных кругов на фоне другого цвета.

свойства, отличающиеся от инстанцированных свойств, являлись бы отношениями к определённым регионам пространства.

Указанные альтернативы показывают, что космопсихизм не находится в тупиковой ситуации, по крайней мере в части проблемы (SD1). Проблему (SD2) можно отбросить, отказавшись от анализа субъектов, как это предлагает сделать Ф. Гофф. Однако свойство перспективности обладает спецификой, которую приоритетный монизм не в состоянии учесть по умолчанию, и здесь требуется особое решение. Подходы Шани и Гоффа к данной конкретной проблеме примерно совпадают и заключаются в том, что макросубъекты лишь частично основаны на космическом субъекте. Они действительно зависят от космического субъекта, но их природа не *исчерпывается этим конкретным отношением зависимости*³⁸³. Примечательно, что для Шани индивидуальные субъекты имеют общий характер, который непосредственно следует из субъективности самого космического сознания. Однако субъекты различаются *уникальным индивидуальным профилем*, связанным с индивидуальной перспективой, которая не основана на космическом сознании. Такое решение предполагает, что космическая субъективность – это особая *внутренне чувствующая универсальная среда*, из которой индивидуальные субъекты возникают локализованно³⁸⁴.

Можно согласиться с тем, что предложенные решения демонстрируют принципиальную возможность решения обозначенных проблем. Перспективной является также идея рассмотреть субъективность космоса как особое условие для индивидуальных субъективностей. Однако дать существующим решениям окончательную оценку можно будет лишь после того, как будет предложено хотя бы общее объяснение, *как именно индивидуальное сознание может выделяться из космического сознания и при этом обладать собственными свойствами, которых нет у космического сознания*. Кроме этого, существующие разновидности космопсихизма сталкиваются с более существенной, на наш взгляд проблемой, которая заключается в наличии космического сознания,

³⁸³ Shani I. Op. cit. P. 422.

³⁸⁴ Ibid. P. 426.

постулируемого данными подходами. Три основных возражения против объяснительной эффективности этой идеи можно сформулировать следующим образом:

1. *Объяснительный тупик для натурализма.* Мы не наблюдаем признаков актуального наличия сознания у Космоса и вряд ли имеем какие-то основания это предполагать, кроме как в качестве гипотезы для целей объяснения нашего собственного сознания. Этот радикальный шаг сложно оправдать, ведь после этого нам придётся объяснить космическое сознание и у нас нет никаких оснований полагать, что объяснение космического сознания может оказаться проще, чем объяснение сознания человека.

2. *Комбинаторная проблема.* Сделать вывод о существовании космического сознания исходя из наличия сознания у людей невозможно, поскольку от существования сознаний индивидов нельзя сделать вывод к существованию космического сознания по тем же причинам, по которым можно принять наличие комбинаторной проблемы.

3. *Проблема другого сознания в её абсолютной форме.* У нас нет и, скорее всего, не может быть прямого или косвенного эпистемического доступа к сознанию космоса, даже если бы оно существовало³⁸⁵. Эта ситуация является многократно более сложной версией классической проблемы «других сознаний».

Однако даже если бы данная гипотеза была эффективна, она всё равно была бы слишком сильным утверждением. Здесь будет уместно вспомнить еще раз о том, что гипотеза космического сознания вступает в конфликт с введённым нами *принципом экономии постулирования*, поскольку, даже будучи гипотетически рассмотренным как успешная стратегия для объяснения, этот подход проигрывает иным решениям ввиду масштабности произвольно принимаемых постулатов. При этом сохранить монистическое объяснение сознания, отказавшись от идеи космического субъекта, не так просто. Разрешить эти характерные для космопсихизма трудности помогло бы обращение к *прото-версии* космопсихизма. Однако, Ф. Гофф пишет про *космопротопсихизм* следующее:

³⁸⁵ Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism. P. 122.

«[Это решение] не кажется мне последовательным, по крайней мере после того, как мы признаем, что сознательные субъекты не подлежат редукции. Кажется самоочевидным, что если существует сущность Х, которая обладает переживающим сознанием, как нередуцируемым аспектом своей природы, то Х сама должна быть переживающим сознанием. Я не совершаю здесь ошибку композиции: очевидно, что нечто может иметь сознательную часть, не будучи сознательным само; например, стена, состоящая из живых человеческих существ, имеет сознательные части, но сама может не быть сознательной. Но если сущность Е имеет единую природу, одним из аспектов которой является сознательно переживающий разум М, то это означает, что единая природа Е включает М в себя. И, конечно, Е не может включить сознательный разум в свою природу, не будучи сознательным»³⁸⁶.

С этим рассуждением можно, в целом, согласиться и оно позволяет сразу отбросить многие версии космопротопсихизма при дальнейшем обсуждении. Однако мы полагаем, что из последнего утверждения может быть исключение. Иными словами, можно предложить подход, который будет описывать космос как такую сущность С, которая соответствует следующим условиям:

1. С имеет единую природу, одним из аспектов которой является индивидуальное сознание М,
2. С включает М в себя.
3. С не является сознательным.

Если эти условия будут соблюдены, то существование натуралистической версии монистического панпротопсихизма является, по крайней мере на первый взгляд, возможным. Рассмотрению подхода, удовлетворяющего этим условиям, будет посвящен следующий параграф.

3.3. Рестриктивный подход и его перспективы

3.3.1. Основания и общая формулировка рестриктивного подхода

³⁸⁶ Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. P. 217.

Даже если мы принимаем обсуждавшиеся ранее стратегии решения проблемы декомбинации, космопсихизм проблематичен ввиду того, что предполагает существование космического сознания. Поэтому мы заключили, что, как и в случае с панпсихизмом, более предпочтительной версией монистического подхода является космопротопсихизм. В рамках прото-версии космопсихизма мы можем приписывать космосу какие-то протофеноменальные свойства, например, качественные свойства по аналогии с панквалитизмом или нейтральные свойства по аналогии с нейтральным монизмом. Главной задачей для сторонников этого подхода становится нахождение способа обойти ограничение для панпротопсихизма, на которое указывает Ф. Гофф, и получить возможность приписывать космосу все свойства, необходимые для существования сознания, не предполагая при этом фактическое наличие сознания.

Обсуждая панпсихизм во второй главе, мы исходили из простой идеи комбинации, которая характерна для современных подходов – сознательные свойства или субъекты «складываются» вместе, тем или иным образом, и образуют новые сознательные свойства. Эта же идея характерна, в «перевернутом виде», и для некоторых декомбинаторных подходов, даже когда они отказываются от прямой мереологической метафоры и рассуждают не о частях, а об аспектах целого. В таком случае все ключевые черты прямой мереологической метафоры, влекущие основные проблемы, сохраняются, если сознательные состояния отдельных субъектов рассматриваются как что-то относительно независимое. Теперь мы рассмотрим альтернативный способ конституирования сознания в космопротопсихизме, который можно позаимствовать из классических разновидностей панпсихизма.

Некоторые важные идеи, которые могут быть использованы для построения альтернативного монистического подхода, мы можем встретить у А. Бергсона, который иногда рассматривается авторами в контексте проблем современного панпсихизма³⁸⁷, но, насколько нам известно, еще не рассматривался в контексте

³⁸⁷ Dolbeault J. Bergson's panpsychism // *Continental Philosophy Review*. 2018. Vol. 51. No. 4. С. 549–564; Dolbeault J. Panpsychism in Bergson and James // *Bergsoniana*. 2022. URL:

проблем космопсихизма. Бергсон не останавливается на обсуждении панпсихизма в явной форме, однако его позиция в этом вопросе достаточно ясна, поскольку он обстоятельно критикует как дуализм, так и крайности материализма и идеализма. В работе «Материя и память» он разрабатывает монистическую концепцию, в основе которой лежат оригинальные представления о восприятии реальности и памяти. Восприятие по Бергсону не является специфическим свойством сознания. Он предполагает, что восприятие должно было бы быть в большей степени присуще объектам, лишенным сознания, нежели сознающим субъектам, сознание которых ограничивают это восприятие, чтобы сделать его сознательным. Проблема, с его точки зрения, в том, чтобы объяснить то, как сознание себя ограничивает³⁸⁸. Нельзя не заметить, что Бергсон развивает здесь идеи Лейбница о том, как соотносятся перцепция и апперцепция. Вот фрагмент, в котором Лейбниц формулирует близкий к этому подход: «В известном смысле можно было бы сказать, что восприятие, присущее любой материальной, лишенной сознания точке, при всей своей моментальности, бесконечно более обширно и полно, чем наше, так как эта точка получает и передает воздействия всех точек материального мира, тогда как нашего сознания достигают лишь некоторые его части и некоторые стороны. Сознание – при внешнем восприятии – собственно и состоит в таком отборе»³⁸⁹.

Восприятие, исходя из этого, является не просто способностью ума, а особым свойством реальности. Хотя Бергсон не использует понятие монады и не обращается к субстанциальному плюрализму, его идеи схожи с монадологией Лейбница в описании мира как множества точек, перспектив действия и восприятия. Это не перспективы в смысле сознательной субъективности, а то, как образы мира предстают с разных точек зрения. Несмотря на явные признаки панпсихизма, подход Бергсона существенно отличается от подхода Клиффорда и большинства современных концепций. Сознание может быть названо

<http://journals.openedition.org/bergsoniana/884> (дата обращения: 24.02.2023); Hirai Y. Bergson on Panpsychism // *Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy*. 2022. No. 36. P. 137–157.

³⁸⁸ Бергсон А. Указ. соч. С. 182.

³⁸⁹ Там же. С. 180.

фундаментальным в том смысле, что его возникновение предопределено устройством мира, в материи самой по себе нет никаких сознательных свойств, состояний или субъектов. Материя также не содержит «частицы» сознания, которые могли бы быть собраны воедино путём комбинации для порождения сознающего субъекта. И, что более важно, фундаментальное восприятие не является сознательным именно потому, что на простейшем уровне организации такой отбор еще не произведен: «Мы сказали, что природу можно рассматривать как нейтрализованное и, следовательно, латентное сознание, случайные проявления которого гасят друг друга и сводятся на нет в тот самый момент, когда хотят обнаружиться. Таким образом, те проблески света, которые появляются в природе с возникновением индивидуального сознания, не освещают ее неожиданными лучами: индивидуальное сознание лишь устраняет препятствие, лишь извлекает из реального целого его виртуальную часть, лишь отбирает и выделяет то, что представляет для него интерес»³⁹⁰.

В отличие от подхода Клиффорда, сознание возникает не в результате комбинации, а в результате ограничения восприятий, которые по умолчанию образуют лишь латентное сознание. Являясь более полным, но менее упорядоченным, латентное сознание включает в себя восприятия, которые *гасят* друг друга, и потому оно не является сознанием в полном смысле слова. С одной стороны, такое решение можно признать крайне нетипичным для панпсихизма в его более распространенном прочтении. Однако, напомним, что уже для Лейбница переход от перцепции к апперцепции происходит тогда, когда монада, смутно воспринимающая всю вселенную, начинает ясно воспринимать то, что имеет к ней отношение, то есть связанное с ней тело и ближайшее окружение. Выражаясь на языке современной дискуссии, для перехода от протофеноменальных свойств к феноменальным требуется не только комбинация каких-то свойств, конституирующих сознание, но и ограничение тех свойств, которые являются излишними. Эта идея может быть использована для решения

³⁹⁰ Там же. С. 667.

возникающих перед космопсихизмом проблем. Начнём с краткой зарисовки основных черт данного подхода.

Как и в случае с комбинаторной проблемой и микропсихизмом, основные трудности для декомбинаторных решений в космопсихизме создаёт единство сознания. Эта характеристика требует, по меньшей мере, того, чтобы феноменальные качества и состояния одного сознания, существующие в один момент времени, представляли из себя единое состояние и не были взаимоисключающими. Субъективность и перспектива, как мы уже отмечали, тесно связаны со структурой феноменальных качеств, поэтому переизбыток таких качеств, если он вообще как-то влияет на феноменальные состояния, вполне может порождать невозможность возникновения сознания. В частности потому, что наличие у какого-то феноменального состояния сознания одной перспективы по определению исключает другую. И если мы, в духе описанного выше подхода Бергсона, предположим, что феноменальные качества, относящиеся к качественной характеристике, могут существовать в избытке и этот избыток может влиять на возникновение сознания и сдерживать его, то когнитивная система, в которой существует сознание, должна обладать способностью отсеивать и ограничивать какой-то определенный набор качеств из всего разнообразия протопсихических свойств. Поэтому отсутствие механизма ограничения феноменальных качеств заблокировало бы возможность проявления таких характеристик сознания как субъективность и единство. Мы полагаем, что если истинна какая-либо разновидность панпротопсихизма, то подобный механизм ограничения должен существовать в природе.

Этот подход можно назвать *рестриктивным космопротопсихизмом*. Он позволяет обеспечить необходимую связь между феноменальными макросвойствами (сознанием) и свойствами космоса, но исключает существование космического сознания. В наиболее прямолинейной версии данный подход может предполагать, что характеристики качественности, единства и субъективности относятся к космосу в целом, поэтому возникновение сознания возможно в любом регионе космоса, где будет устранён переизбыток

свойств. Однако ввиду естественной связи феноменальных свойств с физическими, сознание возникает тогда, когда появляется физическая структура, способная выполнять функцию ограничителя фундаментальных свойств, в том числе, феноменальных качеств (квалитативных свойств). Именно переизбыток квалитативных свойств является гарантом того, что никакое сознание ни на фундаментальном уровне, ни в других неподходящих условиях, возникать не будет, пока квалитативные свойства не будут ограничены в рамках определенной физической структуры. Можно предположить, что, такая структура возникает только при образовании живых организмов, однако теория может обрести иные подробности, обсуждение которых не принципиально для наших целей.

Выбор среди трёх обсуждавшихся ранее монистических стратегий Д. Шаффера, раскрывающих отношение целого и части, должен быть основан на отдельном исследовании. Для примера мы остановимся на стратегии *регионализованной инстанциации*, которая приписывает космосу нерегиональные свойства, например, *шипастость* или *плоскость*, однако они проявляются только на уровне отдельных регионов космоса. Феноменальные свойства индивидов являются регионализованной инстанциацией свойств целого космоса. Если мы рассмотрим космос как цельный объект, как это и принято в приоритетном монизме, то можно сказать, что у космоса есть склонность к инстанциации свойств сознания в определённой его части и при соблюдении определённых условий. Рассмотрим вновь возражение Гоффа, указывающее на то, что все три указанных ниже тезиса не могут быть одновременно истинны:

1. С (космос) имеет единую природу, одним из аспектов которой является индивидуальное сознание М,
2. С включает М в себя.
3. С не является сознательным.

Если бы для возникновения М не требовалось ограничение свойств, которыми обладает С, то совмещение тезисов 2 и 3 могло бы оказаться проблематичным. Соответствие этому описанию позволяет рестриктивному

подходу обойти изложенные ранее ограничения для панпротопсихизма. Несмотря на необычность этой формулировки, она является совершенно естественной не только для космопсихизма и приоритетного монизма.

Необходимо также прояснить почему и в какой степени для рестриктивного подхода принципиален именно космопротопсихизм. Начнём с того, что ограничение в принципе могло бы выполняться двумя способами: во-первых, просто в силу того факта, что в каком-то ограниченном месте пространства существует ограниченный набор качеств, и, во-вторых, путём отбора, который производится какой-то субстанцией (как у Лейбница) или какой-то особой структурой (как у Бергсона). На первый взгляд, принцип ограничения (рестрикции) мог бы работать и для обычного микропсихизма в сочетании с комбинаторным типом конституции сознания. Однако проблема заключается в том, что микропсихистская версия этого подхода допускала бы рестрикцию в первом смысле. Предположим, что отдельные группы феноменальных качеств содержатся в отдельных ограниченных участках пространства³⁹¹. Такие группы объединяются друг с другом и образуют сложную систему большего размера. В мереологическом атомизме, который предполагается микропсихизмом, могут существовать ограниченные участки пространства с ограниченным числом мереологических атомов, просто потому что данный конкретный набор мереологических атомов оказался в данном конкретном месте. Согласно предпосылкам рестриктивного подхода, когда эти феноменальные качества достаточным образом изолированы от других, то имеет место сознательное состояние. В таком случае в локально взятом фрагменте физической реальности сознание может возникать просто ввиду малого количества феноменальных качеств. Это привело бы нас к совершенно контринтуитивной ситуации: неконтролируемому числу сознающих субъектов, которые бы не были привязаны ни к какой сложной структуре, т.е. телам. Даже если такое внетелесное сознание было бы возможно, это явно не тот случай сознания, который мы хотели бы объяснить. Для приоритетного монизма такой проблемы не возникает, в первую

³⁹¹ Например, в каких-то частицах материи ненулевого размера.

очередь, потому что в отдельно взятой области пространства не может быть подлинно простых бесструктурных сущностей, то есть атомов, которые предполагаются атомизмом. Вместо этого там должна присутствовать особая субстанция (безатомная жижа, *atomless gunk*), потенциально делимая до бесконечности, а значит и потенциально бесконечный набор качеств. Поэтому в отдельно взятой области пространства, не подвергнутой рестрикции особыми образом, будет содержаться огромное количество феноменальных качеств, значительно превышающее то, которое необходимо для возникновения сознания³⁹². Таким образом, для рестриктивного подхода необходим приоритетный монизм.

Вместе с тем, далеко не очевидно, что для рестриктивного подхода необходим панпротопсихизм. В конце данной главы мы рассмотрим эту альтернативу, но пока что ограничимся уже заданным панпротопсихистским контекстом. Во-первых, мы покажем, что данный подход предпочтительнее других разновидностей панпсихизма в части соблюдения принципа экономии постулирования. Во-вторых, мы оценим способность данного подхода устранить метафизический разрыв и сыграть свою метафизическую роль в объяснении сознания.

3.3.2. Рестриктивный подход и принцип экономии постулирования

Важнейшим преимуществом предложенного нами подхода перед другими панпсихистскими решениями является настолько полное соблюдение принципа экономии постулирования, насколько это возможно для панпсихизма. Для того, чтобы обосновать это утверждение мы сопоставим некоторые элементы рестриктивного подхода с данным принципом.

³⁹² Отношения этого подхода с современной физикой требуют уточнения. В частности, возможность извлечения информации может быть ограничена как на физическом, так и на метафизическом уровне. Следует заметить, что приоритетный монизм не только не противоречит физике, но во многих аспектах сочетается с ней гораздо лучше, чем атомизм. Подробнее см.: Schaffer J., Ismael J. Quantum holism: Nonseparability as common ground // *Synthese*. 2020. Vol. 197. No. 10. P. 4131–4160.

Начать следует с общей оценки идеи рестрикции (ограничения). Эта идея не противоречит нашим интуитивным представлениям о работе восприятия. Наше тело и наши органы чувств регулярно подвергаются различным воздействиям, каждое из которых содержит какую-то информацию об окружающем мире, состояние нашего тела, как физического объекта, постоянно меняется и внешний анализ мог бы установить эти изменения и извлечь из них множество данных. Однако наше сознание, несмотря на это, не содержит беспорядочный поток этих данных, оно содержит весьма избирательную репрезентацию окружающей действительности. Это же касается и органов чувств. Слух работает с относительно узким набором частот. Зрение человека различает только цветовой диапазон среди всего спектра частот колебаний фотонов. Осязание и другие чувства отрегулированы с точностью, необходимой для целей работы организма. Даже если рассмотреть человеческий мозг, как вычислительную систему, то информации, которая могла бы быть извлечена, в нем содержится гораздо больше, чем отображается в нашем сознании. Поэтому гипотеза ограничения и отбора совершенно естественным образом встраивается в наши представления о когнитивных и физиологических механизмах работы восприятия.

Некоторые проблемы рассмотренных ранее подходов можно выразить через их противопоставление их принципу экономии постулирования. Микропсихизм постулирует феноменальное сознание мереологических атомов. Космопсихизм постулирует феноменальное сознание космоса. Оба предположения не имеют под собой никаких дополнительных оснований, кроме стремления объяснить сознание живых существ³⁹³. Однако оба подхода обладают возможностью утверждать, что феноменальное сознание атомов и космоса аналогично феноменальному сознанию живых существ. Произвольность состоит в необоснованном расширении понятия сознания на явления, которые с ним не связаны. Иначе

³⁹³ Здесь, однако, можно сослаться на аргументацию расселианского панпсихизма, а именно, на тезис о том, что внутренние свойства мереологических атомов или космоса имеют феноменальную природу. Вместе с тем, для расселианского монизма нет необходимости утверждать именно это. Это наглядно демонстрируется в подходе Д. Столяра. Поскольку данная дискуссия относится к вопросу о ментальной каузальности, а не к трудной проблеме сознания, мы не будем рассматривать этот вопрос подробнее.

обстоит дело с панпротопсихизмом. Этот подход постулирует протопсихические свойства мереологических атомов. Для утверждений о существовании данных свойств могут быть собственные основания³⁹⁴, однако произвольным является то, как мы формируем их описание. В тоже время, панквалитизм и информационные подходы предлагают достаточно конкретное описание протопсихических свойств. Для них, как и для эмерджентных подходов, принцип экономии постулирования нарушается в безосновательном утверждении о наличии некой связи между фундаментальными свойствами и возникновением сознания. Иными словами, произвольное утверждение о существовании свойств в микропсихизме подменяется произвольным утверждением об отношениях между свойствами.

Чтобы оценить соответствие *принципу экономии постулирования*, мы можем задать следующие вопросы. *В каком смысле фундаментально сознание в рестриктивном подходе? Каковы основания постулировать фундаментальность сознания? Насколько постулаты рестриктивного подхода являются странными и произвольными?*

Рестриктивный подход позволяет использовать гораздо более простое решение, чем космопсихизм и микропсихизм. Дело в том, что космопсихист вынужден утверждать, что космос обладает *принципиально иным* типом сознания, которое должно объяснять более близкое для нас сознание отдельного индивида. Даже если феноменальный аспект сознания у мереологического атома или космоса каким-то образом окажется аналогичен человеческому, его соотношение с сознанием доступа и психикой в целом с необходимостью должно быть иным. Предположение о наличии психической жизни у мереологического атома или космоса является совершенно неприемлемым для натуралистического панпсихизма, по меньшей мере, по методологическим соображениям, указанным ранее.

Рестриктивный подход, напротив, может ограничиться лишь принятым нами в первой главе определением сознания в форме тезиса (O2). Укажем его еще раз:

³⁹⁴ В том числе, исходя из вышеуказанной аргументации на основе расселианского монизма.

(O2) Состояние является сознательным если и только если оно является субъективным, целостным и квалитативным.

Допустим, что мы приняли это определение сознания и, принимая монистический панпсихизм, утверждаем, что характеристики субъективности, целостности и квалитативности существуют в космосе в качестве фундаментальных. Далее мы допускаем предположение, что квалитативность, субъективность и единство, присущие нашему сознанию – это те же самые свойства, которые присущи всему космосу и всем иным индивидам, обладающим сознанием. Постулируя эти характеристики и их связь с возникновением сознания, мы не предполагаем наличие каких-то иных свойств или типов сознания, существование которых не предполагалось бы определением сознания. Возможность избежать дополнительных постулатов о наличии иных сознаний достигается за счет метафизики монизма и тезиса о регионализированной инстанциации. Здесь может возникнуть возражение следующего содержания: *если мы просто утверждаем, что характеристики сознания существуют, то мы не предлагаем эксплананс, мы лишь постулируем существование экспланандума.* Действительно, в предлагаемом подходе различие между объясняемым и объясняющими компонентами может быть очевидно не сразу. Однако это различие достигается за счет мереологических отношений между космосом, как целым, и живым организмом, как его частью. Хотя все необходимые характеристики для возникновения сознания есть и у космоса, и у живого организма, космос, как целое, не обладает сознанием, но его часть, тождественная конкретному организму, напротив, обладает сознанием. Это различие можно сделать еще более ясным на примере второго, определения сознания, указывающего на состояние.

(U2) Состояние является сознательным если и только если существует то, каково это находится в данном состоянии.

Как мы уже указывали в первой главе, квалитативность означает лишь наличие какой-то качественной характеристики сознания, без указания на то, какие типы качеств наличествуют и каким образом они организованы. Одна лишь

квалитативная характеристика космоса не предполагает наличие у него набора феноменальных качеств, пригодных для обладания сознанием. Конкретное квалитативное содержание связано с конкретной организацией качеств и наличием конкретной характеристики *каково это быть* данным субъектом. Если истинен рестриктивный подход, то квалитативное содержание космоса, как целого, не позволяет ему, если мы рассмотрим его в качестве потенциального сознающего субъекта, обладать сознанием, ввиду структуры этого содержания. Качеств слишком много, чтобы характеристики субъективности и единства могли сыграть ту конституирующую роль, которую они играют в нашем сознании. Поскольку, ввиду переизбытка феноменальных качеств, нет *того, каково это быть космосом*, то, по определению сознания, никакого космического сознания, исходя из критериев (U2) быть не может.

Данное рассуждение ни в коей мере не означает, что тезис о существовании характеристик квалитативности, субъективности и единства в отношении отдельно взятого сознания тождественен тезису о существовании таких характеристик у космоса в целом. Разумеется, второй тезис требует дополнительного обоснования. Важно то, что сила того тезиса, который должен обосновать сторонник рестриктивного космопротопсихизма значительно меньше, чем для остальных подходов, поскольку ему не требуется доказывать наличие сознания *какого-то другого типа*, как это происходит в случае с микропсихизмом или космопсихизмом. Фактически, задача вообще не задействует постулирование новых сущностей и может быть сформулирована совершенно отличным от иных версий панпсихизма образом: как показать, что хорошо знакомые нам сознательные состояния соответствуют тем утверждениям, которые делаются в рамках рестриктивного подхода. Таким образом, гипотеза о существовании у космоса характеристик сознания в том смысле, в котором это предполагается в рестриктивном подходе, является наименее затратной с точки зрения *принципа экономии постулирования*.

3.3.3. Перспективы рестриктивного подхода в объяснении сознания

Теперь необходимо обратиться к главному вопросу в отношении всех обсуждавшихся нами подходов: вопросу об объяснении сознания. Исходя из вопросов, которые мы сформулировали в первой главе, анализ объяснительных перспектив рестриктивного подхода можно разделить на три подраздела: способность устранить метафизический (объяснительный) разрыв, способность прояснить природу сознания, и способность стать хорошим основанием для научной теории сознания.

Для начала необходимо кратко обобщить преимущества рестриктивного космопротопсихизма перед другими подходами. Во-первых, данный подход в полной мере использует особенности монистической метафизики для проблемы декомбинации. Напомним, что решение Ф. Гоффа и И. Шани заключалось в том, что индивидуальные субъекты лишь частично основаны на космическом субъекте, и у сознания индивидуальных субъектов есть специфический характер, который проявляется в том какова перспектива или точка обзора для конкретного субъекта. В отсутствие деталей данное описание является произвольным постулатом, утверждением результата без обоснования механизма, который помогает его достичь. Однако в рамках рестриктивного подхода оно приобретает смысл. Рестриктивный подход не предполагает, что у космоса есть собственная перспектива, поэтому не возникает никакого противоречия между разными уровнями перспектив. Индивидуальные субъекты частично основаны на протопсихических свойствах, поскольку последние на уровне всего космоса ограничены избытком качеств, при устранении которого и возникает сознающий субъект. Во-вторых, данный подход позволяет сочетать сильные стороны иных рассмотренных подходов. Наиболее примечательным отличием от панквалитизма для такого подхода является то, что сознание возникает не только вследствие комбинации качеств, а также вследствие их ограничения. При этом *возникновение* сознания здесь происходит лишь условно, и по своей сути этот процесс следует скорее именовать *проявлением*, поскольку все характеристики сознания были присущи космосу изначально. Это отличает данный подход от эмерджентизма.

Как и в эмерджентных подходах, квалитативность, субъективность и единство сознания не возникают в результате комбинации. Однако, в отличие от эмерджентных подходов эти характеристики сознания являются фундаментальными характеристиками космоса в целом. Таким образом, сочетание особенностей этого подхода позволяет использовать преимущества панквалитизма и эмерджентизма, отказавшись от их недостатков.

Эти обстоятельства в сочетании с изложенным ранее показывают, что рестриктивный подход успешно устраняет метафизический разрыв между фундаментальными свойствами и свойствами сознания. Однако *способен ли он прояснить природу сознания?* Мы полагаем, что данный подход не даёт окончательного ответа на этот вопрос, но вносит существенный вклад в прояснение природы сознания, поскольку он позволяет решить следующие задачи:

1) Совместить особенности комбинаторных и монистических решений для объяснения мереологической природы сознания. С учетом данного нами определения, сознание имеет двойственную мереологическую природу. В нём есть комбинаторные элементы, которые проявляются, в первую очередь, в квалитативной характеристике, а есть и монистические элементы, к которым тяготеет характеристика единства. В рестриктивном подходе это объясняется тем, как соотносятся между собой свойства космоса и свойства его отдельных частей.

2) Провести ясное различие и установить связь между понятиями субъективной и объективной реальности, избегая метафоры театра и ссылок на наличие какого-либо «наблюдателя» до появления сознания, что может привести лишь к бесконечному регрессу в объяснении. Краткий ответ здесь может быть следующим. Объективная реальность не содержит конкретной перспективы от первого лица, поскольку её структура слишком перенасыщена разными качествами и перспективами, а значит не соответствует условиям для существования сознания. Именно понятие рестрикции проливает свет на то, как внутренний «феноменальный» мир соотносится с внешним «физическим» миром.

3) Придать конкретный смысл каждой характеристике сознания, поскольку все они выступают в уникальной роли конституирующего фактора или ограничивающего, в зависимости от ситуации. Например, характеристика единства объединяет разрозненные качества вместе, но она же не позволяет сознанию возникать, поскольку объединяет, в том числе, и избыточные качества, если они надлежащим образом не ограничены. Характеристика субъективности формирует специфику сознания, но именно наличие нескольких перспектив в пределах одного набора качеств выступает в качестве ограничивающего фактора. Наконец, квалитативность является основным материалом, из которого состоит картина внутреннего мира, но эта же квалитативность блокирует возникновение сознания, если речь идёт об избыточных феноменальных качествах.

4) Открыть еще один путь для натуралистического научного объяснения характеристик сознания, поскольку характеристики сознания приобретают совсем иное содержание в рамках монистического подхода. Для монистического подхода сознание является единой целостной сущностью, а не набором отдельных элементов, обретающих единство на определённом этапе структурной организации. Именно такой проект предлагает космопсихизм, однако не справляется с этой задачей даже на самом раннем этапе. Рестриктивный космопротопсихизм позволяет продвинуться в этом вопросе несколько дальше и реализовать преимущества космопсихизма в рамках натурализма.

Последний тезис подводит нас вплотную к третьему вопросу: *может ли рестриктивный подход стать метафизическим основанием для научной теории сознания?* Остановимся в качестве примера на наиболее детально проработанном информационном подходе – теории интегрированной информации. Этот пример удачен тем, что, во-первых, ТИИ является когнитивной теорией сознания, во-вторых, она является разновидностью панпротопсихизма (протопсихическим свойством выступает информация). Как уже отмечалось ранее, информация – это свойство, которое приписывается структурам, поэтому любые комбинаторные стратегии будут неизбежно рассматривать его как производное от свойств мереологических атомов. Если информация также является фундаментальным

свойством, как того требует панпротопсихизм, то остаётся совершенно неясным сам механизм перехода от информации к сознанию. ТИИ уклоняется от этого возражения ценой обращения к эмерджентизму. Поскольку сознание является единым и субъективным, использование комбинации информации для объяснения сознания является проблематичным. Ранее мы уже указывали, что рестриктивный подход совмещает в себе преимущества панпротопсихизма и эмерджентизма. В данном случае структурность информации перестаёт быть проблемой, поскольку структура в приоритетном монизме может быть первична по отношению к её элементам. Если мы вслед за информационными подходами устанавливаем, что сознательные состояния тождественны информационным состояниям при определённых условиях, то именно рестрикция, в дополнение к интеграции, позволяет объяснить, почему космос сознанием не обладает. Мы можем применить к информации все те же рассуждения об ограничениях, которые мы применяли к феноменальным качествам. При этом, в отличие от классической ТИИ, рестриктивная версия ТИИ могла бы обойтись без эмерджентизма, поскольку феноменальные состояния индивидов основаны на качественно и информационно избыточном состоянии космоса. Таким образом, идея рестрикции способна сделать из теории, фиксирующей наличие метафизического разрыва, теорию, в которой метафизический разрыв отсутствует. Разумеется, расширение, которое может предложить рестриктивный подход, способно улучшить метафизическую составляющую научной теории, но оно не сможет устранить недостатки, связанные с научно-методологическим аспектом.

3.4. Выводы третьей главы

В третьей главе рассмотрены некоторые проблемы панпсихизма в контексте отдельных научных теорий сознания, а также проанализированы различные версии космопсихизма.

В первом параграфе проблематика панпсихизма рассматривается в двух аспектах, связанных с научным объяснением сознания. Во-первых, в связи с научным поиском протопсихического свойства. Перспективы комбинаторных

подходов, опирающихся на возможность будущих открытий, достаточно слабы, пока не решена сама комбинаторная проблема. Данное обстоятельство обусловлено тем, что несмотря на возможные будущие открытия в науке, вероятность открытия такого нового свойства, которое позволило бы обойти комбинаторную проблему, крайне мала. Во-вторых, показано, что проблематика панпсихизма имеет непосредственное отношение к когнитивным теориям сознания. Некоторые когнитивные теории сталкиваются с комбинаторной проблемой, поскольку являются разновидностью панпсихизма или панпротопсихизма. Другие теории сталкиваются с панпсихизмом как проблемой, являющейся побочным эффектом используемых ими философских предпосылок. Вторая ситуация проявляется в виде двух проблем:

- 1) Отсутствие четкой границы между сознательными и не-сознательными состояниями одной и той же физической системы.
- 2) Отсутствие четких критериев для различения сознательных и не-сознательных физических систем.

Приведенные рассуждения показывают, что та методология, которую принимают когнитивные теории, а также те тезисы, которые на данный момент включают в себя теории, влекут как проблемы, связанные с мереологической проблематикой, так и проблемы, связанные с панпсихизмом. Если теория **допускает** панпсихизм в той или иной форме она сталкивается с комбинаторной проблемой. Даже если теория **не допускает** панпсихизм, она может сталкиваться с вышеуказанными разновидностями проблемы панпсихизма. Некоторые теории влекут панпсихизм в качестве нежелательного следствия, но сама эта альтернатива в достаточной степени не исследована. Авторы, избегающие панпсихизма, принимают отрицание панпсихизма на методологическом уровне, поскольку в используемом ими подходе не существует способа решить его проблемы. Кроме того, рассмотрено возможное влияние панпсихизма, как конкретной гипотезы, на исследования сознания. Соглашаясь с позицией К. Франкиша, утверждающего, что современный панпсихизм представляет из себя тупик для эмпирических исследований сознания, мы всё же полагаем, что

будущие возможные подходы в этом направлении могут кардинально изменить ситуацию.

Во втором параграфе рассмотрены общие характеристики мереологического монизма, как метафизической основы космопсихизма и причины обращения к этому подходу вне контекста философии сознания. Проведено различие между радикальной версией монизма и приоритетным монизмом. Благодаря своей монистической природе космопсихизм позволяет совместить преимущества комбинаторных и эмерджентных подходов. Однако космопсихизм сталкивается с проблемой декомбинации, которая, по мнению некоторых авторов, схожа с комбинаторной проблемой. В завершении параграфа сделан вывод, что проблема декомбинации составляет существенное затруднение для космопсихизма, но не столь сложна, как комбинаторная проблема. Сформулированы тезисы, составляющие суть проблемы декомбинации:

(SD1) из единого состояния сознания не образуются отдельные суб-состояния сознания, являющиеся его частями (*проблема выделения субъектов*).

(SD2) если бы мы предположили, что отдельное суб-состояние сознания все же может возникнуть, оно все еще не выводимо из свойств единого сознания (*проблема вывода*).

(SD3) Субъективные перспективы не подлежат декомбинации (*проблема декомбинации перспектив*).

В тоже время, более серьезной проблемой для космопсихизма, рассматриваемого в контексте натуралистических подходов, является радикальный и недостаточно правдоподобный тезис о наличии сознания у космоса, как целого. Против этого тезиса приведены следующие возражения.

1. *Утверждение существования космического сознания представляет из себя объяснительный тупик для натурализма.*

2. *Вывод в пользу существования космического сознания исходя из наличия сознания невозможен вследствие комбинаторной проблемы.*

3. Проблема исследования космического сознания представляет из себя классическую проблему другого сознания, поставленную в её абсолютной и неразрешимой форме.

В связи с этим сделан вывод, что единственным пригодным для натурализма направлением развития монистического панпсихизма является тот, в котором удастся совместить возможность монистического объяснения сознания с тезисом об отсутствии сознания у космоса в целом. Такой разновидностью является монистический панпротопсихизм или, иначе, космопротопсихизм.

В третьем параграфе предложена модификация для космопротопсихизма, именуемая рестриктивный подход. Она основана на некоторых панпсихистских идеях А. Бергсона и обладает существенными преимуществами перед космопсихизмом.

Рестриктивный космопротопсихизм обладает рядом преимуществ перед другими подходами. Во-первых, данный подход в полной мере использует особенности монистической метафизики для проблемы декомбинации. Решение Ф. Гоффа и И. Шани заключалось в том, что индивидуальные субъекты лишь частично основаны на космическом субъекте, и у сознания индивидуальных субъектов есть специфический характер, который проявляется в том какова перспектива или точка обзора для конкретного субъекта. В отсутствие деталей данное описание является произвольным постулатом, утверждением результата без обоснования механизма, который помогает его достичь. Однако в рамках рестриктивного подхода оно приобретает смысл. Рестриктивный подход не предполагает, что у космоса есть собственные сознание и перспектива, поэтому не возникает никакого противоречия между разными уровнями перспектив. Индивидуальные субъекты частично основаны на протопсихических свойствах, поскольку последние на уровне всего космоса ограничены избытком качеств, при устранении которого и возникает сознающий субъект. Во-вторых, данный подход позволяет сочетать сильные стороны иных рассмотренных подходов. Наиболее примечательным отличием от панквалитизма для такого подхода является то, что сознание возникает не только вследствие комбинации качеств, а также вследствие

их ограничения. При этом *возникновение* сознания здесь происходит лишь условно, и по своей сути этот процесс следует скорее именовать *проявлением*, поскольку все характеристики сознания были присущи космосу изначально. Это отличает данный подход от эмерджентизма. Как и в эмерджентных подходах, квалитативность, субъективность и единство сознания не возникают в результате комбинации. Однако, в отличие от эмерджентных подходов эти характеристики сознания являются фундаментальными характеристиками космоса в целом. Таким образом, сочетание особенностей этого подхода позволяет использовать преимущества панквалитизма и эмерджентизма, отказавшись от их принципиальных недостатков.

Отмечается, что рестриктивный подход позволяет использовать гораздо более простое решение, чем космопсихизм и микропсихизм. Космопсихист вынужден утверждать, что космос обладает *принципиально иным* типом сознания, которое должно объяснять более близкое для нас сознание отдельного индивида. Этот тезис сталкивается с возражениями, указанными ранее. Рестриктивный подход, напротив, может ограничиться лишь принятым в первой главе данного исследования определением сознания, в том числе, в форме тезисов (U2) и (O2). Гипотеза рестриктивного подхода заключается лишь в том, что космос обладает характеристиками сознания, но не сознанием как таковым. В тоже время, ничего, кроме этих характеристик не постулируется. Поэтому данный подход основан на гипотезе, которая является наименее затратной с точки зрения *принципа экономии постулирования*.

Однако заявленный подход не лишен существенных недостатков, основным из которых является отсутствие конкретных деталей, неясность гипотез и оторванность их от эмпирических исследований сознания на их современном этапе. Мы лишь показали возможность и некоторые общие преимущества данного подхода. Так что несмотря на наличие общих перспектив, на сегодняшний день нам не известны такие разновидности панпсихизма, которые можно было бы считать способом содержательно решить трудную проблему сознания, обойдя при

этом собственные проблемы: комбинаторную проблему и другие возникающие на этом пути сложности.

Заключение

В завершение исследования можно заключить, что нам удалось выполнить главную его цель и определить перспективы современного натуралистического панпсихизма в объяснении феноменального сознания. Выводы в отношении перспектив натуралистического панпсихизма основаны на рассмотрении трёх ключевых тем.

Во-первых, *анализ панпсихизма как решения трудной проблемы сознания*. Для этого мы установили, каковы основания для обращения к панпсихизму при решении трудной проблемы сознания, изложили ключевые особенности и разновидности натуралистического панпсихизма, определили место панпсихизма в системе других теорий сознания.

Оценка существующих разновидностей панпсихизма позволила сделать вывод, что *микropsихизм и панпротопсихизм сталкиваются с комбинаторной проблемой, поэтому они не являются удачным решением трудной проблемы сознания*.

Во-вторых, *анализ комбинаторной проблемы панпсихизма в контексте трудной проблемы сознания*. Для этого было произведено сопоставление трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма, в которых выявлена общая мереологическая проблематика. Кроме того, панпсихизм в его сочетании с комбинаторной проблемой был рассмотрен как специфическая проблема современных теорий сознания. На основании этого анализа был предложен метод для оценки перспектив других подходов, нацеленных на решение трудной проблемы сознания. Это позволило нам сделать вывод, что *не только панпсихизм, но и другие натуралистические подходы, которые основаны на мереологическом атомизме (комбинаторные подходы), сталкиваются с комбинаторной проблемой в той или иной форме*.

В-третьих, *анализ перспектив панпсихизма, с учетом необходимости решить и трудную проблему сознания, и комбинаторную проблему панпсихизма*. Для этого были рассмотрены монистические разновидности панпсихизма, а также

проанализирована связь панпсихизма с научными теориями сознания. Установлено, что *космопсихизм (монистический панпсихизм)* позволяет обойти комбинаторную проблему за счет использования стратегии приоритетного монизма. Возникающая перед данным подходом проблема декомбинации менее существенна, чем комбинаторная проблема.

В ходе критического рассмотрения панпсихизма на разных этапах исследования были выработаны определенные требования к таким подходам. В частности, был предложен принцип экономии постулирования, который служит для сопоставления разных панпсихистских подходов. Было установлено, что *микропсихизм и космопсихизм произвольно постулируют существование сознаний, не подлежащие натуралистическому объяснению, а именно сознание микросубъектов и космическое сознание. Панпротопсихизм атомистического типа не решает эту проблему, поскольку не предлагает подходящих кандидатов на роль панпротопсихических свойств.*

Космопротопсихизм (монистический панпротопсихизм) в сочетании с предложенным в работе рестриктивным подходом является наилучшей стратегией решения трудной проблемы сознания среди всех современных форм панпсихизма, поскольку обладает всеми преимуществами космопсихизма, но не использует избыточные постулаты. Он позволяет использовать гораздо более простое решение, чем космопсихизм и микропсихизм. Данный подход основан на идее ограничения феноменальных фундаментальных свойств в качестве одного из механизмов конституирования сознания. Гипотеза рестриктивного подхода заключается лишь в том, что космос обладает характеристиками сознания, но не сознанием как таковым. В тоже время, ничего, кроме этих характеристик не постулируется.

Таким образом, в современном натуралистическом панпсихизме может быть предложен по меньшей мере один подход, который обладает перспективами в решении трудной проблемы сознания. Однако заявленный подход не лишен существенных недостатков, основным из которых является отсутствие конкретных деталей, неясность гипотез и оторванность их от эмпирических

исследований сознания на их современном этапе. Мы лишь показали возможность и некоторые общие преимущества данного подхода. Так что несмотря на наличие общих перспектив, на сегодняшний день нам не известны такие разновидности панпсихизма, которые можно было бы считать способом содержательно решить трудную проблему сознания, обойдя при этом собственные проблемы: комбинаторную проблему и другие возникающие на этом пути сложности.

Учитывая все возникающие перед ним проблемы, панпсихизм не может служить готовым решением трудной проблемы сознания, однако интересен и полезен для поисков её решения по двум причинам. Во-первых, как методология для построения гипотез, поскольку панпсихизм можно принимать как проблему, нежелательное следствие теорий, даже если он не рассматривается как одно из возможных решений. Для этого данная альтернатива должна рассматриваться содержательно и всерьёз. Во-вторых, его можно воспринимать как способ продемонстрировать комбинаторную проблематику, возникающую в рамках трудной проблемы сознания. Во втором случае проблематика панпсихизма, в сочетании с комбинаторной проблемой, может служить обоснованием для принятия монистических подходов, таких как приоритетный монизм, которые в настоящее время крайне редко оказываются предметом исследования в философии сознания.

Список литературы

1. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
2. Бергсон А. Материя и память / Пер. с франц. А. Баулер, В. Базаров // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–300.
3. Бердникова А.Ю. Неолейбнизианство в России. М.: ИФ РАН, 2021. 248 с.
4. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Brentano Ф. Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 9–91.
5. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
6. Винник Д.В. Эмерджентизм versus панпсихизм в материалистической теории сознания // Философия науки. 2009. № 3. С. 125–139.
7. Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания: вызовы и решения // Эпистемология и философия науки. 2015. № 2. С. 5–19.
8. Гаспаров И.Г. Панпсихизм в поисках самоопределения // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 212–219.
9. Горбатов В.В. За пределами «золотого треугольника»: логико-философские основания 2-дименсионализма // Полигнозис. 2014. № 1–2. С. 24–37.
10. Горбатов В.В. «Аргумент зомби» и проблема априорной выводимости // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 4 (146). С. 82–91.
11. Гусев А.А. Панпсихизм и протопанпсихизм в философии сознания: по следам интерпретаций Д. Чалмерса // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки. 2017. № 8. С. 52–56.
12. Гусев А. Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 85–103. URL: <https://pa.iphras.ru/article/view/6948/3516>.
13. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 208 с. URL:

- https://dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/problema_sozn_mozg.htm (дата обращения: 20.02.2024).
14. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. С. 3–72.
 15. Джеймс У. Как два разума могут знать одну вещь / Пер. с нем. М. С. Сысоев // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. №. 4. С. 266–274.
 16. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 240 с.
 17. Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004.
URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (дата обращения: 20.02.2024).
 18. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М. Панпсихизм // Философский энциклопедический словарь / ред. и сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
 19. Кузнецов А.В. Аргумент против конститутивного панпсихизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 60–68.
 20. Кузнецов А.В. Конститутивный панпсихизм и проблема ментальной каузальности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 106–117.
 21. Лейбниц Г.В. Монадология / Пер. с франц. Е.Н. Боброва // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.
 22. Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике / Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 125–163.

23. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме / Пер. с франц. Н.А. Иванцова // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 404–412.
24. Лейбниц Г.В. Размышления о жизненных началах и о пластических натурах / Пер. с франц. Н. Я. Грота // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 370–377.
25. Лейбниц Г.В. Материя, взятая в себе / Пер. с лат. Я.М. Боровского // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 383–387.
26. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении / Пер. с франц. П.С. Юшкевича // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
27. Лекторский В.А. Сознание // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HA_SH01089449209fc347f3553108 (дата обращения: 24.02.2023).
28. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Пер. с нем. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.
29. Морозов К.Е. Зачем быть панпсихистом? // Insolarance Cult. 28.01.2024. URL: <https://insolarance.com/why-panpsychism/> (дата обращения: 20.02.2025).
30. Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казанский университет, 2011. 222 с.
31. Нагуманова С.Ф. Единство сознания: различные подходы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 94–101.
32. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
33. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Пер. с лат. Н.А. Иванцова // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 359–618.

34. Стубенберг Л. Нейтральный монизм / Пер. с англ. Я. Михайлов // Brick of Knowledge. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/neutral-monism> (дата обращения: 24.02.2023).
35. Сысоев М.С. «Летучая мышь» (мысленный эксперимент) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/letuchaia-mysh-myslennyi-eksperiment-ff3166/?v=4422651> (дата обращения: 24.02.2023).
36. Сысоев М. С. Эмерджентизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/emerdzhentizm-2a3346/?v=6854058> (дата обращения: 24.01.2024).
37. Сысоев М.С. Насколько трудна *трудная проблема* сознания: к вопросу о проблеме сознания в трактовке Дэвида Чалмерса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4 (30). С. 134–142.
38. Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. Т. 23. № 2. С. 91–102.
39. Сысоев М.С. Проблема определения информации и современные теории сознания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 4. С. 52–57.
40. Сысоев М.С. Философия сознания Уильяма Джеймса: между нейтральным монизмом и панпсихизмом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 249–265.
41. Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219.
42. Танюшина А.А. Панпсихизм и концепция каузальной значимости в теории либерального натурализма Грегга Розенберга // Философия истории философии. 2023. Т. 3. С. 292–306.

43. Фролов К.Г. Аналитика эмерджентности в контексте проблемы сознания // *Философия науки*. 2012. № 3. С. 105–116.
44. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильев. М.: URSS: Либроком, 2015. 512 с.
45. Юлина Н.С. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность // *Вопросы философии*. 2010. № 12. С. 127–143.
46. Alter T., Pereboom D. Russellian Monism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2023 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/russellian-monism/> (дата обращения: 24.02.2023).
47. Amir Y.Z. Experiencing without knowing? Empirical evidence for phenomenal consciousness without access // *Cognition*. 2023. No. 238. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027723001634?via%3Dihub> (дата обращения: 24.02.2023).
48. Antony L.M., Levine J. Reduction with autonomy // *Philosophical perspectives*. 1997. No. 11. P. 83–105.
49. Baker L.R. Why constitution is not identity // *The Journal of Philosophy*. 1997. Vol. 94. No. 12. P. 599–621.
50. Barbone S., Bruce M. Just the Arguments: 100 of the Most Important Arguments in Western Philosophy. New York: Wiley, 2011. 409 p.
51. Basile P. It Must Be True – but How Can It Be? Some Remarks on Panpsychism and Mental Composition // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2010. Vol. 85. No. 67. P. 93–112.
52. Bayne T. The unity of consciousness. New York: Oxford University Press, 2010. 341 p.
53. Bedau M.A. Weak emergence // *Philosophical perspectives*. 1997. Vol. 11. P. 375–399.
54. Bennett J. Learning from Six Philosophers. Vol. 1: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume. Clarendon Press, 2001. 403 p.

55. Blamauer M. Panpsychism without Subjectivity? A Brief Commentary on Sam Coleman's 'Mental Chemistry' and 'The Real Combination Problem' // *Disputatio*. 2013. Vol. V. No. 37. P. 299–309.
56. Block N. Troubles with Functionalism // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1978. Vol. 9. P. 261–325.
57. Block N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 1995. Vol. 18. P. 227–247.
58. Block N. Overflow, access, and attention // *Behavioral and Brain Sciences*. 2007. Vol. 30. No. 5–6. P. 530–548.
59. Block N. *The border between seeing and thinking*. New York: Oxford University Press, 2023. 542 p.
60. Brook A., Raymont P. The Unity of Consciousness // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/consciousness-unity/> (дата обращения: 24.02.2023).
61. Bruntrup G. Emergent panpsychism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 48–73.
62. Carnap R., Bar-Hillel Y. *An outline of a theory of semantic information*. Cambridge: MIT, 1952. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/4821> (дата обращения: 24.02.2023).
63. Carruthers P. *Phenomenal consciousness: A naturalistic theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 347 p.
64. Carruthers P. Block's overflow argument // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2017. Vol. 98. P. 65–70.
65. Chalmers D.J. *Consciousness and its place in nature* // *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 247–272.
66. Chalmers D.J. Does conceivability entail possibility? URL: <https://consc.net/papers/conceivability.html> (дата обращения: 01.10.2023).

67. Chalmers D.J. The Two-Dimensional Argument Against Materialism // The Oxford Handbook of Philosophy of Mind / Ed. by W. Sven, A. Beckermann, B.P. McLaughlin. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 313–337.
68. Chalmers D.J. Constructing the world. Oxford: Oxford University Press, 2012. 494 p.
69. Chalmers D.J. Panpsychism and panprotopsyism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 19–56.
70. Chalmers D.J. The Combination Problem for Panpsychism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 179–213.
71. Clifford W.K. On the Nature of Things in Themselves // Mind. 1878. Vol. 3. No. 9. P. 57–67.
72. Clifford W. K. Lectures and essays. London: Macmillan, 1886. 340 p.
73. Cohen M. A., Dennett D. C. Consciousness cannot be separated from function // Trends in cognitive sciences. 2011. Vol. 15. No. 8. P. 358–364.
74. Coleman S. The real combination problem: Panpsychism, micro-subjects, and emergence // Erkenntnis. 2013. Vol. 79. P. 19–44.
75. Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 249–282.
76. Coleman S. The Evolution of Nagel's Panpsychism // Klesis. 2018. No. 41. P. 180–202.
77. Dainton B. Stream of consciousness: Unity and continuity in conscious experience. New York: Routledge, 2002. 254 p.
78. Dainton B. Review of «Consciousness and Its Place in Nature» // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. No. 83. P. 238–261.
79. Davies M., Humphrey G.W. Consciousness. Oxford: Blackwell, 1993. 311 p.
80. Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. 511 p.

81. Dretske F.I. Knowledge and the Flow of Information. Stanford, CA: MIT Press, 1981. 273 p.
82. Dolbeault J. Bergson's panpsychism // Continental Philosophy Review. 2018. Vol. 51. No. 4. P. 549–564.
83. Dolbeault J. Panpsychism in Bergson and James // Bergsoniana, 2022. URL: <http://journals.openedition.org/bergsoniana/884> (дата обращения: 24.02.2023).
84. Edwards P. Panpsychism // The Encyclopedia of Philosophy. London: Collier-Macmillan, 1967. P. 22–31.
85. Floridi L. Philosophical conceptions of information // Formal theories of information: From Shannon to semantic information theory and general concepts of information. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2009. P. 13–53.
86. Ford M.P. William James: Panpsychist and Metaphysical Realist // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1981. Vol. 17. No. 2. P. 158–170.
87. Frankish K. Panpsychism and the Depsychologization of Consciousness // Aristotelian Society Supplementary Volume. 2021. Vol. 95 No. 1. P. 51-70.
88. Frégnac Y. Big data and the industrialization of neuroscience: A safe roadmap for understanding the brain? // Science. 2017. No. 358. P. 470–477.
89. Gendler T.S., Hawthorne J. Conceivability and possibility. Oxford: Clarendon Press, 2002. 420 p.
90. Goff P. Experiences don't sum // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10–11. P. 53–61.
91. Goff P. Can the panpsychist get around the combination problem? // Mind that abides: Panpsychism in the New Millenium / Ed. by D. Skrbina. Amsterdam: Benjamins, 2009. P. 129–135.
92. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. New York, USA: Oup Usa, 2017. 304 p.
93. Hacker P.M.S. Is there anything it is like to be a bat? // Philosophy. 2002. No. 77. P. 157–174.
94. Hacker P.M.S., Bennett M.R. Philosophical foundations of neuroscience. Malden: Blackwell, 2003. 480 p.

95. Hill C.S., McLaughlin B.P. There are Fewer Things in Reality Than Are Dreamt of in Chalmers's Philosophy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. 59. P. 446–454.
96. Hirai Y. Bergson on Panpsychism // *Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy*. 2022. No. 36. P. 137–157.
97. Horgan T. E., Potrc M. *Austere realism: Contextual semantics meets minimal ontology*. Cambridge: MIT Press, 2009. 232 p.
98. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // *The Philosophical Quarterly*. 1982. Vol. 32. No. 127. P. 127–136.
99. Jackson F. In defence of the identity theory mark I // *New perspectives on type identity: The mental and the physical* / Ed. by S. Gozzano and C. S. Hill. Cambridge University Press, Cambridge, 2012. P. 150–166.
100. James W. *The Principles of Psychology*. New York: Henry Holt and Company, 1890. 689 p.
101. Kirk R. Sentience and Behaviour // *Mind*. 1974. Vol. 83. P. 43–60.
102. Kirk R. Squires R. Zombies v. Materialists // *Aristotelian Society Supplementary*. 1974. Vol. 48. P. 135–163.
103. Kirk R. *Zombies and Consciousness*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 235 p.
104. Kim J. *Supervenience and mind: Selected philosophical essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 377 p.
105. Kim J. *Philosophy of mind*. Boulder: Westview Press, 2011. 386 p.
106. Koch C. *The feeling of life itself: why consciousness is widespread but can't be computed*. Cambridge: MIT press, 2019. 280 p.
107. Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 172 p.
108. Lacewing M. *Philosophy for A Level: Metaphysics of God and Metaphysics of Mind*. London: Routledge, 2017. 402 p.
109. Lamberth D.C. Interpreting the universe after a social analogy: intimacy, panpsychism, and a finite God in a pluralistic universe // *The Cambridge*

- Companion to William James / Ed. by R.A. Putnam. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 237–259.
110. Lamme V.A.F. Challenges for theories of consciousness: seeing or knowing, the missing ingredient and how to deal with panpsychism // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2018. Vol. 373. No. 1755. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2017.0344> (дата обращения: 06.02.2023).
 111. Leidenhag J. Unity Between God and Mind? A Study on the Relationship Between Panpsychism and Pantheism // Sophia. 2019. Vol. 58. No. 4. P. 543–561.
 112. Levine J. Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 64. P. 354–361.
 113. Levine J. Purple Haze: The Puzzle of Conscious Experience. New York: Oxford University Press, 2001. 204 p.
 114. Libardi M. Applications and limits of mereology. From the theory of parts to the theory of wholes // Axiomathes. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 13–54.
 115. Lin M. Spinoza's Panpsychism // The Routledge Handbook of Panpsychism / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 36–43.
 116. Loar B. David Chalmers's The Conscious Mind // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. Vol. 59. P. 465–472.
 117. Lockwood M. The grain problem // Objections to Physicalism / Ed. by H.M. Robinson. New York: Oxford University Press, 1993. P. 271–291.
 118. Lomand E. Consciousness // Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge, 1998. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/consciousness/v-1> (дата обращения: 01.08.2023).
 119. Marcus E. Why Zombies are Inconceivable // Australasian Journal of Philosophy. 2004. Vol. 82. No. 3. P. 477–490.
 120. McGinn C. Can We Solve the Mind-Body Problem? // Mind, New Series. 1989. Vol. 98. No. 391. P. 349–366.

121. Mendelovici A. Panpsychism's Combination Problem Is a Problem for Everyone // The Routledge Handbook of Panpsychism / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 303–316.
122. Miller G. Can Subjects Be Proper Parts of Subjects? The De Combination Problem // Ratio. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 137–154.
123. Mørch H. Is the Integrated Information Theory of Consciousness Compatible with Russellian Panpsychism? // Erkenntnis. 2019. Vol. 84. P. 1065–1085.
124. Montero B. What combination problem? // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 215–228.
125. Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and priority cosmopsychism // Panpsychism: Contemporary / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 113–129.
126. Nagasawa Y. Panpsychism versus Pantheism, Polytheism, and Cosmopsychism // The Routledge Handbook of Panpsychism / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 259–268.
127. Nagel T. What is it like to be a bat? // Philosophical Review. 1974. Vol. 83. P. 435–450.
128. Nagel T. The View from Nowhere. New York: Oxford University Press, 1986. 256 p.
129. O'Connor T., Wong H.Y. The metaphysics of emergence // Noûs. 2005. Vol. 39. No. 4. P. 658–678.
130. Oizumi M., Albantakis L., Tononi G. From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: integrated information theory 3.0 // PLoS computational biology. 2014. Vol. 12. No. 5. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1003588> (дата обращения: 06.02.2023).
131. Pereboom D. The material constitution of phenomenal consciousness // The Constitution of Phenomenal Consciousness / Ed. by S.M. Miller. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 418–432.

132. Piccinini G., Scarantino A. Information processing, computation, and cognition // *Journal of biological physics*. 2011. Vol. 37. P. 1–38.
133. Place U.T. Is consciousness a brain process? // *British Journal of Psychology*. 1956. Vol. 47. No. P. 44–50.
134. Roelofs L. The unity of consciousness, within subjects and between subjects // *Philosophical Studies*. 2016. Vol. 173. No. 12. P. 3199–3221.
135. Rosenberg G.A. *Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World*. New York, US: Oxford: Oxford University Press, 2004. 344 p.
136. Rosenthal D.M. Two concepts of consciousness // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1986. Vol. 49. No. 3. P. 329–359.
137. Schaffer J. Is There a Fundamental Level? // *Noûs*. 2003. Vol. 37. No. 3. P. 498–517.
138. Schaffer J. Monism: The priority of the whole // *The Philosophical Review*. 2010. Vol. 119. No. 1. P. 31–76.
139. Schaffer J., Ismael J., Quantum holism: Nonseparability as common ground // *Synthese*. 2020. Vol. 197. No. 10. P. 4131–4160.
140. Seager W. Consciousness, information and panpsychism // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. Vol. 2. No. 3. P. 272–288.
141. Seager W. Panpsychism, Aggregation and Combinatorial Infusion // *Mind and Matter*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 167–184.
142. Seager W. Panpsychist infusion // *Panpsychism: contemporary perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 229–248.
143. Searle J. Minds, Brains, and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. No. 3. P. 417–424.
144. Searle J. *Consciousness* // Searle J.R. *Consciousness and language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 36–60.
145. Searle J. Can information theory explain consciousness? // *New York Review of Books*. 2013. Vol. 60. P. 30–41.

146. Shani I. Cosmopsychism: A Holistic Approach to the Metaphysics of Experience // Philosophical Papers. 2015. Vol. 44. No. 3. P. 389–437.
147. Shannon C. E. A mathematical theory of communication // The Bell system technical journal. 1948. Vol. 27. No. 3. P. 379–423.
148. Shoemaker S. Identity, Cause, and Mind: Philosophical Essays. New York: Cambridge University Press, 1984. 365 p.
149. Skrbina D. Panpsychism in the West. Cambridge: MIT Press, 2007. 326 p.
150. Smith C. U. M. Charles Darwin, the origin of consciousness, and panpsychism // Journal of the History of Biology. 1978. Vol. 11. No. 2. P. 245–267.
151. Smith T. Animism // Internet Encyclopedia of Philosophy URL: <https://iep.utm.edu/animism/> (дата обращения: 01.08.2023).
152. Sprigge T.L.S. Panpsychism // Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge, 1998. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/panpsychism/v-1/sections/the-nature-of-panpsychism> (дата обращения: 01.08.2023).
153. Stoljar D. Physicalism. London: Routledge, 2010. 264 p.
154. Stoljar D. Panpsychism and non-standard materialism: Some comparative remarks // The Routledge handbook of panpsychism / Ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 218–229.
155. Strawson G. Panpsychism? : Reply to commentators with a celebration of Descartes // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10-11. P. 184–280.
156. Strawson G. Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism // Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. No. 10. P. 3–31.
157. Strawson G. Mind and Being: The Primacy of Panpsychism // Panpsychism: contemporary perspectives / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. New York: Oxford University Press, 2016. P. 75–112.
158. Stubenberg L. Russell, Russellian Monism, and Panpsychism // Consciousness in the Physical World: Perspectives on Russellian Monism / Ed. by T. Alter and Y. Nagasawa, New York: Oxford University Press, 2015: P. 58–90.

159. Sutherland N.S. The international dictionary of psychology. New York: Crossroad, 1996. 515 p.
160. Tononi G. An information integration theory of consciousness // BMC neuroscience. 2004. Vol. 5. No. 1. P. 1–22.
161. Tononi G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto // The Biological Bulletin. 2008. Vol. 215. No. 3. P. 216–242.
162. Tye M. Consciousness and Persons: Unity and Identity. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 208 p.
163. Tye M. Qualia // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/qualia/> (дата обращения: 24.02.2023).
164. Van Gulick R. Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/consciousness/> (дата обращения: 24.02.2023).
165. Voigt U. What a Feeling? In Search of a Metaphysical Connection between Panpsychism and Panentheism // Panentheism and Panpsychism / Ed. by G. Brüntrup, B. P. Göcke, L. Jaskolla. Leiden: Brill, 2020. P. 139–154.
166. Ward J. Naturalism and Agnosticism. The Gifford Lectures Delivered Before the University of Aberdeen in the Years 1896–1898. Cambridge: Cambridge University Press, 1899. 623 p.
167. Ward J. Essays in Philosophy: with a Memoir by Olwen Ward Campbell / Ed. by W.R. Sorley, G.F. Stout, Cambridge: Cambridge University Press, 1927. 372 p.
168. Yablo S. Is conceivability a guide to possibility? // Yablo S. Thoughts. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 39–78.